

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**

На правах рукописи

Зуева Евгения Викторовна

**Прецедентный характер уступительных коннекторов
в современном немецком языке**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Голубева Н.А.**

Нижний Новгород 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Концептуальные основы уступительных коннекторов как прецедентных единиц	15
1.1. Филогенез понятия <i>коннектор</i>	15
1.2. Логико-грамматический аспект коннекторов.....	19
1.3. <i>Прецедент</i> как концептуальная основа уступительных коннекторов..	28
1.4. Концептообразующая роль прецедентного отношения уступительных коннекторов.....	33
1.5. <i>Концепт</i> как формат знания.....	39
1.6. Лингвофилософская сущность феномена прецедентности.....	47
1.7. Виды прецедентности в языке	52
1.7.1. Выражение лексического вида прецедентности уступительными коннекторами.....	53
1.7.2. Выражение грамматического вида прецедентности уступительными коннекторами.....	62
Выводы по Главе I.....	67
Глава II. Интерпретативный потенциал уступительных коннекторов (концессивов).....	70
2.1. Метаконцепт <i>уступка</i> : структура, содержание	70
2.2. Общие и дифференциальные когнитивно-семантические компоненты концессивов.....	79
2.3. Когнитивно-семантическое доминирование концессивов.....	87
2.4. Морфосинтаксическая характеристика концессивов.....	93
2.5. Грамматикализация концессивов как фактор прецедентности.....	102
Выводы по главе II.....	109
Заключение.....	111
Библиографический список.....	116
Список источников иллюстративного материала	156
ПРИЛОЖЕНИЕ	158

ВВЕДЕНИЕ

Представленное диссертационное исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и посвящено изучению важного разряда лексико-грамматического фонда современного немецкого языка – уступительных коннекторов (далее – УК) как единиц, требующих при их интерпретации «континуума когнитивных затрат» [Stede 2004: 277]. Среди существующих подходов (функциональный, дискурсивный, прагмакоммуникативный, синтаксический) используемый в работе *когнитивно-функциональный подход* к исследованию уступительной семантики представляется продуктивным, так как он ориентирован на анализ ее содержательных компонентов когнитивной природы.

Рассмотрение дискутируемой проблемы логично предварить аксиомами языковой валентности А.Ф. Лосева, согласно которым она (языковая валентность) «всегда есть бесконечная стихийно-системная, и в частности конструктивно-техническая, интерпретативно-смысловая и коммуникативная валентность» [Лосев 1982: 137].

Язык — это одна из самобытных семиотических систем. Он является основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций [Ахманова 1969: 530]. Любой язык обладает собственной динамикой развития, которая, можно предположить, замедляется по мере приобретения достаточного количества средств для выражения языковых (лексических и грамматических) значений. Но словарный состав продолжает обогащаться как количественно, за счет заимствований, изобретения новых слов, так и качественно, приобретая различные смысловые образования, которые являются производными от начальных смысловых основ. В настоящей диссертации представлен

анализ производного языкового характера УК, который с учетом сказанного выше отражает динамическое развитие немецкого языка.

Стойкий научный интерес к проблеме связующих слов с уступительной семантикой обусловлен, предположительно, их языковой валентностью, в понимании А.Ф. Лосева, а именно, целым рядом языковых особенностей уступительности, предопределивших в лингвистике наличие нескольких исследовательских векторов. УК объединяются по разным лингвокогнитивным критериям – по категориальному статусу (союз), по функции (связующее слово), по пропозициональному статусу (коннектор), по результату познания (когниция, концепт), по речевой стратегии (дискурсоорганизатор).

По каждому из вышеобозначенных критериев имеется научный опыт описания языковых единиц с уступительной семантикой [Паршин 1988; Санников 1989; Храковский 1998; Апресян 1999; Лукин 2003; Гречина 2005; Кару 2006; Голукович 2007; Берзина 2012(1,2,3), 2017; Рец 2012; Безземельная 2016; König 1994; Kortmann 1998; Hunnius 1999; Patzke 1999; Günthner 2000, 2002; Barth-Weingarten 2003; Pasch 2003; Breindl 2003, 2004 (1,2); Di Meola 1998, 2004].

Семантика уступительной ситуации, неизбежно возникающей при столкновении двух разных по своей логико-мыслительной природе сущностей, характеризуется многоаспектностью, точнее, «сложностью значения в языке» [Апресян 2015], «непрозрачностью» [Урысон 2002], комплексностью логико-семантической категории [Di Meola 2004]. По образному выражению лингвистов, уступительность представляет собой «интерпретативный тупик» (*interpretatorische Sackgasse*) [Breindl 2004(2): 219], а УК как часть общего класса коннекторов являются «пропозициональными концентратами» (*propositionale Konzentrate*) «самосформулированными возражениями» (*selbstformulierte Einwände*) [Eroms 2001: 48-50]. Это означает, что необходимым условием

интерпретации их семантики является контекст, что в свою очередь подтверждает релевантность одного из тезисов когнитивной лингвистики о «мощном и осознанном стремлении к реконтекстуализации грамматики», которая направлена на восстановление связей грамматики с лексикой, социальным и культурным контекстом [Скребцова 2009: 153-154].

В отечественной лингвистической традиции семантика контраста, противительности, ограничения именуется уступкой, уступительностью (В.Ю. Апресян, Г.П. Берзина, О.В. Евстафиади, Е.В. Золинова, О.А. Лаврова, Е.Н. Мишина, Е.В. Плотникова, Е.В. Урысон, И.К. Харитонов, В.С. Храковский и др.).

В зарубежной лингвистике устоялся термин «концессивность», а лексемы разных частей речи и структуры с этой семантикой именуется «концессивами», хотя отечественные ученые, в частности германисты, также используют этот термин (Н.А. Андрамонова, О.А. Безземельная, Г.П. Берзина, Е.К. Вьюнова, А.Е. Голукович, А.С. Егорова, З.Ф. Михайлова, Н.И. Рец, Е.И. Шендельс; Н. Blühdorn, E. Breindl, E. Couper-Kuhlen, C. Di Meola, E. König, V. Kortmann, R. Pasch, U. Patzke, E. Rudolph). Предпринимается даже попытка установить зависимость [Берзина 2012(2)] и в то же время отличие концессии и уступительности [Голукович 2007: 13] как областей когнитивного и языкового плана. В нашей работе, в соответствии с тем или иным методологическим ракурсом анализа, термины «уступительные коннекторы» и «концессивы» выступают операциональными синонимами.

Все сказанное выше объясняет высокий эвристический потенциал уступительной семантики, сохраняющийся на протяжении многих десятилетий и делающий ее актуальной исследовательской проблемой.

Актуальность выполненной диссертации определяется далее несколькими релевантными лингвистическими и дидактическими факторами:

- 1) когнитивно-семиотическим уровнем рассмотрения коннекторов с уступительной семантикой как знаков эволюционного характера;
- 2) сложностью и специфичностью уступительной семантики в рамках всеобщей языковой универсальности и на уровне метаязыка;
- 3) предельностью (конкретностью) с точки зрения ее дальнейшей рефлексии в дискурсе как одного из ведущих разрядов дискурсоорганизующих слов;
- 4) актуализацией корреляции пропозитивный смысл – языковая структура, то есть реализацией данной семантики не менее специфическими языковыми средствами – коннекторами.

Таким образом, в настоящей работе уступительные коннекторы немецкого языка исследуются в нескольких методологических версиях – в когнитивном аспекте – в рамках *теории языковой прецедентности*, выводящей их на когнитивно-семиотический уровень, *теории концептов*, а также с позиций *когнитивно-семантической и когнитивно-синтаксической теории коннекторов*. Последний дидактический момент обусловлен пониманием синтаксического анализа как когнитивного механизма [Ulrich 2019], не исключая также его трактовку как метода познания.

Согласно положениям теории языковой прецедентности, прецедентность языкового знака понимается как его производность (вторичность) [Голубева 2009(1,2), 2010]. Изучение УК направлено, таким образом, на решение задач функциональной этимологии – одного из новейших направлений современной лингвистики, которая исследует функциональное развитие языковой единицы – ее формы и / или значения, что непосредственно связано с необходимостью анализа прецедентной (производной) функции языкового знака. «Эволюция общественной жизни

отражается в лексике языка, которая чутко реагирует на изменения в истории народа, фиксирует постоянные изменения в семантике слов» [Хвесько 2009: 5]. Отмеченные моменты указывают на *целесообразность* дальнейшего теоретического и языкового анализа уступительных слов немецкого языка.

Исследовательский интерес к семантике и синтаксису слов с уступительной семантикой на материале разных языков в течение последних десятилетий продолжает нарастать (см. имена ученых выше). В рамках синтаксической школы Института Немецкого языка (г. Мангейм, ФРГ) разработана концепция выделения из числа союзов в широком смысле языкового кластера «коннекторов», которые должны удовлетворять определённым логико-семантическим и грамматическим критериям [Pasch et al 2003].

На этих критериях строится предпринимаемый нами анализ УК как прецедентных единиц, и они будут изложены в данной работе в Главе II. Однако, не отвергая теоретических постулатов синтаксической школы Института немецкого языка и других лингвистических теорий, которые составляют теоретическую базу предпринятого исследования, мы исследуем *коннекторы* как *производные когнитивно-функциональные единицы языка с уступительной семантикой (концессивы) в рамках концепта «прецедент»*.

Сопоставляя семантический язык («язык мысли») и естественный язык, Ю.Д. Апресян указывает на то, что перевод сем – наименьших смысловых единиц способствует более глубокому пониманию смысла естественного языка [Апресян 1995(1): 40]. В нашей работе УК исследуются как производные лексические единицы. Это напрямую связано со словообразованием, в котором всегда прослеживается связь между исходными словами и производными, а именно семы исходных слов, являющиеся по природе носителями значений, «перетягиваются» в

производные слова, а значит, влияют на значение последних, в нашей терминологии, прецедентных слов.

Исходя из сказанного, **гипотеза исследования** формулируется следующим образом: Коннекторы с уступительной семантикой в современном немецком языке являются когнициями — результатами познания в ходе концептуальной интеграции концепта *уступка* и концепта *прецедент*; они обладают производной грамматической и лексической семантикой и на этом основании являются прецедентными единицами языка.

Объектом данного исследования являются уступительные коннекторы в немецком языке как прецедентные (производные) единицы.

Предмет исследования составляют когнитивные и языковые особенности уступительных коннекторов, когнитивные и языковые механизмы их реализации в языке и дискурсе.

Цель работы заключается в системном описании прецедентных значений и форм УК немецкого языка и выявлении этимологических связей между ними в разные периоды их языкового развития. Для достижения цели предполагается решение следующих **задач**:

- проанализировать теоретические положения концепции языковой прецедентности;
- исследовать логико-философское и логико-грамматическое содержание термина «коннектор»;
- выявить и описать общие и дифференциальные когнитивно-семантические компоненты УК;
- проанализировать концептуальную основу УК;
- изучить лексическую и грамматическую производность УК немецкого языка в диахронии;
- проанализировать пути грамматикализации УК в синхронии;

- выявить и описать семиотические признаки УК немецкого языка.

Научная новизна работы состоит в том, что *впервые* уступительные коннекторы современного немецкого языка исследуются в русле когнитивной лингвистики в рамках концепции языковой прецедентности, тесно связанной с функциональной этимологией и когнитивной семиотикой, а именно:

- УК немецкого языка исследуются как самостоятельная *когнитивно-тематическая область* языковых прецедентных явлений;
- УК немецкого языка рассматриваются как результат концептуальной интеграции концепта *уступка* и концепта *прецедент* — в ракурсе межконцептуальных связей; теоретически обосновываются и описываются *метаконцепт уступка* и его деривационные внутриконтцептуальные связи;
- вводятся в научный оборот метаязыковые термины *когнитивно-ассоциативная модель* как схема связи между производящими и производными знаками, *когнитивно-дейктическая проекция*, *метапропозиция*, *метазначение*, *метаконцепт*, *концессивная пресуппозиция* и др., объективируемые УК;
- описывается лингвистический статус УК как маркёров лексического и грамматического вида прецедентности,
- описываются принципы и пути грамматикализации УК как фактора их языковой прецедентности.

Теоретическая значимость работы заключается в рассмотрении УК как самостоятельного объекта прецедентной лингвистики, подтверждающего постулат о производности языкового знака как маркёра прецедентного мышления и динамического развития немецкого языка. Изучение выражаемых УК прецедентных отношений в лексической и грамматической семантике выявляет важные когнитивные и языковые механизмы становления и функционирования производных языковых форм и их значений на современном этапе, вносит вклад в изучение

исторического аспекта немецкого языка, то есть в становление функциональной этимологии как направления в языкознании, обогащает семантические теории. Исследование развивает постулаты теории пресуппозиций и пропозиций, теорию «синтаксиса коннекторов». Работа претендует в целом на методологическую значимость для когнитивной семантики германских языков и теории когнитивной семиотики.

Работа выполнена с использованием следующих **методов**:

индукция и *дедукция* для морфосемантического анализа составляющих «уступки» и выявления ее композициональности,

— *пропозициональный анализ* для обоснования пропозиционального статуса УК,

— *когнитивное моделирование* для концептуального конфигурирования concessive отношения и метаконцепта «уступка»,

— *объяснительное и динамическое описание* при выявлении путей и стадий грамматикализации УК,

— *компонентный анализ* и *выделение когнитивной доминанты* при анализе производно-дифференциальных метасемантических и онтологически-периферийных когнитивно-семантических признаков,

— *сравнительно-сопоставительный* при выявлении когнитивно-функциональной этимологии УК,

— *концептуально-дефиниционный* для исследования когнитивно-семантических сфер УК на материале лексикографических источников, —

— *концептуально-таксономический* анализ в ходе исследования синтактико-позициональной закреплённости УК,

— *интроспективный метод* для реализации языковой интуиции исследователя (при конструировании собственных языковых примеров).

Теоретическую основу исследования составляют следующие научные концепции и теории:

- общая теория прецедентности (Н.А. Голубева, Л.И. Гришаева, Б.Д.

Гудков, З. Каннгисер, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Г.Г. Слышкин, Ж. Фуркье, Т.В. Хвесько и мн. др.);

- синтаксическая и дискурсивная теории коннекторов (И.В. Белявцева, Н.В. Гаврилова, Е.В. Гречина, О.Ю. Инькова-Манзотти, Ю.А. Левицкий, Т.Н. Мусатова, Е.В. Урысон; Н. Blühdorn, U. Brauße, E. Breindl, C.-Di Meola, E. Eggs, U. Engel, H.-W. Eroms, S. Fahrländer, R. Pasch, U.-H. Waßner);

- теория значения (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.Г. Беляевская, А.В. Бондарко, А.Е. Бочкарев, А. Вежбицкая, С.Д. Кацнельсон, М.В. Никитин, Е.В. Падучева, А.А. Уфимцева; G. Frege, G. Fritz, M. Bierwisch, G. Kleiber, A. Linke, M. Nussbaumer, M. Schwarz).

- теория немецкого языка (В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, Л.Р. Зиндер, О.И. Москальская, О.А. Радченко, Э.Г. Ризель, М.Д. Степанова, В.С. Храковский, Е.И. Шендельс; O. Behaghel, W. Besch, K. Brinkmann, K. Bühler, W. Fleischer, G. Frege, R. Harweg, G. Helbig, W. von Humboldt, H. Paul, P. von Polenz, L. Weißgerber);

- концептология (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, В.И. Казарина, В.И. Карасик, С.Е. Кузьмина, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Л.А. Фурс);

- теория динамического развития языка (П. Адамец, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Голев, Ю.М. Лотман, Л.Н. Мурзин; M. Bierwisch, N. Boretzky, W.U. Dressler, S. Kanngießner).

Практическое значение диссертации видится в использовании ее теоретической и фактологической базы при освещении проблем по общему и германскому языкознанию в аспектах исторической синтаксис и морфология, топологизация частей речи, словопроизводство, производная номинация; когнитивной семантике в области когнитивного моделирования и концептуального анализа, метафорологии, прецедентной лингвистики как фактор расширения объектов ее исследования. Кроме

того, предпринятая разработка сложного аспекта синтаксиса немецких concessivов имеет значимое дидактическое целеполагание на всех уровнях изучения и преподавания немецкого языка.

Эмпирическую базу исследования составляют словарные статьи из этимологических и толковых словарей немецкого языка, художественные произведения В. Борхерта, Й. Рота, Т. Манна, К. Тухольски, С. Цвейга и др., а также научная литература на немецком языке, содержащие **1100** единиц с уступительной семантикой.

Положения, выносимые на защиту:

1. Уступительные коннекторы в немецком языке маркируют concessивное прецедентное отношение, которое является когнитивно-ассоциативной моделью связи между производящими и производными знаками. Они объективируют когнитивно-дейктическую проекцию, в которой отражается их когнитивно-функциональная этимология, формируемая когнитивно-семантическим признаком «протопрецедентность», понимаемым как хронологически обусловленная презумпция существования противоречия.
2. Специфика уступительной семантики коннекторов обусловлена их композициональностью и особым пропозициональным статусом, что позволяет им репрезентировать разные когнитивно-семантические сферы в форматах знания метапропозиция, метазначение и метаконцепт. Прототипическим прочтением выражаемой ими метапропозиции является метазначение «вопреки / ожидаемое не наступило».
3. Структура метаконцепта «уступка» характеризуется деривационными внутриконцептуальными связями и реализуется совокупностью содержательных метакомпонентов – concessивное отношение, concessивная импликация, concessивная пресуппозиция, concessивная ситуация, concessивная конструкция, concessивная стратегия. Слово

«мета» является идентификационным термином уступительной семантики на семиотическом уровне, а ядерный компонент всех значений уступки пресуппонируется логической связкой «вопреки» и является концептообразующим.

4. Композициональность concessивной семантики коннекторов раскрывается имплицативным и эксплицативным способом – на уровне их поверхностной и глубинной структур. Она представлена парадигмой общих (ядерных) когнитивно-семантических признаков (контраст vs, адверсативность, каузативность, кондициональность, аффирмативность), а также онтологически-периферийных дейктических признаков (местоименный, временной, пространственный, квантитативный, модальный). Прототипическое прочтение метазначения уступки проявляется в метасемантических признаках системно-языковой, дискурсивной и психологической природы, которые подлежат разделению на базовые и производно-дифференциальные.
5. Дискурсивно-производные concessивные значения для ряда коннекторов с изначально неконcessивной семантикой являются прецедентными. Наряду с концептуально ядерными семантическими признаками concessивов наличествуют их онтологически-периферийные признаки, которые являются прецедентными.
6. Уступительные коннекторы в немецком языке подвержены процессу грамматикализации в синхронии и диахронии (частеречная трансформация, редукция глагола, интеграция, порядок слов, словосложение), который свидетельствует об их прецедентном характере и реализации ими лексического и грамматического вида прецедентности.

Результаты диссертационного исследования прошли **апробацию** на конференциях разного уровня: Международная научно-практическая

конференция «Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» 2-3 апреля 2020 г., Нижний Новгород; Юбилейная Всероссийская научная конференция «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы», 9 октября 2020 г., г. Тамбов; 25-я Нижегородская сессия молодых ученых, 10-12 ноября 2020, г. Нижний Новгород, а также в **шести** научных статьях, опубликованных в научных изданиях, **четыре** из которых рекомендованы ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографического списка, Приложения с тремя рисунками.

ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Логика существования прецедентных явлений в целом с позиций философии языка кроется в прецедентном мышлении, которое строится на общих законах постижения языкового знания, а не на существующих догмах. Несмотря на длительную традицию исследований прецедентности, изучение различных проявлений прецедентности в лингвистической и культурно-семиотической проекции актуально и эвристично в современном гуманитарном знании.

В данной главе рассматриваются вопросы, направленные на повышение верифицируемости теории языковой прецедентности на примере важного разряда связующих слов немецкого языка – коннекторов, языковой статус которых не всегда вызывает ощущение достаточного единодушия в лингвистическом сообществе.

Прецедентность уступительных коннекторов – тот исследовательский объект, который способен дать новые точки доступа и информативные результаты в объяснении процессов порождения и понимания коннекторов, роли разного рода релевантных для них эпистемических факторов и форматов коммуникации.

1.1. Филогенез понятия *коннектор*

Понятие «коннектор» пришло в лингвистику из математической логики. Коннектором называется «такой функтор, т.е. знак для обозначения операции, в результате которой из высказываний порождается новое высказывание. Например, в исчислении высказываний в результате соединения коннектором \wedge («и») высказываний А и В, которое истинно только тогда, когда истинны А и В, и ложно во всех остальных случаях [...] Коннекторами являются и такие знаки: \vee («или...») \rightarrow («если..., то...») и т. п.» [Кондаков 1975: 264]. Таким образом, коннектор

понимается как союз. В терминах логики относительное значение коннектора является *функтором*, а реляты – *аргументами*.

В последнее время термин «коннектор», переведенный из логического аспекта в лингвистический как союз, активно внедряется в терминологический ряд синтаксиса и определил «синтаксис коннекторов» как направление в рамках проекта *Handbuch der deutschen Konnektoren* (HdK) «Справочник немецких коннекторов» (Грамматическая школа Института Немецкого языка, Мангейм, Германия). Авторами проекта (У. Браусе, Э. Брейндль, У.-Г. Васнер, Р. Паш) обоснована концепция выделения коннекторов из числа союзов в широком смысле и представлена в [Pasch et al 2003]. Согласно данной концепции, как самостоятельный класс связующих средств коннекторы должны соответствовать определенным критериям, подтверждающим их когнитивный, логический и языковой статус. Эти критерии разработаны на уровне пропозиции¹, которая, как известно, реализуется предложением, а, следовательно, в традиции отечественной германистики, на уровне текста [Москальская 1981]. Упрощенная дефиниция коннекторов, по методологической версии авторов проекта [Pasch et al 2003], отсылает к классу неизменяемых выражений, которые вводят предложения в определенное когнитивно-семантическое отношение друг к другу. Важность этого отношения для функционирования языковых единиц в целом отмечается в [Современный религиозный дискурс 2015; Плисов 2020].

В употреблении говорящими тексты являются не только специфичными в отношении структуры, вида и характеристики. Они типологически образуют единство, которое выражается через термины *коннекс*, *коннективность*, или *коннексия*, явно связанные с *коннектором*

¹ Пропозиция – элементарная структура представления знаний, «deskриптивное значение предложения и концепт для его потенциальных референтов» [Löbner 2003: 29].

как инструментом связи. В этом смысле различается *внутренняя текстовая, внешняя дискурсивная и прагматическая коннективность*, что породило термин «текстовый коннектор» [Textkonnektoren und... 2001].

Этот термин многозначен, потому что он указывает не только на внутреннюю содержательную коннексию, но также на сущностную когерентность в тексте, или же он касается одновременно внешней коннексии, т.е. динамического протекания дискурса, а также членения дискурса, которое одновременно и всегда вовлекается в исследование. Функции связующих средств во всех этих случаях частично пересекаются. Таким образом, под коннексией традиционно понимается связь элементов в словосочетания, предложения, тексты.

Одним из первых понятие «коннектор» ввел в грамматику немецкий лингвист У. Энгель, подразумевая под этим одновременно отсылочные формы (местоимения в виде анафоры и катафоры), текстоорганизаторы и сигналы членения. По определению ученого, коннектор осуществляет связь элементов в словосочетания, предложения, тексты и указывает на дискурсивные приемы, а потому их следует называть дискурсоорганизаторами [Engel 1988: 95].

Ф. Шанен уточняет реестр слов, которые в современной лингвистике принято называть коннекторами. К ним относятся корреляты (*als wenn/ob, je...desto, so...dass, so...wie, so/zu...als, wenn...schon/gleich*), субъюнкторы (союзы с подчинительной связью) (*als, da, damit, indes, ob, obschon, während* и др.), конъюнкторы (союзы с сочинительной связью) (*auch, zudem, teils...teils und* и др.) [Schanen 2001: 10].

Все коннекторы, в понимании лингвистов, являются в предложении собственно неизменяемыми лексическими элементами, возникшими в результате лексикализации. Они могут стоять в предложении на первом месте, в том числе, в качестве союзных наречий. Коннектором, в свою очередь называется элемент, который обеспечивает выражение

связанности текста [там же]. Таким образом, под понятие *коннектор*, сформулированное У. Энгелем, подпадают не только элементы, с которых начинается предложение, но, и единичные дискурсивные (диалогические) частицы, обладающие левосторонней коннексией, например, *allerdings* (во всяком случае), *auch nur* (только бы), а также слова или лексические обороты, которые связывают друг с другом одинаковые элементы. Под элементами понимаются члены предложения, предложения и целые части текста [Metrich 2001: 20; Schanen 2001: 22].

Авторы трактуют коннекторы как единицы, обеспечивающие связность текста / диалога и отражающие одновременно взаимодействие коммуникантов. Согласно Г.-В. Эрмсу, функция всех коннекторов – показывать динамический, агирующий и реагирующий характер коммуникации [Eroms 2001: 47]. Сказанное позволяет считать concessивные коннекторы *маркерами интеракции*.

Термин «коннектор» пришел также в российскую лингвистику, но в более широком значении. «Коннектор – языковая единица, функция которой состоит в выражении типа семантических отношений, существующих между двумя соединенными с ее помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выраженными имплицитно и эксплицитно» [Инькова-Манзотти 2001: 4].

Обобщенное понятие «языковая единица» позволяет не давать никаких предварительных ограничений относительно лексико-грамматического статуса лексем, относящихся к классу коннекторов, а также оставить в стороне вопрос о функционировании коннекторов в роли показателей не только семантической, но и синтаксической связи. Эти вопросы всегда вызывали многочисленные дискуссии, поскольку функцию коннекторов могут выполнять не только традиционные, но и некоторые другие единицы, лексико-грамматический статус которых, особенно в русском языке, не определен однозначно. Так, например, принято считать,

что то или иное связующее средство сохраняет или приобретает функцию союза, только занимая начальную позицию в предикативной части, перемещаясь же в другую позицию, утрачивает статус союза [Инькова-Манзотти 2001: 5-6].

Обобщенная дефиниция термина «коннектор» применительно к немецкому языку сводится к классу неизменяемых выражений, вводящих два предложения в определенное семантическое отношение друг к другу. При этом сущность когнитивной и лингвистической природы коннектора связана со многими специфическими феноменами. К таковым можно отнести различие между речевым значением, присущим выражению (или его части) и его системно-грамматическим значением; между денотатом выражения с его экстенциональным значением и пропозициональной характеристикой денотата с его интенциональным значением; пропозициональным содержанием выражения и модусом предложения, в котором это выражение реализовано; речевым значением выражения и его иллокутивной ролью; «собственным» значением выражения и пресуппозициями, включаемыми в это значение. Следует, однако, заметить, что для отечественных лингвистических исследований характерно в целом отсутствие дефиниторно четких критериев коннекторов, отличающих их от прочих связующих слов.

1.2. Логико-грамматический аспект коннекторов

Относительно уступительных коннекторов в лингвистической литературе единодушно указывается на то, что уступительные предложения фиксируют противоречие не двух реальных фактов друг другу – А и В, а двух стереотипных представлений говорящего о факте А и факте В, из чего можно заключить, что concessивная семантика характеризуется отмеченной *антропоцентричностью*. Подобный взгляд

на лингвистическую сущность коннектора представлен в [Паршин 1988; Инькова-Манзотти 2001; Textkonnektoren ... 2001; Brücken schlagen 2004].

Критерии определения логико-грамматического статуса коннекторов в рамках вышеупомянутого направления «синтаксис коннекторов» концептуально значимы для рассмотрения УК в настоящем исследовании (см. 2.4.), а потому остановимся на этом вопросе более подробно. Языковые элементы (дискретные единицы) являются коннекторами, если:

- являются неизменяемыми словоформами (Признак 1, далее – П₁);
- не имеют падежных признаков в своем синтаксическом окружении (П₂);
- обладают двусторонней реляцией (П₃);
- реляты их значения являются сущностями – пропозициями (П₄);
- реляты их значения выражены предложениями (П₅) [Pasch et al 2003].

По первому признаку коннекторы отличаются от глаголов. По второму – от глаголов и предлогов. По третьему – одnorазрядных (одноместных наречий), таких как *notwendigerweise*, *vielleicht*. В отличие от этих наречий наречия-коннекторы характеризуют положение вещей (обстоятельство) в том предложении, частью которого они являются, находясь одновременно в связи – реляции – с другим положением дел (отмеченном в другом предложении) [Pasch 2004: 3], например:

(a) Wir erwarten Gäste, (b) *deshalb* muss ich jetzt gehen. – Мы ждем гостей, поэтому я должен сейчас идти. (Здесь и далее перевод наш – Е. Зуева).

Так, коннектор *deshalb* указывает на причину (a), по которой говорящий должен идти, заключенную в другом предложении (b).

Четвертый признак отделяет употребление определенных языковых выражений как коннекторов и как *неконнекторов*, например, *dagegen* в разных примерах:

(a) Gestern war es noch ziemlich kalt. *Dagegen* ist es heute direkt frühlingshaft. – Вчера было еще довольно холодно. Сегодня, *напротив*, совсем по-весеннему.

(b) Der Baum ist zu schwach. Du sollst die Leiter nicht *dagegen* lehnen. – Дерево очень слабое. Не прислоняй *к нему* лестницу.

В первом случае (a) полуаффикс *da-* обозначает содержание пропозиции (*Gestern war es noch ziemlich kalt*), а во втором (b) – *dagegen* выражает локальную связь между двумя предметами – лестницей и деревом.

Пример (a) раскрывает смысл термина «коннектор» как «пропозиционального концентрата» (Г.-В. Эромс, см. выше). Любой коннектор лежит в этом случае в рамках «пропозиционального понимания» языковой единицы, как это постулировал Ю.Д. Апресян и позже Б.Л. Иомдин [Апресян 1995 (2): 314; Иомдин 2002: 8], то есть его семантика обусловлена содержанием пропозиции. **Пропозиция** является когнитивно-референциальным феноменом, она соответствует сообщению, суждению; это есть номинация уже структурированного *конкретного* «положения дел» с заполненными логико-семантическими местами его участников и отличается от тратовки **метапропозиции** (см. 2.1.).

Пятый признак позволяет отличить на логико-семантическом уровне коннектор от выражений, управляющих инфинитивными конструкциями (*um – zu, statt – zu*). Ср.:

Georg hält an, *um zu tanken* ← Georg hält an *um zu* er tankt. – Ганц останавливается, *чтобы заправиться*.

Er ist weggegangen, *ohne sich von uns verabschiedet zu haben*. – Он ушел, *не простившись с нами*.

Следует, однако, внести существенные уточнения в предложенную выше трактовку коннектора. Обозначать реляты, то есть коннекты, значения которых профилируются коннекторами, могут не только предложения, но и единицы предложенческого статуса, то есть способные

развертываться в предложения. Это касается употребления коннекторов-конъюнкторов (с сочинительной связью), например, *und* или некоторых коннекторов-субъюнкторов (с подчинительной связью), например, *weil*, *obwohl*, а также коннекторов, интегрирующихся в один из коннектов, например, *folglich*:

Hier studiert man Deutsch *und* Englisch. ← Hier studiert man Deutsch *und* hier studiert man Englisch.

Die Strafe war zu hart, *obwohl* gerecht. ← Die Strafe war zu hart, *obwohl* sie war gerecht.

Die Arbeit ist zu langwierig, *folglich* ist sie nicht machbar.

Таким образом, в качестве обозначения релятов (пропозиций) значения коннектора могут рассматриваться не только предложения, но и фразы и единицы, которые не являются предложениями, однако при наличии данного коннектора они могут быть расширены до предложения. Это касается случая употребления соединительных коннекторов (ср. *und*) или коннекторов, интегрированных в один из своих релятов (ср. *folglich*), а также подчинительных коннекторов (ср. *weil*). Такими структурами говорящий обходится для краткости, и они рассматриваются лингвистами на уровне языкового механизма конверсии [Engel 2004; Голубева 2010]:

Dort wächst noch Lavendel *und* dort wächst noch Jasmin. – Там растёт ещё лаванда и там растёт ещё жасмин. ← Dort wachsen noch Lavendel *und* Jasmin. – Там растут ещё и лаванда, и жасмин.

Das ist langwierig, *folglich* ist das nicht machbar ← Das ist langwierig, *folglich* nicht machbar. – Это требует много времени, следовательно, это не делается. ← Это требует много времени, следовательно, не делается.

Как сказано выше, коннекторы могут скреплять не только предложения. Это могут быть атрибутивно употребляемые прилагательно-причастные фразы:

Die von allen verehrte, *jedoch* ziemlich kühle Sängerin? (пример – [Blühdorn 2004: 16]). – Всеми почитаемая, *тем не менее*, достаточно холодная певица?

Опираясь на принятые нами, вслед за лингвистами мангеймского Института Немецкого языка, критерии коннекторов, мы обнаруживаем, что не все связывающие слова и словосочетания являются коннекторами. В этом смысле Г. Цифонун называет некоторые специфические конъюнкторы и коннективные частицы, находящиеся в предполье:

Solange sich das Bewusstsein vor allem jüngerer Verkehrsteilnehmer nicht ändert, sind Opfer an Leben, Gesundheit und Eigentum der Preis, den eine verdichte, mobile Gesellschaft zu zahlen hat. **Gemessen an der Verdichtung aber** sind die Deutschen in Europa nicht einmal Unfall-Nation Nummer eins” [Zifonun 1997: 1637]. – Пока не меняется сознание, прежде всего, молодых участников дорожного движения, ценой, которую приходится платить скученному, мобильному обществу, является жизнь, здоровье и собственность. *Но учитывая высокую плотность* населения, немцы даже не являются в Европе нацией номер один по количеству несчастных случаев.

Конъюнктор *gemessen an der Verdichtung aber* не является универсальным для всех предложений, его употребление ограничивается, если и не данным предложением, то распространяется только на предложения для выражения увеличения населения в административной единице. В то же время большинство коннекторов отличается универсальностью контекста.

В немецкой лингвистике, например, наречия *erstens*, *zweitens*, *drittens* относятся к коннекторам, которые могут находиться только на передней периферии предложения [Breindl 2004(1): 4; Pasch 2004: 709], что связано с более строгим порядком слов в немецком языке, например:

Erstens kommen wissenschaftliche Arbeiten nicht ohne terminologische Überlegungen bzw. Prämissen aus. *Zweitens* hat die Organisation des Kolloquiums mich darum gebeten [...] *Drittens* schliesslich bin ich überzeugt, auch wenn das hier und da mal geleugnet wird, dass [...] [ТК, 1]. – *Во-первых*, научные работы не обходятся без терминологических размышлений и предпосылок. *Во-вторых*, руководство коллоквиума меня попросило [...] *В-третьих*, в конечном счете, я убеждена, даже если то тут, то там это отрицается, что [...]

Е.В. Урысон относит наречия *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих* и т.п. в русском языке к числу коннекторов на том основании, что они связывают одно высказывание (предложение) с группой последующих высказываний (предложений), ср.:

Расширять дело мы сейчас не можем. *Во-первых*, нам придется тогда арендовать другое помещение. Найти большой и дешевый офис в центре почти невозможно. *Во-вторых*, надо будет увеличить штат. Это значит — платить огромный налог. *В-третьих*, наши поставщики слишком ненадежны [Урысон 2012: 3].

Обзор теоретической литературы позволяет увидеть разные подходы к классификации коннекторов. Определяющим принципом может служить его фиксированное местоположение в структуре немецкого предложения, как мы видим это у Г. Цифонун и подробно излагается нами в (2.4.). Вместе с тем это может быть функциональный подход с точки зрения реализации референциально-синтаксических (анафорических в широком смысле) связей в тексте. По мнению У.-Х. Васснера, коннекторы придают связь частям предложения явно в речевом отношении, определяют вид реляции между частями текста, а анафорические средства этим не занимаются [Wassner 2001(1): 37]. Противопоставляя анафорические союзы коннекторам, ученый в тоже время считает некоторые анафорики коннекторами. Так, союз-анафорик *dabei* является одновременно и союзом,

стоящим в предполье последующего связываемого предложения, и уступительным коннектором, который представляет собой производное от местоимения и предлога [там же], например:

Zahlen stehen unverdient in dem Ruf, langweilig zu sein. *Dabei* sind sie aufschlussreich [Pasch 2004: 561].

В данном примере коннектор *dabei* («при этом») соединяет следующие сущности, выраженные пропозициями:

(a) Zahlen stehen unverdient in dem Ruf, langweilig zu sein. –

Цифры имеют незаслуженную репутацию скучных.

(b) Sie sind aufschlussreich. – Они показательны.

Коннекторы могут иметь в своей семантической структуре наряду с указательными местоимениями (*das* в различных формах падежа – *dem* и *dessen*) прономинальные составляющие в виде локальных и модальных дейктиков *da* и *so* и называются прономинальными (местоименными) коннекторами [Wassner 2001(1): 37; Blühdorn, Golubewa 2007]:

Bei uns gibt's nichts Gescheit's, *deswegen* muss ich heute auf dem Markt einkaufen“. (пример – [Pasch 2004: 572]). – У нас нет ничего толкового, *поэтому* мне надо на рынок.

Класс коннекторов охватывает также части речи, которые традиционно соответствуют конъюнкторам и субъюнкторам. В него входят также семантически близкие к ним союзные наречия и некоторые другие единицы, которые раньше не соответствовали определенным частям речи. Это – реляционные частицы с функцией объединения предложения в тексты:

Unser Nachbar ist Langweiler, aber er kocht einfach himmlisch. *Nur deswegen / (aber) nicht deswegen* habe ich die Einladung angenommen“. (пример – [Pasch 2004: 49]). – Мой сосед – нудный, но он просто божественно готовит. Только *поэтому*, (а) *не потому* я приняла приглашение.

Релевантными являются также такие моменты, как когнитивный механизм *выделение*, в другой терминологии, *фокусирование* в связываемых выражением конструкциях; интонация в структурных компонентах коннектора (*trotzdem* – *trotzdem*, *wenn auch* – *auch wenn*, *damit* – *damit*).

Можно уточнить также четвертый критерий, а именно, реляты значения коннектора не обязательно должны быть сущностями, которые схематизируются *пропозициями* – единицами значения, идентифицирующими сущности и понимаемыми также как «эпистемические минимальные единицы» или иллокуции в терминах теории речевых актов [Pasch 2004: 16] (см. также понимание пропозиции выше и в 1.1.). Например:

Weil es geregnet hat (1), sind die Straßen nass (2). – Так как шел дождь, улицы мокрые.

Аргументами являются пропозиции: *Прошедший дождь* объявляется причиной *мокрых улиц*.

Но: *Es hat geregnet* (1), **denn** die Straßen sind nass (2). – Дождь шел, потому что улицы мокрые.

В этом случае аргументы являются эпистемическими минимальными единицами: Предположение, что «шел дождь», объясняется содержанием утверждения, что «улицы мокрые». Посмотрим далее:

Mensch, morgen ist unsere Buchbesprechung (1), *da* **musst du nämlich** *auch hingehen* (2).

Аргумент (1) является иллокуцией: Сообщение о том, что завтра обсуждение книги, обосновывает иллокуцию (2), что адресат информации должен идти на обсуждение книги, о чем он, вероятно, не знал.

Вслед за [Голубева 2010: 68], приведенные примеры указывают на то, что в пропозиции может меняться иллокуция, модус (вплоть до отрицательного), что не влияет, однако, на логико-содержательную

структуру пропозиции в целом. Поэтому постулат Р. Паш о том, что пропозиции не всегда выражают сущности, а потому предлагается термин «пропозициональные структуры», не вполне оправдан.

В списке коннекторов (HdK), как выяснилось, отсутствует диалогическая отрицательная частица *doch*, потому что она не соединяет две сущности внутри одной синтаксической единицы – сложного предложения. Однако частицу *doch* можно причислить к уступительным коннекторам, так как она инферентно соединяет две сущности, выраженные в двух пропозициях, но расположенные дистантно:

- (a) “Du kannst *doch* nicht nur zwei Scheiben essen“, sagte er auf seinen Teller. – «Ты можешь все же съесть не только два куска», сказал он по поводу своей тарелки.
- (b) „*Doch*. Abends vertrag ich das Brot nicht gut“. [Borchert, 112]. – «*Нет*. Вечером я плохо переношу хлеб».

В примере (a) *doch* является уступительной частицей, в примере (b) – коннектором с отрицательным значением, который объединяет две сущности: Du kannst doch nicht nur zwei Scheiben essen и Ich kann nicht zwei Scheiben essen с объяснением причины: Abends vertrag ich das Brot nicht gut.

В ходе анализа мы видели, что коннектор понимается как межуровневый элемент местоименной природы с набором свойств, которые указывают на его своеобразие. Дальнейшая классификация коннекторов может базироваться на словообразовательном критерии. По нему коннекторы могут быть простыми словами (*nur, bloß, doch*), композитами (*nichtsdestoweniger, dennoch, obwohl*), дериватами (*freilich, geschweige, während*), сложными структурами (*unbeschadet dessen; vorbehaltlich dessen, dass*), фразеологизированными предложными сочетаниями (*für den Fall, dass; im Hinblick darauf, dass; aus dem Grunde, dass*).

Вместе с тем в немецкой лингвистике, как и в российской, понятие коннектор рассматривается преимущественно в рамках сложного предложения. Коннекторы определяются как элементы лексического наполнения сложного предложения, выполняющие вместе с тем строевую роль и выражающие отношения между явлениями, о которых говорится в частях сложного предложения, более точно и специализированно, чем собственно союзы. «Они являются важным элементом структуры сложного предложения и во многом определяют его значение» [Белявцева 2008: 133]. Кроме того, отмечается, что он «служит для связи частей структур переходного типа, представленных на периферии сложносочиненных предложений, и бессоюзных сложных предложений, формальным показателем и структурно-семантическим стержнем которых он является» [Берзина 2002: 5].

1.3. Прецедент как концептальная основа уступительных коннекторов

В философском понимании прецедент есть герменевтически постигаемый «образец», динамично меняющийся в зависимости от эмпирической ситуации [Forrester 1996: 11]. В научной практике термин «прецедент» понимается как «случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием последующих случаев подобного рода» [Словарь иностранных слов 1964: 518.]

Термин «прецедент» возник в юриспруденции и пришел в культурно-языковое пространство в качестве «феномена первичного образца» [Ковалев 2004: 158]. Как отмечает Н.А. Голубева, первым ученым, который ввел термин «прецедент» в языкознание, точнее в немецкую грамматику, был французский ученый Жан Фуркье [Голубева 2014]. Само слово (лат. *praecedens* – предшествующий) понимается как «поведение, решение в определённой ситуации, при определенных обстоятельствах,

рассматриваемое как образец для действий или решений в аналогичных ситуациях, обстоятельствах» [Политология 1993: 316]. Всякое предшествующее, как правило, предполагает наличие последующего, производного от предшествующего. Неслучайно анализ причинно-следственных отношений является актуальным не только в юридической науке, но и в повседневной жизни. Лингвистика рассматривает язык в филогенезе, в истории, где встречаются все те же причинно-следственные связи, которые находят свое прямое отражение в производности, в нашей терминологии, прецедентности языкового знака.

Д.Б. Гудков является одним из первых отечественных лингвистов, кто перенес понятие «прецедент» из сферы юриспруденции в область лингвистики. Он представил «прецедент» в виде образцового ментального, языкового и речевого факта, который служит моделью для воспроизводства сходных фактов [Гудков 1999].

В лингвистике наметилось несколько подходов к классификации прецедентов. Так, Е.В. Бобырева выделяет несколько видов прецедентов: автопрецеденты – феномены окружающего мира, которые отражаются в сознании отдельного индивида и имеют для него особое гносеологическое, эмоциональное и ценностное значение; социумные прецеденты – феномены, которые известны большинству представителей определенного социума, то есть входят в их коллективное когнитивное пространство; национальные прецеденты – феномены, которые входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и легко узнаваемы членами этого сообщества; универсальные прецеденты – феномены, известные любому носителю современной цивилизации и входящие в когнитивное пространство всего человечества [Бобырева 2007].

В широком понимании он предстает «как коллективно или индивидуально детерминированное на языковом или коммуникативном уровне представление об определённой сущности, актуально-значимое в

сознании его носителя. Под актуальной значимостью подразумевается соотнесённость представления с планом прошлого, настоящего и планом будущего» [Голубева 2010: 23]. «В речи он передается определенными вербальными средствами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится» [Нуждина 2013: 1].

В рамках теории прецедентности [Голубева 2010] выделяются три типа прецедентов – языковой, коммуникативный и эпистемический, рассмотрение которых здесь обусловлено целеполаганием нашего исследования. Реализуются они соответственно в двух когнитивных проекциях – системно-языковой и дискурсивной. Системно-языковая проекция выражает связь языковой единицы с языковым прецедентом – лексическим, который реализуется в словообразовании: *meinen* ← *Meinung*, *malen* ← *Maler* и т.д., и грамматическим путем изменения грамматических форм и их значений: *Das Haus ist klein* ← *das kleine Haus*.

В системе языка прецедент может реализоваться в различных метафорах как номинативных единицах, например, сравнение рельефа земли с частями тела человека и другими предметами, схожими по форме (*Fuß eines Berges*, *Flußarm*, *Hausflügel* и др.). Здесь мы видим реализацию языкового лексического прецедента, потому что производящими языковыми элементами выступают единицы системы языка, зарегистрированные в ментальном лексиконе его носителя (*Fuß* + *Berg*, *Fluß* + *Arm*, *Haus* + *Flügel*) и подвергшиеся когнитивной трансформации – переосмыслению.

В свете теории языковой (лексической) прецедентности коммуникативным прецедентом обусловлено функционирование речевой лексической и художественной (индивидуально-авторской) метафоры, так как они передают ситуативно-образное мышление, возникающее в процессе коммуникации, которое обусловлено прецедентным мышлением, базирующемся на нашем опыте общения с миром. Например: *Er*

beschäftigte sich nicht weniger als zehn Fädlerinnen, hübsche junge Mädchen mit guten sicheren Augen und feinen Händen. [Mann, 119] – Он работал с не менее чем десятью *ниточницами*, красивые молодые *девушки* с хорошим надежным зрением и тонкими руками.

В данном случае девушки, работающие с нитками, именуются *ниточницами*, то есть происходит метонимический перенос смысла ремесла на обозначение его носителя.

Третим типом прецедентов является эпистемический прецедент, который традиционно реализуется в прецедентных феноменах прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация и др. (Л.И. Гришаева, И.В. Захаренко, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Н.М. Орлова, Г.Г. Слышкин и др.). Прецедентные феномены выполняют в нашей жизни важную роль. К их основным функциям относятся текстоорганизующая и текстообразующая, цель прецедентных феноменов – «достижение максимально успешного воздействия на адресата для провоцирования у него реакции, желаемой для адресанта» [Сафонова 2004: 139]. Поэтому использование прецедентных феноменов в разных содержательных видах дискурса вызывает высокий прагматический эффект [Чудинов 2001; Карасик 2004; Vorozhtsova 2012; Хорохордина 2018]. Сказанное позволяет постулировать, вслед за [Голубева 2020], *эпистемические прецеденты* как самостоятельный тип. Претеоретический анализ УК немецкого языка позволяет заметить, что их когнитивной основой являются лексический и грамматический прецеденты, а потому подробное рассмотрение прецедентных феноменов как эпистемического вида прецедента представляется здесь нецелесообразным.

Номинативные единицы языка, именующие прецеденты всех типов и отсылку к ним, несут когнитивно-семантический признак – прецедентность. В философско-языковом плане лингвисты говорят о «ярком / неполном характере прецедентности» [Дымарский 2004], «не

самом высоком уровне прецедентности» [Савёлова 2008], «прецедентности второго ряда», «низкой / высокой степени прецедентности» [Степанова 2006], «прецедентах актуального употребления» [Сулимов 2006], прецедентности в аспекте «лингвистики повседневности» [Тулина 2020: 421].

В рамках религиозного социума выделяется *внутренняя* и *внешняя* прецедентность [Карасик 2000; Бобырева 2007]. Под внутренней прецедентностью понимается воспроизводимость хорошо известных первичных образцов религиозного дискурса (фрагменты Священного Писания в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса). Внешняя прецедентность реализуется традиционно выделяемыми прецедентными феноменами (прецедентными именами, высказываниями, ситуациями), которые имеют свои специфические особенности при построении религиозного дискурса.

Прецедентность рассматривается в ракурсе разных дискурсивных практик и разных языков [Современный религиозный дискурс 2015; Канашина 2018; Голутвина, Бабина 2019; Незнаева 2019; Загуменнов 2020; Пермякова, Буракова 2020; Рубцова 2020; Болдырев, Григорьева 2020; Слободенюк, Плисов 2020].

Лингвисты связывают проблему прецедентности с проблемой интертекстуальности, так как понимание интертекстуально обогащенной речи невозможно без обращения к прецедентным феноменам, которые являются ее источниками [Москвин 2004: 55-56]. Действительно, если обратиться к известному произведению Ф. Ницше “Also sprach Zarathustra”, мы заметим, как облегчают понимание, анализ и критику произведения Ф. Ницше интертекстуальные связи с Библией [Nietzsche 1922].

Если понимать прецедентность как отсылку к прецеденту «каковым может быть другое произведение, его персонаж, мотив, ситуация как элемент сюжета, сюжет в целом, фраза персонажа или автора и т.п.»

[Дымарский 2004: 54-55], то можно увидеть прямую логико-понятийную связь между прецедентностью и интертекстуальностью. Интертекстуальность и прецедентность лингвисты относят к базовым категориям дискурса и отмечают, что интертекстуальность обязательно проходит фазу прецедентности (Н.В. Иноземцева, Н.А. Кузьмина, В.П. Москвин и др.). Интертекстема рассматривается как особая категориальная единица языка, которой присуще триединство признака: авторство, воспроизводимость и узнаваемость. Эти категориальные признаки интертекстемы свидетельствуют о ее прецедентном характере.

Таким образом, *прецедентность* понимается нами, вслед за Н.А. Голубевой, как когнитивно-семантическое свойство единиц языка производить и быть производными. Языковые единицы, наделенные этим свойством, явлены как *прецедентные*.

Согласно концепции настоящего исследования прецедентность УК будет рассмотрена в синхронии и диахронии, в парадигматике и синтагматике.

1.4. Концептообразующая роль прецедентного отношения уступительных коннекторов

Знакомство с исследованиями по уступительности на материале разных языков позволяет судить о производном характере ее структуры и семантики (В.Ю. Апресян, Р.И. Бабаева, Г.П. Берзина, Т.А. Колосова, Т.М. Николаева, А.Ф. Прияткина, А.М. Слепцова, Е.В. Урысон, И. Фужерон, В.С. Храковский, М.И. Черемисина; Н. Blühdorn, E. Breindl, E. Couper-Kuhlen, V. Kortmann, C.Di Meola, E. König, R. Métrich, R. Pasch, U. Patzke, E. Rudolph). Это означает, что возникновение и функционирование уступительных коннекторов лежит в области прецедентного мышления и их генетической логико-семантической обусловленности языковым прецедентом и априорно возникающего отношения между ними.

Как уже отмечалось выше, термин *прецедентное отношение* был введен в лингвистику Ж. Фуркье [Fourquet 1974]. Он обосновал наличие «прецедентного отношения» в синтаксисе на примере позиции предиката в немецком повествовательном предложении. То есть вторая позиция спрягаемого глагола в синхронии есть производное конечной позиции спрягаемого глагола в диахронии. Теорию «прецедентного отношения» развил в дальнейшем на знаковом уровне немецкий лингвист Зигфрид Кангисер [Kangießer 2006].

Прецедентное отношение, или отношение отсылочности, маркирующее презумптивность существования языкового прототипа – это *когнитивная проекция*, тип которой определяется онтологически или дискурсивно [Голубева 2015: 4]. С позиций когнитивной семантики такая терминологическая синонимия вполне оправдана, так как прецедентное отношение возникает при помощи когнитивного механизма «отсылка». Его можно отнести к механизмам ментального реконструирования, когда осмысление знания об одном предмете происходит при соотнесении знания о другом предмете [там же].

Существование прецедентного отношения между производящим и производным знаками выводит нас на содержание задач науки этимологии, которая занимается происхождением лексических и грамматических единиц. Например, слово «стол» произошло от «стелить» – раньше люди для приема пищи стелили на землю полотно. В этимологическом словаре А. Преображенского сказано, что слово «стол» означало «постилка» [Преображенский 1910-1914: 391]. Следовательно, слова «стелить» и «стол» связаны прецедентным отношением.

Прецедентное отношение выявляется не только на уровне этимологических связей, но и на логико-семантическом уровне в целом, например, на уровне гиперо-гипонимических и других видов семантических отношений. Так, гипонимы «предицируют гиперонимы и

тоже могут рассматриваться как прецедентные феномены» так как они имеют ассоциативные связи, выявленные в психолингвистических ассоциативных экспериментах: на предложенный стимул-гипоним испытуемые давали в качестве реакции его гипероним и наоборот: «*цветок* (гипероним) – *роза* (гипоним), *животное* (гипероним) – *корова* (гипоним) и т.д.» [Гольдберг 2004: 115]. Исходя из сказанного, признаком прецедентности наделены не только гипо-гиперонимические, но и антонимичные (*горячий* – *холодный*) и синонимичные (*крутой* – *обрывистый*) отношения слов. В рамках настоящей работы мы понимаем прецедентное отношение несколько шире, включив в него *ассоциативные связи между производящим и производным знаками*.

Когнитивной функцией языка является категоризация предметов действительности. Вместе с тем одним из способов категоризации является моделирование. Как мы видим, прецедентное отношение играет важную роль в этом процессе, так как является *когнитивно-ассоциативной моделью* связи между производящими и производными знаками.

Термин «модель» появился впервые у математиков конца XIX в. Э. Бельтрами и М. Клайна, а затем у философов Г. Фреге и Б. Рассела. В лингвистику термин был введен З. Хэррисом. Под *моделью* понимается «объект, артефакт, служащий для имитации или презентации объектов реальности и отражающий неполный набор признаков реальных объектов» [Мишанкина 2003: 37]. Модель «это способ абстрактной репрезентации или абстрактного представления некоторого объекта или состояния дел» [Вартофский 1988: 31]. Исходя из этого, все лингвистические высказывания являются моделями, репрезентациями фактов или предполагаемыми фактуально истинными дескрипциями. Вместе с тем, все модели являются в той или иной форме лингвистическими высказываниями, используемыми для сообщения фактуально истинных дескрипций [Вартофский 1988: 39].

В когнитивном аспекте интерес представляет когнитивно-сопоставительное моделирование. Оно представляет собой «схематическое представление номинативного поля языковых образований, вербализующих когнитивные структуры в составе определенной концептосферы. Моделирование осуществляется на основе данных, полученных при сопоставлении плана содержания и плана выражения компонентов, вербализующих когнитивные структуры» [Огнева 2013: 7].

Дж. Лакофф выделяет когнитивные модели 4-х типов:

Пропозициональные модели. Они вычленяют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними. Большая часть структуры нашего знания имеет структуру пропозициональных моделей. Автор приводит пример огня: пропозициональная модель нашего знания об огне включает и знание факта, что огонь опасен.

Схематические модели образов. Это специфические представления образов, таких как траектории, длинные тонкие формы и вместилища. Например, наше знание о свечах включает схематическое представление о тонких длинных предметах.

Метафорические модели – модели перехода от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой (метафора КАНАЛ для процессов коммуникации восходит к знанию о перемещении предметов к контейнеру).

Метонимические модели. Это модели одного или нескольких описанных выше типов, дополненные указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому. Например, модель, которая представляет структуру «часть – целое» включает указание функции части по отношению к целому, согласно которой часть может замещать целое. Например, у солнца может быть нечто общее с обжигающими предметами. [Лакофф 1988: 31-32].

Одним из способов представления модели является репрезентация. Репрезентация (*франц.* Representation — воспроизведение, показ), представление языковых фактов в условиях наибольшей убедительности. [Розенталь, Теленкова 1985: 236]. Репрезентация – широкое философское понятие как представление одного в другом и посредством другого. В наше время понятие репрезентации используется во многих науках, включая психологию, социологию и лингвистику.

Для лингвистики характерно представление о репрезентации как о «конститутивной функции знака, которая задаёт знак и сама предстаёт как знаковый феномен [Лукьяненко 2013: 162]. «Отсылка к объекту – это один из вариантов построения моделей, акт демонстрации объекта или состояния дел фактически превращает его в контексте вербального поведения в модель самого себя» [Вартофский 1988: 34]. Применительно к нашему исследованию речь идет об отсылке к прецеденту, который обуславливает формирование когнитивной модели производной языковой единицы и реализуется в прецедентном отношении.

В этом смысле нельзя не согласиться с М. Вартофским, что «любое предложение, которое можно рассматривать как дескриптивное, является моделью того, о чем говорится в этом предложении: оно является репрезентацией своего референта, то есть репрезентацией определенного состояния дел». Так, например, восклицание «Ай!» может в определенном контексте являться репрезентацией состояния «мне больно» [Вартофский 1988: 38].

М. Вартофский различает внешнюю репрезентацию – выражение некоторого содержания во внешней форме, которая является предпосылкой для так называемой внутренней репрезентации, т. е. рефлексивной деятельности (мышление, воображение, сознательное целеполагание), которая представляет собой развитие способности человеческого познания. Здесь, вероятно, речь идет о существовании

некоторых предметов в сознании человека, прежде чем они воплотятся в реальные модели, а затем в предметы. Творения известных мастеров литературы, живописи, научные проекты, существующие пока в воображении авторов, являются примером внутренней репрезентации и предпосылкой для воплощения внешней репрезентации – уже созданных моделей предметов определенной области, и они, в свою очередь являются моделями той части бытия, которую описывают. Это можно представить в виде схемы: *мысль – проект – сущность*.

Мысль о воплощении когнитивных моделей, как сказано выше, мы находим у Дж. Лакоффа. По мнению ученого, воплощение когнитивных моделей зависит непосредственно от их содержания. Они связаны регулярными отношениями с непосредственно воплощенными моделями. Когнитивные модели структурируют мысль и принимают участие в формировании категорий и в рассуждениях. Охарактеризованные когнитивными моделями понятия понимаются с учетом способа воплощения самих моделей. Большинство этих моделей реализуется для употребления. Невоплощенные модели используются только осознанно и с заметными усилиями, в переносном, или «метонимическом», рассуждении [Лакофф 2004: 151]. Под «усилиями», очевидно, понимается работа абстрактного мышления.

Представленная точка зрения Дж. Лакоффа отражает, по сути, функционал когнитивного моделирования. Особый акцент в нашем случае следует сделать на том, что оформленные в когнитивные модели понятия понимаются с учетом способа воплощения самих моделей, потому что в свете теории прецедентности когнитивная модель «концепт» базируется именно на понятии «прецедент» [Голубева 2010].

Каждая из описанных выше моделей имеет прямое отношение к реализации когнитивно-семантического признака прецедентности, так как базируется на когнитивной (мыслительной) проекции – прецедентном

отношении, которое в преломлении к уступительным коннекторам выступает *когнитивно-ассоциативной моделью* связи с производящими их языковыми прецедентами.

1.5. *Концепт* как формат знания

Как показывает знакомство с лингвистическими исследованиями по теме, рассмотрение уступительных связующих слов (в широком смысле) осуществляется в рамках трех подходов. Коммуникативный, или риторический, определяет их роль в построении диалога (В.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, П.Б. Паршин).

При логико-семантическом подходе уступка анализируется через набор дискретных значений *условие, причина, отрицание* и др. (М.В. Ляпон, Р.М. Теремова, Е.В. Урысон; Н. Blühdorn, E. Breindl, C.-Di Miola, U. Engel, E. König).

Доминантой когнитивно-дискурсивного подхода являются дискурсивно-обусловленные *смыслы* уступительности (О.А. Безземельная, Г.П. Берзина, Н.А. Голубева, А.Е. Голукович, В.С. Храковский; A. Dufter, K. Hunnius, T. Leuschner, A. Linke, I. Max). Данный подход базируется на понимании того, «что концепты и все КС (*когнитивные структуры*, разр. наша) есть **мысли**, возникающие в индивидуальном сознании в ответ на сигналы, поступающие из внутренней среды, а также из внешней – в виде текстов и устных сообщений [...]» [Архипов 2008: 158].

Когнитивно-функциональный подход постулирует анализ языковых явлений с точки зрения их когнитивной функции, а именно, «быть непосредственной действительностью мысли» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 564]. Методология этого подхода предполагает «работу со смыслами», но от когнитивно-дискурсивного подхода его, пожалуй, отличает универсальность рассмотрения языковых единиц не только в дискурсе как «особом фрагменте ментального мира»

[Кубрякова 2000], «формате знания» [Барашева 2018], «глобальной концептуальной структуре» [Бондаренко 2011], но и на системном уровне.

Концепт как ключевой термин когнитивной лингвистики может основываться на понятии и тогда он является простым концептом [Болдырев 2009(2)], но не исчерпывается только понятием. Он охватывает все содержание слова и денотативное, и коннотативное, которое отражает представления носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем разнообразии его ассоциативных связей [Быкова 2005].

Важно отметить, что концепт вбирает в себя значения многих лексических единиц одной семантической области. В нем аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности, а сам концепт реализуется не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, тексте, дискурсе [Маслова 2008: 80].

Поскольку прецедент как ассоциативный комплекс, языковой или коммуникативный прототип связан со способностью языковых единиц к генерации, он является концептообразующим. Так, Г.Г. Слышкин выделяет в ассоциативной структуре концепта интразону (совокупность входящих смысловых ассоциаций), экстразону (совокупность исходящих смысловых ассоциаций), квазиинтразону (совокупность входящих формальных ассоциаций) и квазиэкстразону (совокупность исходящих формальных ассоциаций) [Слышкин 2004: 9]. Таким образом, в интразону концепта входят ассоциации, актуальные для определенного периода. Автор показывает это на примере концепта «медведь». В словаре В.И. Даля этот концепт представлял собой набор ассоциативных связей, отличных от тех, которые представлены в словарях более позднего периода. В экстразону входят привычные для носителей языка понятия – сила, лень, шерсть и др. [Слышкин 2004: 61].

«Человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют

концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Это объясняется таким свойством концепта, как способность к изменчивости в сознании. Концепты, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Изменяется со временем и число концептов, и объем их содержания» [Павиленис 1983: 102-120; Маслова 2008: 68].

Вопрос о существовании концептов напрямую связан с номинативным аспектом. Это утверждение выводимо из мысли Н.Д. Арутюновой о том, что «дать предмету, лицу или явлению адекватную номинацию, «окрестить» его надлежащим образом, значит выявить нечто для него характерное. Вопрос наименования в этом смысле есть вопрос познания. И действительно, проблема обнаружения сущности явления часто осознается как проблема номинации: акт называния отождествляется с актом познания» [Арутюнова 1977: 334].

Именование как результат первичной и вторичной интерпретации является актуальным объектом когнитивной лингвистики, одной из задач которой представить номинативный ресурс языка в когнитивном аспекте, а именно вскрыть динамику корреляции номинация — когниция, показать гибкость стоящих за процессами номинализации когнитивных структур [Бабина 2003, 2016; Ирисханова 2005].

В этой связи «функционирование концепта рассматривается как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами» [Маслова 2008: 68]. Это, возможно, связано с тем, что ментальной деятельности человека в целом и соответственно концепту как форме отражения этой деятельности свойственна нечеткость [Бабушкин 1997: 12; Vater 2005: 58].

Человек, взаимодействуя с внешним миром, получает представления о нем. Так формируется некоторая модель мира, которая в философско-

лингвистической литературе именуется картиной мира. Картина мира – одно из фундаментальных понятий, при помощи которого описывается человеческое бытие. Концепты являются единицами сознания и информационной структуры, в которых отражается человеческий опыт (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павиленис, Г.Г. Слышкин).

Анализ способов хранения информации, а также её переработки показывает, что основой этих процессов является схематизация, которая может быть представлена простыми (*пропозиция, концепт-понятие*) и сложными ментальными моделями (*концепт-фрейм, матрица* и др.). Рассмотрим некоторые из них:

Представления – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений. К представлениям можно отнести так называемую мыслительную картинку любого референта (*ангел, смерть, человек* и т.д.).

Схема – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; пример – *гора* как возвышение над плоскостью.

Понятие – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления.

Фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (англ. *frame* – «рамка»); пример фрейма – «рай» как сад, город и небеса [Никонова 2006, 2007].

Сценарий (скрипт) – последовательность нескольких эпизодов во времени; стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве.

Гештальт (термин Х. Эренфельса)² – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании; представляет собой *целостный образ*, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления [Бабушкин 1997; Попова, Стернин 2001; Болдырев 2009(2)].

Концепт-инсайт (от англ. *insight* «проницательность», «понимание», «проникновение в суть»). Суть данного концепта – содержание в слове информации о конструкции, внутреннем устройстве или функциональном предназначении предмета (например, *зонта*) [Бабушкин 1997: 83].

Калейдоскопический концепт вербализуется афористическими выражениями, отражающими наше метафорическое мышление [Бабушкин 2019].

Концепты могут быть *устойчивые* (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и *неустойчивые* (нерегулярно вербализуемые концепты или совсем исчезающие).

Концепты подразделяются также по степени своей закреплённости в нашем сознании. Глубоко укоренившиеся в сознании концепты наделены конкретностью, высокой информативностью, субъективностью, действенной причинностью. По мере убывания этих свойств в концептах обозначается вектор движения к абстрактным смыслам [Silverstein 1981; Deane 1992]. Этот критерий позволяет делить концепты на *абстрактные* и *конкретные* [Болдырев 2009(2)].

Концепт как ассоциативный комплекс может иметь разную структуру: уровневую, ядерно-периферийную (полевою) и др. Ассоциации, закреплённые в виде словарных дефиниций языковых единиц, составляют ядро концепта. Периферия концепта образуется совокупностью

² Х. Эренфельс фон (Christian Ehrenfels von, 1859–1932) – австрийский философ, искусствовед.

контекстуальных ассоциаций. Рассмотрим, например, концепт «буря, шторм» (Sturm):

«Тип: Явление природы (Natürliche Art)

Вид: *Ветер*, высокая степень ветра, ближайшая и наивысшая степень которого называется ураганом.

Подвиды: *земная буря, морской шторм*: где?

Весенняя буря, осенняя буря, ноябрьская буря: когда?

Песчаная буря, вьюга (пурга), гроза, циклон: с чем?

Возникновение: *шторм* – как *ветер*; «следствие компенсации разницы давления воздуха в атмосфере из-за неравномерного нагрева поверхности земли с помощью солнечных лучей и т.д.» [Duden 1995: 573].

Как известно, концепты различаются как по структуре, модели, так и по содержанию. Относительно последнего принципа интерес представляет анализ уступительного концепта в рамках межконцептуальных связей как результата интеграции нескольких уже существующих концептов. Интегративный комплекс «уступкон» представляет собой не просто сумму семантических компонентов уступки, «а новый смысл, возникающий в результате концептуальной переработки исходных образ-схем и модусных рамок языковой содержательной единицы» [Берзина 2012(3)]. Из этого можно заключить, что новый интегративный смысл уступки является производным от его составляющих смыслов и в нашем понимании, **прецедентным**.

В лингвистике есть понятие концептуального значения слова. Это есть значение, «возникающее в индивидуальной языковой системе в результате переосмысления общенародного или терминологического значения, обусловленное мировоззрением конкретной личности, отражающее индивидуальное миропонимание и тип мышления данной личности» [Можнина 1999: 173; Имя собственное ... 2019]. Проявляется данное значение в синтагматике, с помощью ассоциативных связей,

актуализирующих семы, выражающие понятия, складывающиеся в индивидуальном сознании личности.

Если исходить из динамичности и нечеткости концепта, а также его коллективной и индивидуальной природы, что отмечается многими когнитивистами, то любой носитель языка может составить целый спектр ассоциаций, которые расширят упомянутый выше концепт «буря» за счет переносного – метонимического значения. Исходя из контекста, в когнитивное пространство этого концепта войдут *мятежность*, *конфликт*, а также *ссора*, *возмущение*, *негодование*, *возмездие* и др.

Когнитивный статус концепта заключается в выполняемой им функции носителя и способа передачи смысла; то есть функции перевода мысли в слово. Концепт получает языковое выражение с помощью средств *вербализации*; другими словами, языковой репрезентации, языковой объективации концепта. Он репрезентируется готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексикофразеологической системы языка [Попова, Стернин 2001: 38; Огнева 2013: 31].

Вербализованные концепты отражают признак высокой закрепленности в языковом сознании; они имеют в ментальном лексиконе регулярные средства выражения. Их противоположностью выступают «скрытые» – *невербализуемые* или *вербализуемые искусственно* только в условиях принудительно поставленной задачи (например, в условиях эксперимента) с соответственно их низкой закрепленностью в сознании носителя языка.

З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают в этой связи, что в любом языке есть лакуны («пробелы») – лексические единицы, которым нет соответствия в том или другом языке. Поэтому при описании того или другого предмета мы используем развернутые дефиниции, синонимические ряды и др. средства. Подтверждением тому служит отсутствие в немецком языке слова «доха». В словаре К. Лейна мы

находим лишь: *Pelzmantel (mit Pelz nach innen und außen)* [Большой русско-немецкий словарь: 441]. В словаре К. Лейна нельзя найти перевод слова «кошева», потому что немцы, возможно, также не использовали «широкие и глубокие сани с широким задком, обтянутые кошмой» [<http://enc-dic.com/efremova>]. Не найдется в немецком языке также лексема, репрезентирующая в русском языке концепт «сутки», а в русском языке мы не обнаружим лексемы, репрезентирующей «прилив и отлив», в отличие от немецкой лексемы «Gezeiten».

Как показано в [Быкова 2005; Гришаева, Цурикова 2018], в национальной концептосфере существуют лексически не выраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами. Они отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка. Эти концепты коммуникативно не востребованы, маркируют специфику национальной идентичности в межкультурной коммуникации. Межкультурное сравнение обнажает проблему концептуальной лакунарности, которая «выступает в качестве мерила культуроспецифичности того или иного элемента национальной концептосферы» [Ушкова 2010: 519-520].

В концептуальной сфере отдельных языковых форм (слов, их значений) реализуются разные ассоциативные связи и организуются в *схемы (образы)* (термин М. Джонсона [Johnson 1987]), которые могут пресекаться или взаимодействовать друг с другом. Изложенная М. Джонсоном трактовка действия «силы» может быть расширена и пересена на социальное общение, рациональную аргументацию и моральные выводы, включая ментальные сущности.

Так, Н.А. Голубева приводит примеры концептуальной интеграции концепта СИЛА и концепта УСТУПКА на примере уступительных союзных слов [Голубева 2005]. В рамках когнитивной семантики

концептальный анализ форм проявления действия силы для когнитивной обработки уступительных союзов, понятийная структура которых многослойна и относится к «контекстуально-чувствительной грамматике» (термин [Шендельс 1970]), можно признать эвристичным.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод об ассоциативной природе и динамичности концептов в концептосфере. Концепт как мыслительный продукт каждой языковой личности может передавать как коллективное, так и индивидуальное знание о мире.

1.6. Лингвофилософская сущность феномена прецедентности

Задачей данного параграфа является рассмотрение феномена прецедентности в когнитивно-знаковом ракурсе с тем, чтобы далее (Глава II) объяснить феномен прецедентности УК в немецком языке в общесистемном, языковом, а также в когнитивно-дискурсивном ракурсе через концепт «прецедент», то есть «было».

Понятия «феномен прецедентности» и «прецедентный феномен» это не креативная игра слов [Сулимов 2006; Голубева 2010; Булдаков 2011; Тимирханов 2012; Борисова 2014; Донец 2014; Егорова 2017; Арихина 2019; Кабанова, Филонова 2020; Тулина 2020]. Хотя и первое, и второе понятия восходят к концепту «прецедент», последнее, как правило, ассоциируется с прецедентными именами, прецедентными текстами, прецедентными ситуациями и т. д. [Феномен прецедентности ... 2002], а первое – кроме того, еще и с системными единицами языка, текста и дискурса в целом [Феномен прецедентности ...2004; Имя собственное ... 2019]. Таким образом, первое понятие шире второго.

Феномен, согласно одному из определений, редкое, необычное, исключительное явление [Словарь иностранных слов 1964: 676]. Феномен прецедентности в данном случае состоит в исключительности онтологических свойств, качеств и характера явлений и предметов

окружающего нас мира, которые являются хорошо узнаваемыми и воспроизводимыми членами определенного сообщества [Зуева 2016].

Оригинальный (в смысле и необычности, и авторства) подход к пониманию прецедентности, а именно, прецедентного феномена представлен в [Донец 2014]. Модель каждого прецедентного феномена автор рассматривает в трех стадиях его развития: 1) возникновение прецедентной ситуации, 2) переход ее (или одного из ее элементов) в стадию семантического прототипа, 3) повторение прецедентной ситуации (или одного из ее элементов). Развертывание самой прецедентной ситуации раскрывается в понятиях ««прецедентное действие», если она меняется в результате внешнего воздействия с актуализацией элемента Деятель, и «прецедентное событие», если ее изменение происходит в силу внутренних причин с актуализацией элемента Участник(и)» [Донец 2014: 431].

Феномен прецедентности понимается нами как когнитивное понятие, раскрывающее способность языковых единиц производить и быть производными и функционировать в рамках когнитивного прецедентного пространства.

Проследим реализацию данного феномена на конкретных языковых явлениях. Как известно, лексический состав языка претерпевает изменение в процессе исторического развития. Это не означает, что каждое слово непременно должно поменять свое значение, иначе бы язык изменился до неузнаваемости. Например, в словаре древнерусского языка мы находим слова, которые мы употребляем и по сей день с тем же лексическим и грамматическим значением, что и много веков назад: «вещь», «весело», «беседа», «благословение», «больница» и др., в том числе многие предлоги и союзы. Конечно, произошли некоторые изменения в лексическом значении слов. Слово «вещь» утратило одно из своих значений, раньше оно означало также «состояние».

Произошло сужение значения слова «быть» (д.-рус. «быти»): оно означало не только являться, находиться и случаться (происходить), как сейчас, но и имело другие значения: с предлогом отъ означало «исходить из кого-то, чего-то, происходить, появляться, возникать»: «вся благодать от Бога есть» [Словарь древнерусского языка 1998: 343].

Применительно к немецкому языку интересно употребление безличной глагольной формы 3 лица глагола «быти» в сочетании с инфинитивом, оно обозначало модальность: «и бяше видети дело стыдно и велми страшно» (и можно было видеть дело стыдное и очень страшное) [там же].

Похожее мы видим и в германских языках, когда глагол «быть» в сочетании с инфинитивом выражает модальность: *It is to notice* (это следует заметить); *Dieses Buch ist zu lesen* (Эту книгу нужно прочитать). Глагол «быть» («быти») употреблялся и как глагол связка, аналогично употреблению его в романских и германских языках. Ср.:

Ich war müde, meine Glieder schmerzten mich, und es war kein Sessel mehr, mich hinzusetzen: so legte ich mich flach auf den kalten Boden, über den der Zug von der Tür hinstrich [Zweig, 80] – Я устал, мои конечности болели, и не было больше стула *сесть*: так я лег плашмя на холодный пол, по которому от двери тянул сквозняк.

Это сходство грамматических конструкций может объясняться тем, что мышление, в отличие от языков, едино, и не исключает сходства способов выражения языкового, в данном случае грамматического, знания.

В рамках настоящей работы исследовательский интерес представляет репрезентация феномена прецедентности на грамматическом и лексическом уровнях языка. Однако его реализация в языке этими двумя уровнями не ограничивается, если взять, к примеру, «фонему по отношению к (алло)фону» [Голубева 2020: 98].

Средствами и формами реализации морфологического уровня являются артиклевые слова, модальные и вспомогательные глаголы, временные и инфинитивные формы глагола, прилагательные, местоимения, предлоги, союзы и т.д. В синтаксисе феномен прецедентности актуализируется с помощью атрибутивных словосочетаний, придаточных предложений, сравнительных, эллиптических и аппозитивных структур и т.д. [Голубева 2010].

Феномен прецедентности реализуется и в других сферах языка. В стилистике это употребление новых средств выражения грамматических значений, которые становятся прецедентом для их последующего воспроизведения. Так, у С.А. Есенина можно найти феноменальное средство выражения любви к природе родного края – объекту – перевод его из косвенного дополнения в прямое, когда он предлагает Шаганэ «рассказать поле». Мы знаем, что нельзя «рассказать поле». В нашем примере – это так называемое нарушение согласованности членов предложения – является необыкновенным способом выражения любви поэта к Рязанской земле.

Так, пшеничное поле в представлении разных людей являет собой разные концепты. В данном примере грамматический вид прецедентности реализуется в «отсылке» к категории переходности – непереходности глагола и позволяет в творческой – идеальной реальности – и «рассказать поле», и «петь» человека. Таким образом, мы видим, что грамматические прецедентные единицы в литературе могут выполнять и экспрессивную функцию, и генеративную, как порождающую новые грамматические конструкции, необычные для повседневного общения в рамках грамматической метафоры (переосмысления грамматического значения).

Касательно УК стилистическую (разговорно-обиходную) обусловленность имеет функционирование таких словоформ, как *ungeachtet davon, dass* (несмотря на то, что); *während dessen dass* (в то

время как); *trotz dass* (вопреки тому, что) и др. [Голубева 2010: 200], к которым можно отнести также устаревшие формы *ob* (хотя), *geschwiegen* (не говоря уже).

Предметом когнитивной лингвистики, как известно, является когниция как познавательный процесс и его результат. Когниция как процесс активна, она обусловлена потребностью приобретения, организации и использования знаний [Найссер 1998]. Когниция как результат познавательного процесса – это знания, которые выступают в этом случае необходимым условием его динамики. Она представляет собой взаимодействие систем восприятия, представления и продуцирования информации в слове» [Маслова 2008: 14], за что отвечает механизм воспроизведения.

Такое «производство» слов обогащает и развивает любой язык. Оно может быть как вертикальным, имеющем место в истории развития языка, как, например, уже упоминавшееся ранее слово «стол» от «стелить», уступительного коннектора «*obwohl*» от «*ob*» + «*wohl*», так и горизонтальным, что мы наблюдаем в таком способе словообразования, как словосложение на примере немецкого языка. Так, в немецком языке мы можем с помощью словосложения создавать различные слова (если они еще не созданы): *Einzelgängermerkmale* (признаки человека-одиночки), *Ersatzledermeister* (мастер по работе с искусственной кожей) и бесконечное множество других.

В немецком языке допускается словосложение со словами из других языков, например, в романе Вили Бределя «Отцы» (“*Die Väter*“) упоминается слово *Mitrailletfeuer* (пулеметный огонь) – от фр. *mitraille* (пулемет) и нем. *Feuer* (огонь). Семантика языкового знака производит новую информацию, заключенную в образовавшейся лексической единице.

Мы приходим к выводу, что феномен прецедентности имеет свою **когнитивную этимологию**, которая формируется таким когнитивно-семантическим признаком как **протопрецедентность**. Под этим следует понимать *признак хронологически обусловленной прецедентности как семантический признак когнитивной трансформации прецедентных единиц*. Таким образом, феномен прецедентности прослеживается и в грамматике, и в лексике, и в словообразовании немецкого языка. Он порождается посредством когнитивных механизмов, среди которых ведущим является «отсылка» (термин Н.А. Голубевой), и представляет собой последовательный переход одних языковых форм в другие и перерождение их грамматических и лексических значений.

1.7. Виды прецедентности в языке

С позиций прецедентного мышления [Хайдеггер 2006], существуют концептуальные основания противопоставлять языковой и коммуникативный прецедент, которые относятся соответственно к системе языка и дискурса, как отмечено выше. Разновидностью коммуникативного прецедента является эпистимический прецедент, который реализуется в прецедентных феноменах, зародившихся в определенной ситуации или каком-либо значимом общественном событии. Языковой прецедент может быть грамматическим и лексическим, названные виды прецедентов дают основание различать соответствующие виды *прецедентности* [Голубева 2010].

В соответствии с этим можно говорить о пяти языковых уровнях реализации категориального признака прецедентности: словообразовательном, лексическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом), лексико-грамматическом и коммуникативном. При этом следует ещё раз подчеркнуть, что грамматический вид прецедентности не всегда лежит в области осмысления прецедентного знака через языковой

прецедент. Поэтому для объяснения когнитивной основы грамматических прецедентных единиц активно привлекается контекст как носитель коммуникативного прецедента [там же].

Словоформа состоит из морфем. Среди них различают лексические морфемы (корневые морфемы и словообразовательные аффиксы), которые реализуют значение слова, а также грамматические морфемы (грамматические суффиксы и флексии), которые служат для выражения грамматических категорий. И те, и другие являются носителями смысла, который может в определенных коммуникативных ситуациях трансформироваться.

Эпистемическую прецедентность реализуют прецедентные феномены, которые передают энциклопедическое знание о важных исторических, культурных и других событиях в развитии человечества (*Ледовое побоище, Варфоломеевская ночь, взятие Бастилии; die Eisschlacht, Bartholomeus Nacht, die Erstürmung der Bastille* и т.д.).

Как прецедентные высказывания (прецедентные тексты малой формы) функционируют крылатые слова, пословицы, поговорки, различного рода цитаты (*Morgenstunde hat Gold im Munde, aus einer Mücke einen Elephanten machen* и др.). Более подробное рассмотрение эпистемического вида прецедентности не является концептуально-релевантным для настоящего исследования.

1.7.1. Выражение лексического вида прецедентности уступительными коннекторами

Согласно концепции языковой прецедентности, языковой прецедент, выраженный зафиксированным в ментальном лексиконе знаком, мотивирует *лексический способ* воспроизведения прецедентного смысла и позволяет говорить о лексическом виде прецедентности [Голубева 2010: 26]. Так, в уступительных коннекторах *allerdings* (во всяком случае) и

ungeachtet dessen, dass (несмотря на то, что) без труда обнаруживаются лексемы *Ding* (вещь, дело, обстоятельство) и *achten* (обращать внимание). Восприятие этих и других лексем тесно связано с восприятием сем, их непосредственных составляющих. Оно происходит посредством ассоциативных связей внутри каждой лексической единицы и между ее частями. Вызывая ассоциативные связи со своими ментальными «прародителями», лексемы *allerdings, ungeachtet dessen, dass*, как и многие другие лексемы, являются лексическими прецедентными единицами, хотя одновременно эти коннекторы функционально являются единицами грамматического фонда.

Если посмотреть при первом приближении на союз *obwohl* (хотя), то он произошел в результате соединения союза *ob* (ли) и наречия *wohl* (хорошо, благостно). Здесь мы видим реализацию грамматического вида прецедентности на словообразовательном уровне, проявляющуюся в словосложении. Вместе с тем, здесь налицо реализация лексического вида прецедентности, которая заключается в изменении лексического значения всего слова.

Далее проследим ход изменения лексического значения слова *obwohl* на его непосредственных составляющих. Слово *ob* (*obe*) в средневерхненемецкий период было синонимом временного союза *wenn*. В древневерхненемецкий период, когда язык вышел из германских языков, союз функционировал как *oba* [Kluge 1899: 286]. Параллельно с союзом *obe* существовал его омоним со значением «вверху» [там же].

Наречие *wohl* в вышеприведенные периоды имело форму *wola* и означало как «хорошо», так и «по желанию», и было связано с глаголом *wolan* (желать) [Kluge 1899: 429]. Так, на примере союза *obwohl* мы видим как лексические, так и частеречные преобразования, выражающие лексический и грамматический виды прецедентности одновременно.

Рассмотрим далее слово *gleichviel* («всё равно, «как бы то ни было»). Оно состоит из сочетания компонентов *gleich+viel*, означающих соответственно «равно» и «много». Прилагательное *gleich* имело форму в древневерхненемецком языке *gelich, gilih, gelijk* (ср. англ. like); гот. *galika*. Морфема *ge* означала «равный», существительное *lika* означало часть тела, *gilih (gelijk, galika)*, то есть «имеющий равное тело» [Kluge 1899: 147]. Сравним более поздний вариант *Leiche – тело, труп*. Союз *gleichviel*, а точнее, его непосредственная составляющая *gleich* содержит в себе замершую лексему *lika*, которая уже не дифференцируется носителями языка.

Как мы видим, произошло не только возникновение новых лексем *obwohl* и *gleichviel*, но и изменение грамматического статуса его непосредственных составляющих, которое дало появление новых грамматических единиц, союзов, что указывает на реализацию этими языковыми единицами одновременно лексического и грамматического вида прецедентности. Как известно, переход лексемы в граммему означает первую ступень грамматикализации, а переход грамматического средства или формы из одного грамматического разряда в другой является проявлением последующей ступени грамматикализации. Сказанное позволяет увидеть в рассмотренных словах вышепостулируемую протопрецедентность как онтологический признак прецедентности, ср., *wolan – wohl – obwohl; ge – lika – viel – gleichviel*.

Последовательный переход предполагает как возникновение новых форм, например, *da* (наречие) + *bei* (предлог) = *dabei* (при этом, concessiv), *trotz* (предлог) + *dem* (местоимение) + *trótzdem* (несмотря на это, concessiv), *Trotz!* (Сопровствляйся! – императив) ← *trotz* (предлог, concessiv). Вместе с тем форма может сохраняться, например, *trotz* (предлог, concessiv) ← *trotz* (субьюнктор, concessiv). Далее *trótzdem* (местоименное наречие, concessiv) ← *trotzdèm* (субьюнктор / союз,

концессив). То есть форма может возникать новая или сохраняться старая, а лексическое и грамматическое значение становится новым, производным (прецедентным). В данном случае мы рассматриваем коннекторы *obwohl* и *obgleich* как повторные номинации на уровне синонимии. Они являются производными по отношению к их ранее возникшему языковому прецеденту – синониму *obschon*. Мы воспользовались информацией З.Ф. Михайловой о хронологизации этих коннекторов. Однако здесь, по нашему наблюдению, во-первых, используется прецедентная словообразовательная модель сложного слова *ob + schon* (*ob + gleich, ob + wohl*); во-вторых, наречие *wohl*, как сказано выше, в древневерхненемецком имело значение «приятно», наречие *schon* в древний период восходило к прилагательному *schön* (красиво, приятно), то есть этот семантический компонент воспроизводится в *obwohl*. К сожалению, в немецком языке отсутствует хронологизация становления ментального лексикона в отличие, например, от английского языка. По Э. Фортейну, «даже удалённые признаки при транспозиции «продолжают играть роль в новом употреблении – хотя бы только на фоне. Это проявляется в характере избирательности при структурно-семантической транспозиции языковых единиц, на базе которых создаются многие их производные» [Фортейн 2008: 4-5]. Таким образом, говоря выше о производности коннекторов *obwohl* и *obgleich*, мы отталкиваемся от конкретной **прецедентной словообразовательной модели**, которая в рамках языковой прецедентности [Голубева 2009(2)] понимается как «прецедентный феномен», и на этом основании считаем эти коннекторы производными, то есть прецедентными.

Вместе с тем этот фрагмент анализа еще раз подтверждает тезис о теснейшей связи взаимодействия лексического и грамматического уровней языка. В континуальности перехода лексических значений в грамматические проявляется взаимосвязь категорий бытия и сознания,

которая обеспечивает формирование, передачу и понимание смыслов, в которой реализуется одновременно когнитивная и коммуникативная функции языковых единиц [Болдырев 2009(1): 98].

В рамках концепции языковой прецедентности лексический вид прецедентности реализуется в производности языкового знака на уровне *прецедентной* номинации, в традиционном понимании, производной, вторичной лексической номинации (прямой и косвенной), а также повторной номинации в отношениях синонимии (в широком смысле) в дискурсе [Голубева 2009(2)]. Например, *Zinn – zinnern*. *Zinn* – «олово» прилагательное *zinnern* образовано посредством продуктивного суффикса *-ern*. Слово *Zaunkönig* («крапивник») представляет собой метафору. Дословный перевод названия этого зоологического вида (птицы) означает «король заборов», вероятно, потому что эта птица любит петь, сидя на возвышенности. Сказанное подтверждает тот факт, что в основе словообразования лежит мотивированность, или мотивация, как отношение между формой и значением, указанным и указывающим. В основе любого слова лежит внутренняя флексия (этимон). И слово является единством формы, денотата и концепта. При наличии деривационной семантической связи между производящим и производным словом изменение собственно лексического значения последнего (*Buch – Buchhändler, Gold – golden, Tag – täglich*) однозначно указывает на лексический вид прецедентности.

Лексический вид прецедентности в полной мере проявляется во всех видах словообразования: деривации (*grün – das Grün*), словосложении (*Atomkraftwerksunfall*), стяжении (*das Hand-in-Hand-Arbeiten, das Stelldichein*). В этой связи продуктивным кластером ментального лексикона для реализации лексического вида прецедентности является вторичная лексическая номинация. Под этим термином понимается использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для

них функции наречения / названия [Телия 1977: 129]. В нашем случае таким примером может быть лексема с уступительной семантикой *wo* (ведь) как результат переосмысления лексемы *wo* (где) с вопросительной семантикой, лексема с темпоральной семантикой *schon* (уже), а еще ранее с модальной семантикой *schön* (красиво) в лексему с уступительной семантикой *schon* (уж(е)), а также лексема с модальной семантикой *dabei* (при этом) в лексему с уступительной семантикой *dabei* (притом / вместе с тем). Ср.:

(a) Gestern hatte mein Freund eine Party. Ich war **dabei**. – Вчера у моего друга была вечеринка. Я **на ней** была.

(b) Mein Freund ist ziemlich jung. **Dabei** ist er schon erfolgreich im Beruf.
– Мой друг относительно молод. **При этом** он уже успешен в профессии.

Формирование смысла нового наименования протекает под непосредственным воздействием смыслового содержания первого наименования, которое детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именованного, задавая тот или иной ракурс её рассмотрения. Предшествующее значение языковой формы передаёт часть информации, существенной для обозначаемого объекта, во вновь формирующееся понятийно-языковое содержание имени. «Определённый объём сигнификативного содержания переосмысляемой языковой формы предстаёт как внутренняя форма нового значения» [Телия 1977: 160]. Результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому, синтаксическому составу или по смыслу. Поэтому слово является знаком единства формы, денотата и концепта. Показательным и актуальным в этом смысле представляется, например, возникновение окказиональных неологизмов в концептуально-тематической области «политика» в немецком, французском и английском

медиапространствах, ср., *Merkozy, Sarkoland, Hollandie, Trumponomics* и др. [Имя собственное в медиапространстве ... 2019].

Наглядным способом выражения лексического вида прецедентности является метафоризация. Начиная с Аристотеля, главным ее свойством считалась смысловая двуплановость. Она заключается в понимании сущности одного вида в терминах сущности другого вида. Двуплановость имеет семантический вектор на первичную номинацию (первообразное наименование) и на вторичную (метафорическую номинацию) одновременно, то есть она возникает на переосмыслении первичной номинации. Переосмысление уже существующих в языке лексем и употребление их материальной оболочки во вторичной для нее функции – это появление единиц вторичной номинации [Телия 1988; Козинец 2008].

Так, *blutrot* (багряный), буквально означает «крово-красный». Предшествующее значение языковой формы *Blut* ретранслирует часть информации в новую единицу, а именно – особенность цвета крови. Выражение *voll Gift stecken* (быть насквозь пропитанным ядом) имеет переносное значение и связано прецедентным отношением с его омонимом, имеющим первичное, буквальное значение: яд – вещество, разрушающее организм, яд в переносном значении – недоброе отношение, зло, сарказм и другие отрицательные эмоции, полученные от других, также разрушительно действуют на психику человека [Бехтерев 1994]. Так отражают процесс «вторичные номинации, при котором одна и та же форма может приспособливаться для выполнения новых функций» [Гак 1977: 243].

Как замечено в [Нуждина 2013: 994], «метафора функционирует в виде уже готовой «языковой формулы» или в качестве нового, ранее неизвестного по форме, функции и смыслу словного обозначения, создающего «прецедент» для его последующего употребления. К ее лингвокогнитивным характеристикам относятся производность,

отсылочность, стереотипность (повторяемость, узнаваемость), с одной стороны, и лингвокреативность (неординарность, словотворческое новаторство), с другой, отражающие категориальный статус прецедентной единицы».

Изменение значения слова прослеживается в диахронии и в синхронии в ходе становления его многозначности. Например, слово «почерк» означает не только характер начертаний букв в письме, но и манеру писать (творить), то есть стиль, ср.: *творческий почерк художника*.

Как заявлено выше, повторная номинация также реализует прецедентное отношение, если под повторной номинацией понимать обозначение одного и того же предмета, лица, признака разными лексемами. Методологическая сложность определения повторной номинации в узусе немецкого языка заключается в отсутствии временной фиксации словоформ в лексикографических источниках. И лишь тщательный анализ лексем в исторической перспективе дает надежду исследователю на установление «истинной повторности» лексем по отношению друг к другу. Повторная номинация основана на отношениях синонимии, а также других типов родовидовых отношений значений слов на уровне языковой системы и на уровне дискурса (В.Г. Гак, Н.А. Голубева, В.Б. Гольдберг, Т.В. Жеребило и мн. др.).

В качестве примера синонимов можно привести анализ уступительных субъюнкторов *obwohl*, *obschon* и *obgleich*. Они различаются семантикой, заключенной в их морфемах: они состоят из компонентов *ob+wohl*, *schon* и *gleich*. Как отмечено выше, наречие *wohl* в древневерхненемецком имело значение «приятно», в средневерхненемецком – «желаемое», а в нововверхненемецком появилась еще сема «уверение», «догадка». Прилагательное *gleich* восходит к префиксу *ge-* и древнегерманскому *lika* «Körper», «Gestalt» [Михайлова 2015: 184]. Наречие *schon* в древний период восходило к прилагательному

schön, а позже приобрело значение «уже» [там же]. Таким образом, коннектор *obwohl* содержит оценочный компонент (несмотря на то, что (-), (+)), *obschon* – темпоральный компонент (несмотря на то, что уже) и *obgleich* – компонент аналогии присутствия противопоставленных значений (несмотря на то, что есть одно и есть другое одновременно). Сравним:

Sie lächelte ihm zu. **Obwohl** gebräunt, kam ihr Gesicht ihm sehr zerbrechlich vor. Und **obgleich** Lebrecht Kröger protestierte, **obgleich** er plötzlich mit ganz verächtlicher Betonung befahl: halt! Hier bleiben! (примеры [Михайлова 2015: 185]). – Она улыбнулась ему. *Хотя* загорелое ее лицо показалось ему очень слабым [...]

Obschon der Professor nur Altgriechisch gelernt hatte, verstanden ihn die griechischen Bauer. [Dreyer, Schmitt 2001: 166]. – *Хотя* профессор учил только старогреческий, греческие крестьяне его понимали.

Если возвратиться к происхождению данных коннекторов, то раньше всех из них сформировался союз *obschon* – в период средневерхненемецкого языка, остальные – *obwohl* и *obgleich* сформировались в нововерхненемецкий период [Михайлова 2015: 184]. Следовательно, *obwohl* и *obgleich* представляют собой повторные номинации по отношению к коннектору *obschon*.

Интересно функционирование лексемы с уступительной семантикой *geschwiegen* (не говоря) как производного знака от устаревшей лексемы *geschweigen* (молчать). В этом случае смысл повторной номинации *geschwiegen* формируется синонимическими отношениями *не говорить* = *молчать*.

Повторная номинация реализуется также при замещении имен существительных анафорическими элементами *das*, *dies* и т.д. Активная роль в актуализации повторной номинации отводится дискурсивным коннекторам *das heißt*, *dies (das) bedeutet*, *beziehungsweise* и др. Последние

вводят сущности, отражающие восприятие Говорящим действительности под особым углом зрения, которые являются повторными номинациями этих сущностей [Kempske 2000: 162; Голубева 2009(2): 72]. Сравним:

Und immer, auch wenn Nissen Piczenik keine Korallensendung zu erwarten hatte, und selbst an den Tagen, an denen keine Züge kamen, ging er *zum Bahnhof, das heißt zu den Sümpfen*. [Roth, 127].

В данном случае контекстуально-обусловленная повторная номинация обозначает место (*zu den Sümpfen*), куда направляется торговец кораллами Ниссен Пиченик. Поскольку вокзал находится возле болот, то идти к вокзалу (*zum Bahnhof*) равнозначно тому, что идти к болотам.

Рассмотренная выше метафора часто передает фоновые знания в виде прецедентных феноменов. Поэтому в ней реализуется не только лексический, но также эпистемический вид прецедентности. Ср., ангельское терпение (*Engelsgeduld*), потемкинские деревни (*Potemkinsche Dörfer*), гомерический смех (*homerisches Lachen*), вавилонское столпотворение (*der Turmbau zu Babel*) [Нуждина 2013: 994].

В основе эпистемической и лексической прецедентности можно заметить процесс активной реализации ассоциативных связей. Этот процесс является одним из основных для языкового сознания и деятельности мозга. Поскольку ассоциирование носит произвольный характер, оно способно не только отражать реально существующие, но и устанавливать новые, значимые для индивида связи объектов [Болдина 2006: 75].

1.7.2. Выражение грамматического вида прецедентности уступительными коннекторами

В (1.7.1.) замечено, что в составе словоформы различают лексические морфемы (корневые морфемы и словообразовательные аффиксы), которые реализуют значение слова, а также грамматические морфемы

(грамматические суффиксы и флексии), которые служат для выражения грамматических категорий. И те, и другие являются носителями смысла, который может в определенных коммуникативных ситуациях трансформироваться.

Описание существующих связей между исходными формами и трансформами на лексическом уровне и анализ их «внутреннего синтаксиса» в исследованиях германистов [Wilmanns 1899; Paul 1920; Kluge 1899; Fleischer 1976; Kühnhold 1978] позволяет признать значительную роль словообразовательных приёмов в интеграции лексического и грамматического уровней, которую мы показали выше.

В наше время в границах функционального направления исследуется способность трансформации содержания исходной части речи в форму другой части речи, что ведет к изменению грамматического значения слова.

В рамках словообразовательного процесса, например, и глагол, и имя существительное могут выступать в качестве и мотивирующего, и производного слова. Деривационные процессы происходят в двух направлениях – вертикальном и горизонтальном. Базу вертикальной деривации составляют семантические связи между компонентами значения. Формально-семантическое словообразование основывается на отнесенности производного слова к определенному разряду словообразовательного типа: мутационного, модификационного или транспозиционного.

Различие данных словообразовательных типов базируется на разной степени перестройки семантической структуры исходного слова в значении мотивата. При этом происходит только изменение категориальной семы, не затрагивающее область лексического содержания.

Существует также механизм деривации, который вызывает частеречную переаспектуализацию значения исходного слова и отражает базу горизонтальной трансформации. Эта роль отводится в образовании производных *универбализации*. Под этим понимается процесс, при котором сложная синтаксическая единица переинтерпретируется (или «реанализируется») как более простая [Gallmann 1999: 294], например, *allerdings, trotzdem, nichtsdestoweniger* и др. При универбализации сохраняется прежняя формальная комплексность. Новая единица становится не синтаксически, а морфологически сложной.

Особым случаем универбализации можно считать стяжение синтаксических конструкций от словосочетания до предложения в одно производное слово, в котором «внутренний синтаксис», как правило, маркируется дефисом. Эти лексемы носят зачастую окказиональный характер на уровне дискурса, например, *das Zu-sich-selber-kommen* (прийти в себя), *das In-der-Lage-Sein* (быть в состоянии), однако существуют также как системно-зарегистрированные данные *der Guckindiewelt* (ротозей), *der Gottseibeius* (нечистый дух), *das Jelängerjelier* (жимолость).

«Несмотря на то, что производные имена сохраняют некоторые грамматические и семантические особенности исходного слова, они [...] стремятся отделиться от него, приобрести семантическую специфику. Отглагольные субстантивы, генетически обладая временными, аспектуальными, динамическими свойствами, способны также нивелировать эти характеристики, определяющие характер глагольного процесса [Болдина 2006: 104].

«Деривационные отношения между словами разных частей речи означают изменение общекатегориальных, частных и лексико-грамматических показателей новой лексической единицы» [Болдина 2006: 54]. Примеры отглагольного субстантивного словообразования: *lesen* ← *das Lesen*; *trotzen* ← *Trotz (zum Trotz)* и т.д. Такой способ словообразования

в полной мере реализуется и в других германских языках: в английском языке имеется форма, сочетающая черты глагола и существительного – имя действия, герундий (*reading* от *read*). Тем самым представлен лишь один из способов выражения грамматического вида прецедентности.

Ю.Д. Апресян отмечает, что первым шагом в разработке лингвистической теории преобразований было сформулированное еще в 20-х и 30-х годах нашего столетия учение о синтаксической (функциональной) транспозиции, частным случаем которой является так называемое синтаксическое словообразование (Ш. Балли, О. Есперсен, Е. Курилович, Л. Теньер, А. Фрей). Ключевым пунктом этого учения было представление о том, что слово класса А может быть превращено (транспонировано) в слово класса В с соответствующим изменением синтаксических свойств, но с сохранением прежнего лексического значения, например, *двигаться* — *движение*, *белый* — *белизна*, *частый* — *часто* и т.д. Пары слов с указанной совокупностью свойств образуют основу для синонимического транспонирования и более крупных единиц — словосочетаний и предложений. Например:

Не люблю гулять подолгу. – Не люблю долгих прогулок.

Он сообщил мне, что доктор приехал — Он сообщил мне о приезде доктора [Апресян 1995: 316].

Ср.: *Wenn der Mensch schläft, ruht er sich aus.* – *Когда человек спит, он отдыхает.* *Im Schlafen ruht sich der Mensch aus.* – *Во время сна человек отдыхает.*

Грамматическая прецедентность выражается в этом случае в частичном преобразовании слов и словосочетаний при (частичном) сохранении или несохранении лексических значений, как в уступительном коннекторе *schon* (уж), *wo* (ведь), *zwar* (хотя).

Деривационные отношения между словами разных частей речи означают изменение общекатегориальных, частных и лексико-

грамматических показателей новой лексической единицы. Уже упоминаемая нами деривация предполагает изменение не только лексического значения слова, но и грамматического, поэтому имеет место *лексико-грамматический* вид прецедентности: *lehren – Lehren, Lehrer; bilden – Bild, Bildnis* и т.д., когда Говорящий связывает слова с их дериватами на уровне подсознания.

Как можно заметить, переход слова из одного разряда частей речи в другой реализуется путем языкового механизма конверсии. Например, почти все существительные английского языка можно перевести в глаголы (*love – to love*), в немецком языке все глаголы можно субстантивировать (*sein – das Sein, spazieren gehen – das Spaziergehen*).

На примере УК немецкого языка можно также четко видеть примеры грамматической перекатегоризации. Так, из причастия *ausgenommen* возник предлог *ausgenommen* («за исключением»). Союз *abgesehen davon* произошел от соединения причастия *abgesehen* и местоименного наречия *davon*. Непосредственные составляющие этого союза также являются дискретными единицами: причастие *abgesehen* образовалось из глагола *absehen* (игнорировать), состоящего из префикса *ab-* + *sehen*. Префикс *ab-* имеет значение устранения: *abnehmen* (снять), *abschießen* (сбить выстрелом). Местоименное наречие *davon* образовано от наречия *da* и предлога *von*. На этом примере мы можем видеть, что союз *abgesehen davon* произошел путем ряда грамматических преобразований. Помимо рассмотренной здесь конверсии называются и другие механизмы реализации грамматического вида прецедентности – рекуррентия, дейксис, повтор [Голубева 2010], а также экспрессия [Борисова 2014].

Выводы по Главе I

Для теоретических основ исследования уступительных коннекторов как прецедентных единиц концептуально значимыми можно считать следующие положения.

Прецедент – сложное когнитивное понятие, включающее в себя как исходный, конкретный случай реальной или языковой действительности, так и *ассоциативный комплекс*, активизирующийся в речи представителей определенного социума.

Прецедентность в языке – когнитивно-семантическое свойство единиц языка, указывающее на взаимные языковые и ассоциативные связи с первоисточником – прецедентом. Языковые единицы, реализующие эти связи, являются прецедентными. К ним относятся УК как единицы ментального лексикона и как грамматические единицы.

Прецедентность уступительных коннекторов носит ступенчатый характер и позволяет выявлять их протопрецедентность. Последний понимается как когнитивно-семантический признак *хронологически обусловленной презумпции существования противоречия*. Оба эти признака рефлектируют когнитивно-функциональную этимологию уступительного коннектора. Таким образом, термины «прецедентность» и «протопрецедентность» наполняются новым лингвистическим содержанием.

Прецедентность УК как свойство языкового знака проявляется при реализации их следующих функций: гносеологической (познавательной), генеративной (образование новых единиц), концептообразующей (категоризация объектов действительности, создание когнитивных моделей), аналитической (посредством когнитивных механизмов), дискурсообразующей. Генеративная функция прецедентных УК реализуется при помощи разных языковых механизмов: транспозиция, универбализация и др., в том числе при помощи *прецедентной*

словообразовательной модели, которая является прецедентным феноменом.

Понятия *прецедентный феномен* и *феномен прецедентности* – имеют различную лингвофилософскую трактовку. Прецедентные феномены маркируют уникальные явления мироздания и выражаются прецедентными текстами, ситуациями, фактами, именами и др., которые в единичных случаях соотносимы с уступительными коннекторами. Феномен прецедентности – явление, объясняющее производную сущность языкового знака как свойства, и онтологически соотносимо с уступительными коннекторами.

Реализация таких мыслительных процессов, как анализ, синтез, обобщение, представление, сравнение, отсылка, концептуальная интеграция позволяет проследить становление и функционирование УК немецкого языка. Эти процессы дают возможность понять и объяснить их производный характер.

Формой репрезентации знаний о вторичных номинациях референтов являются не только языковые, но и когнитивные модели. Релевантными для исследования УК являются:

когнитивно-ассоциативная модель прецедентное отношение схема связи между производящими и производными знаками;

метаконцепт – вторичный формат знания, который строится на прецедентном отношении;

метапропозиция как вторичное сообщение, суждение, соотносимое с действительностью, вторичная модель определенной области опыта познания;

метазначение как значение метапропозиции.

Уступительность – интегративная семантическая категория, основанная на связи и взаимодействии нескольких содержательных компонентов, которые передают семантический инвариант и

семантическое наращение и служат семантической основой концепта «уступка», метареферентация которого изложена в Главе II.

ГЛАВА II. ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ (КОНЦЕССИВОВ)

В данной главе отражены когнитивно-семантическая и когнитивно-синтаксическая характеристика УК. Этот разряд лексического и грамматического фонда немецкого языка привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов как «интерпретативный тупик» (Э. Брейндль). Здесь раскрывается глубинная и поверхностная семантическая структура уступительных коннекторов в немецком языке, их когнитивно-дискурсивная функция, обозначается тем самым, как постулируется в [Крюкова 2007, 2009], значимость герменевтики в познании и описании языковой картины мира в целом.

В данной главе термин «уступительный коннектор» фигурирует под общим термином «концессив», пригодным как для коннектора, так и *не*коннектора с концессивной семантикой.

2.1. Метаконцепт *уступка*: структура, содержание

Специфика лексической и синтаксической семантики уступки диктует необходимость анализа языка ее описания – метаязыка, до сих пор не получившего рассмотрения, что указывает на целесообразность предлагаемого сегмента исследования. Его целью является анализ терминов и понятий, раскрывающих онтологию немецких УК, которые конституируют логико-содержательную структуру метакоцепта «уступка».

Лингвистическое знание состоит, как известно, из «живого знания» о лексических, грамматических и др. явлениях языка. «Если знание о языке проявляется в его употреблении, то знания о языке проявляются в реакции на его употребление» [Рябцева 2008: 45]. Таким образом, метаязык как язык о языке — «Я знаю, что я знаю» [Клепикова 2010: 271] передает металингвистическое знание, которое, также как и лингвистическое,

поддается структурированию и моделированию. Возникающие модели знания о метаязыке выступают специфическими опорами для формирования / извлечения смысла сообщения в случае невозможности прямого наблюдения какого-либо языкового феномена и реализуют «метаязыковое сознание» [Мягкова 2010].

Таковыми моделями выступают разные метакогнитивные структуры, в том числе «метапропозиция» (см. ниже), а также «метаконцепт» (вторичный концепт). *Метаконцепт* истолковывается как результат «осмысления продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.)» [Слышкин 2004: 9].

Эта когнитивная модель мыслится также как «лингвоментальная структура декларативного (теоретического) и операционного знания, которая содержит в себе ценностный и регулятивный компоненты и в силу этого оказывается способной задавать сеть смысловых координат, схем, правил» [Лошаков 2008: 16]. И далее: она представляет собой «набор правил, своеобразную надстройку, регулирующую и контролирующую составляющие его абстрактные концепты» [Меньшикова 2010: 276], моделирует «метакогнитивное состояние» знания о знании [Клепикова 2008].

Так, анализируемый в (1.5.) концепт «буря» не исчерпывается указанными там ассоциативными рядами, он порождает вторичный концепт (метаконцепт), с которым мы сталкиваемся, например, в прецедентном высказывании «*кто посеет ветер, пожнет бурю*», которое восходит к Библии, в книге Осии: «Так как они посеяли ветер, то и пожнут бурю: хлеба на корню не будет у него [Израиля]; зерно не даст муки; а если и даст, то чужие проглотят её» (Осия: 8:7) [Библия, 802]. В преломлении к УК можно говорить о **метаконцепте** «уступка» как

производном – **прецедентном** – концепте, логико-содержательная структура которого нуждается в объяснительном описании (2.1.).

В семиотическом аспекте метаконцепт, в нашем случае «уступка», является когнитивной основой вторичной категоризации мира, а УК ее языковыми средствами. Любой метаконцепт является производным, хотя и автономным, и, согласно вышеприведенному пониманию в лингвистике, носит условный, обобщенный, а потому интерпретативный характер.

Философия языка трактует значение уступки как смысловой символ, абстракцию. В отличие от выделенных лингвистами из ее семантики *причины, времени, степени интенсивности признака, условия* и др., *уступка* не входит в значения объединяемых ею вербальных знаков – слов или конструкций. «Это всего лишь метаслово, удобное для того, чтобы выделить некоторую группу слов для рассмотрения, но не пригодное для их толкования» [Апресян 1999: 24]. Лексема «уступительный» не именуется это значение прямо, не эксплицирует его, а является лишь его общепринятой меткой, неким условным ярлыком [Урысон 2002: 36]. Из сказанного следует, что метаязыковой характер уступки прескриптивно можно объяснить ее семантической **синкретичностью**.

Наработанный опыт анализа уступки на материале разных языков позволил выявить в ней общие метасемантические признаки когнитивной, логической, коммуникативной и психологической природы. К ним относятся *нарушение (отклонение от нормы), недоумение, преодоление препятствий, предел, неожиданность, поворот (смена), заблуждение, компромисс (ничего не поделаешь), компенсация, обманутое ожидание, лишение, изолирование, конкуренция* (В.Ю. Апресян, Г.П. Берзина, К. Кару, Е.В. Урысон, В.С. Храковский; E. Breindl, J. Buscha, G. Helbig, E. König, B. Kortmann, E. Lang, C.-D. Meola, R. Pasch, U. Patzke). В разных семантических интерпретациях это понимается как *утверждение вопреки другому ожиданию, возражение против нормального ожидания* и др.

Когнитивно-функциональный анализ языковых средств репрезентации уступки показывает, вместе с тем, что ее содержательная палитра гораздо шире семантики прототипического прочтения. Она обнаруживает целый ряд других метасемантических признаков (Г.П. Берзина, Е. Брейндль, К. Ди Меола, Е.К. Вьюнова, Е.В. Золинова, Е. Кёниг, О.А. Лаврова, Е.Н. Мишина, Е.В. Плотникова, Е.В. Урысон, И.К. Харитонов, В. Хлебда, Е.А. Шикалова, М. Штеде, У. Энгель).

Прототипическое прочтение метазначения уступки ($p \rightarrow \sim q$) «ожидаемое не наступило» является **метапропозицией** и триггером для формирования самостоятельного сегмента производно-дифференциальных метасемантических признаков.

Анализ работ вышецитируемых авторов позволяет отнести к этим признакам: *разнознаковую смысловую отмеченность (несимметричность, обратнопропорциональность смысла)*, *избирательность*, *контрастивное сравнение*, *оговорку*, *отказ*, *согласие*, *разрешение (передачу полномочий)*, *неожиданность*, *терпение*, *жертвенность*, *покорность*. Но и в первом (общие), и во втором случае (**производно-дифференциальные**) признаки обусловлены когнитивным диссонансом – нарушением причинно-следственных связей в объективации соотносимых сущностей.

Отмеченные «сложность», «непрозрачность» значения уступительного знака (В.Ю. Апресян, Е.В. Урысон) предполагают имплицитную реализацию одновременно всех его семантических компонентов с доминантой одного из них. Вполне очевидный синкретизм уступительного знака сигнализирует о том, что «игра» его семантических компонентов реализуется имплицитно, а «уступительное предложение – это сокращённое построение, семантически выражающее четырёхчастную мысль, которая конденсируется в двухчастной (реже – трёхчастной) структуре» [Печенкина 1976: 19].

Мысль лежит в основе любого значения – лексического, грамматического и др., а, как известно, *Bedeutung sucht Form* «значение ищет форму» [Auwera et al 2010: 269]. Уступительность обретает свою форму в имплицативных конструкциях, «в которых с позиции наивной логики естественное сосуществование событий выражается в причинных и условных конструкциях, а неестественное (ненормальное) – в уступительных и условно-уступительных» [Храковский 1998: 79]. Таким образом, семантический анализ уступительных выражений возвращает нас к математической логике и далее к понятию «концепт имплицитного» [Linke et al 2000]. В нашем случае – это **концессивная импликация**, которая кодирует другие семантические виды импликаций [Breindl 2004(2); Евстафияди 2010], в том числе импликацию схождения, как она понимается в [Постникова 2012; 2018].

«Импликация (лат. *implicare* – *тесно связываю*) – логическая операция, связывающая высказывание с помощью логической связки, которое в обычном языке в значительной мере соответствует союзу «если..., то...», если А, то В» [Логический словарь-справочник, 192]. Логический союз имеет характеристику значения правды (*Wahrheitswertcharakteristik* – w, w), материальная импликация имеет характеристику значения правды (w, w; w, f; f, f), отрицание имеет характеристику значения правды (f) [Pasch et al 2003: 17]. Под характеристикой значения правды действия (исходящего из логики предложения) автор понимает разделение значений правды на «верно» (*wahr*) – «неверно» (*falsch*). Например, в предложении *Obwohl die Jahre enteilen, bleibt die Erinnerung* «Хотя годы бегут, остается воспоминание» должно быть распределение значения правды <w, w> для обоих предложений (пример – [там же]). Под значением речевого выражения автор понимает то, что в момент употребления подвергается анализу, если при этом речь идет об аспекте так называемого пропозиционального

содержания выражения. Так, оно может быть «отрицательно, положительно (установлено как верное), узноано или как-либо иначе подвержено влиянию других языковых выражений» [там же].

Сила когнитивной лингвистики заключается, в том числе, в экспланаторности [Кубрякова 2009]. Объяснительный аспект какого-либо речевого выражения «подвергается анализу», когда он прокомментирован напрямую. Так, прокомментировано может быть то, что сообщается, например, посредством местоимения „das“ в предложении „Das glaube ich nicht“ (*Я этому не верю*) в качестве ответа на содержание приведенного выше предложения (*Obwohl die Jahre enteilen, bleibt die Erinnerung*). В данном сложноподчиненном предложении, где второстепенное предложение является повествовательным, а также в сложносочиненных предложениях, которые являются соединениями повествовательных предложений, значением является то, что составляет условия, при которых предложение (или соединение предложений) является истинным, то есть составляет условия правды (*Wahrheitsbedingungen*). Значение выражения понимается, таким образом, как аспект условий его употребления, то есть условий его корректного применения, обеспечивающих истину.

Данная выше дефиниция импликации во многом обуславливает сущность закона силлогизма с релевантной характеристикой значения правды, или «условий правды». Значение речевого выражения в этом случае формирует семантика пропозиции с «условиями правды». *Пропозицию* мы трактуем, разделяя мнение лингвистов, в том числе как логико-семантическую структуру сущности, объективированную предложением, другими словами, как некоторое схематизированное концептуальное содержание, которое подлежит вербализации, составляет основу семантической структуры предложения и репрезентируется его синтаксической моделью [Кузьмина 2015; Фурс 2004].

Говоря об уступке, мы подразумеваем кроме пропозиции с «условиями правды» наличие пресуппозиции, говоря проще, предварительного знания о семантической ситуации, реализованной предложением. Здесь мы разделяем взгляд на пресуппозицию как „prä-verbale Proposition“ (превербальную пропозицию), обеспечивающую между коррелирующими пропозициями семантико-прагматическое когерентное отношение [Stede 2004: 255] и опираемся на постулат, согласно которому «Значение предстает не данным, а заданным — таким, как его конституирует знание» [Бочкарев 2009].

В когнитивном процессе, как известно, активно задействована логика. В этом смысле пресуппозиция выступает *Modus ponens*. Она призвана контролировать ситуацию, которая актуализируется предложениями. Понятие пресуппозиции (но не сам термин) объясняется впервые в [Frege 1892: 25; 1962: 54]. Оно сводится к логической формуле: *Из P следует P'* , которая по сей день сохранила свою актуальность и породила научные споры о природе пресуппозиции (семантическая, прагматическая и др.). Чтобы concessивное соединение предложений было правильно оформлено, наряду с условиями правды должно выполняться дальнейшее условие для корректного употребления коннектива (связующего слова), образующего предложения. Значения предложений должны выполнять условие, которое логически совместимо с (соединением высказываний) $p \rightarrow \sim q$. Эта связь с характеристикой значения правды не является условием, при котором сложное предложение считается верным, то есть должно быть выполнимо не значение сложного предложения, а опосредованных речью частей предложения. Поэтому эта логико-содержательная связь (значение) обозначается как пресуппозиция, или пресуппозиция дискурса, так как она в случае своего следующего из логики высказывания союза перекликается со значением всего сложного предложения [Linke et al 2000; Ильина 2002].

Так, коннектив *obwohl* «хотя», по словам Р. Паш, требует интерпретацию пресуппозиции. Содержание этой пресуппозиции выражается схемой $p \rightarrow \sim q$ и является содержанием утверждения, истинность которого ставится под вопрос через содержание другого утверждения [Pasch et al 2003: 27]. Это происходит «именно посредством значения составляющего concessивную конструкцию логического союза, относящегося к p и q , которые в свою очередь являются логически несовместимыми. Через утверждение $p \& q$ при употреблении concessивных конструкций мы приходим к выводу, что $\sim q$ не является необходимым следствием p » [Там же]. Таким образом, данная логическая структура является общей для коннекторов со значением уступки.

Вместе с тем в [Dufter 2003: 60] отмечено также, что concessивность базируется не на онтологическом уровне импликаций, которые надо обнаруживать, а на уровне предположений об экзистенциальных формах и способах сущностей. Эта мысль проистекает, очевидно, из тезиса о том, что средства связи, кроме соединения сущностей, передаваемых предложениями, могут соединять на «эпистемическом» уровне предположения, суждения и оценки [Арутюнова 1973; Sweetser 1990: 100; Pasch 2004: 16]. Подтверждение правомерности данной мысли мы находим в постулате, согласно которому структура значения «определяется не по принципу когнитивного соответствия, пусть в когнитивной проекции языковые выражения и соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти когнитивных аналогов, а в отношении к другим языковым означаемым» [Бочкарев 2009: 12].

Таким образом, пресуппозиция, включает в себя «условия правды», а также прагматическую семантику и является частью пропозиции; это есть имплицитный смысл связи между двумя пропозициями, передаваемый уступительными связующими словами. В этом случае мы говорим о **concessивной пресуппозиции**.

В методологическом аппарате исследования concessивности активно фигурируют также термины «concessивное отношение», «concessивная ситуация», «concessивная стратегия», нуждающиеся в пояснении их метаязыкового функционала. Отталкиваясь от вышеприведенного постулата В.С. Храковского о семантике имплицативных конструкций (см. также [Храковский 1999, 2004]), под **concessивной ситуацией** следует понимать «неестественное» сосуществование (хода) событий, иначе говоря, двух положений дел, когда одно сопровождается другим, блокирующим логически ожидаемый результат.

Р.М. Теремова классифицирует все уступительные ситуации на три субкласса. Реально-уступительные содержат отвергнутое препятствующее основание, которое представляет собой реальное событие. Уступительно-предположительные содержат препятствующее, но недействительное основание. Усилительно-уступительные включают сему усиления, обнаруживающую связь с обобщением или полным объёмом охвата лиц, предметов, пространства, времени, количества [Теремова 1987]. Как мы видим, в основе каждого из этих субклассов лежит один из общих метасемантических признаков, представленных выше (см. Приложение, Рис. 3).

Термин «concessивное отношение» можно соотнести с выражением сложной, комплексной семантики уступки, «связанной и по форме, и по смыслу с разными типами отношений» [Кару 2006: 15]. В числе ведущих лингвистами называются причинный, условный, адверсативный, отрицательный типы отношений. **Concessивное отношение** производно от тех семантических типов отношений, на которых оно базируется [Di Meola 2004], а, следовательно, в терминах прецедентной лингвистики, оно **прецедентно**.

Все типы concessивных отношений реализуются concessивными конструкциями, выражаемые разноуровневыми языковыми структурами –

словом (со свернутым предикативным ядром), фразеологизмом, словосочетанием, предложением. Таким образом, *концессивная конструкция* – это бипредикативная имплицативная структура с семантикой уступки.

Продуктивной областью исследования уступки служит дискурс, в котором реализуются ее когнитивно-дискурсивные стратегии и тактики [Гречина 2005; Берзина 2012(2); Андромонова 2015]. Под *концессивной стратегией*, вслед за Г.П. Берзиной, следует понимать использование вербальных и невербальных средств для достижения определенной коммуникативной цели, в данном случае – реализации уступки. Концессивная стратегия является в свою очередь совокупностью речевых тактик и ходов языковой личности, таких как *взаимная уступка (компромисс), подчинение, примирение, вынужденное согласие, сближение в процессе коммуникации, выжимание уступки, частичная уступка*.

Из представленного фрагмента исследования можно заключить, что слово «мета» является **идентификатором уступительной семантики на семиотическом уровне**, так как слово «уступительный» не именуется это значение прямо, не эксплицирует его, а является лишь его общепринятой меткой, неким условным ярлыком. Логико-содержательную структуру метаконцепта «уступка» (см. Приложение, Рис. 1.).

2.2. Общие и дифференциальные когнитивно-семантические компоненты концессивов

В свете прототипических категорий [Rosch 1978], представленные выше когнитивно-семантические признаки концессивов в той или иной мере их логического осмысления и пересечения по принципу «семейного сходства» приходятся как на «ядерную», так и периферийную зоны категории уступительности и одноименного концепта.

Отечественные и зарубежные лингвисты выделяют в уступке несколько семантических доминант, обозначая их разными терминами. В них ученые закладывают соответствующую логическую и когнитивно-семантическую основу, представляя ее как *incasual / anticause / inoperant cause / irrelevanzkonditional / Vorbehalt* (недостаточная / недейственная / скрытая причина / антипричина, противоречащее условие / антиусловие / оговорка) (В.Ю. Апресян, Г.П. Берзина, А.В. Мазур, Е.В. Урысон, Н.Ю. Шведова; Н. Blühdorn, E. Breindl, J. Buscha, C. Di Meola, U. Engel, R. Große, S. Günthner, E. König, B. Kortmann, R. Lühr, R. Pasch, E. Rudolf, P. Siemund). Каждый ученый убедительно обосновывает тот или другой семантически релевантный компонент, приобретая тем самым своих сторонников или оппонентов.

В ранних исследованиях подчеркивается большая близость уступки к каузативной семантике с учетом «недейственности» последней (Jo. Buscha, U. Engel, G. Helbig, W. Jung). В более поздних работах ведущим признается кондициональный компонент (В.Ю. Апресян, Е.В. Урысон; Н. Blühdorn, C. Di Meola, U. Engel, B. Kortmann). Современный подход к изучению уступительности российскими германистами характеризуется тенденцией к концептуальному анализу (О.А. Безземельная, Г.П. Берзина, Н.А. Голубева, А.Е. Голукович, В.А. Лукин, Н.И. Рец и др.).

Методологией когнитивной лингвистики ученому вменяется роль объяснять и описывать языковые факты, не противоречащие данным других наук, и выполнять таким образом «когнитивное обязательство» [Lakoff 1990: 40]. В нашем случае мы будем опираться на логику.

Прототипическое прочтение уступительности в логическом плане можно представить, цитатой немецких германистов «*Erstens kommt es anders und zweitens – als man denkt*» (досл. *Во-первых, это получается иначе, а во-вторых, чем мыслится*) [Buscha et al 1998], то есть «ожидаемое не наступило».

Оно (прочтение) позволяет в логическом плане, вслед за выше цитируемыми учеными, выразить морфологию уступительной семантики несколькими логико-семантическими сферами. У авторов коллективной монографии [Buscha et al 1998] их три – *абсолютное противоречие, относительное противоречие и несущественное противоречие* с логико-семантическими значениями: *причина, условие, отрицание, противоположность*.

К. Ди Меола выделяет четыре вида уступительных отношений – *фактические, условные, квантитативно-градуированные и прагматические*, в логико-семантическую основу которых заложены контраст, предпосылающий причинность, условность [Di Meola 2004].

Семантическая калейдоскопичность concessivov обусловлена, как мы установили раньше, когнитивным диссонансом – нарушением причинно-следственных связей, когда за семантической ситуацией S имплицитно ожидается семантическая ситуация S^I , но вопреки ожиданию наступает другая семантическая ситуация – P как следствие.

Такое логическое соположение сущностей позволило выявить лингвистам целый ряд дополнительных, скорее, альтернативных обозначений для общих логико-семантических признаков уступительности: *несимметричность, обратнопропорциональность, разнознаковую смысловую отмеченность, отношение немотивированности одного явления другим, отклонение от нормы, нерелевантность признака или степени его интенсивности, сопоставление, альтернативность, избирательность, противительность / несоответствие, сравнение, ограничение* (см. Приложение, Рис. 2.).

Одновременно лингвисты указывают на наличие в уступке специфических семантических признаков (*темпоральность, локальность* и др.) (Г.П. Берзина, Е. Брейндль, К. Ди Меола, Е.К. Вьюнова, Е.В. Золинова, О.А. Лаврова, Е.Н. Мишина, Е.В. Плотникова, Е.В. Урысон,

И.К. Харитонов, Е.А. Шикалова, М. Штеде). По нашему мнению, эти признаки можно отнести к периферийным. Как следствие, актуальным является рассмотрение композициональности concessивной семантики, и для этого мы прибегнем к *индуктивному методу – морфосемантическому анализу составляющих «уступки»*. Морфосемантическая структура немецких concessивов в синхронии позволит, предположительно, определить их производный характер на уровне знака.

Самый общий взгляд на семантику concessивов позволяет увидеть в ее структуре указательный, количественный и отрицательный компоненты. Указательному компоненту отводится анафорическая функция – отсылать к зависимости между соотносимыми сущностями и одновременно указывать в этой зависимости на временные и пространственные отношения. Количественный и отрицательный компоненты сигнализируют ту или иную степень (до ее обнуления) недейственности условия / причины, обуславливающую неосуществление ожидаемого.

Свидетельством вышесказанному являются эксплицитно представленные дейктические (местоименные) компоненты, которые выделены на материале разных языков [Blühdorn, Golubewa 2007; Jegorowa 2013]. Вслед за авторами этих работ, в поверхностной и глубинной семантической структуре немецких concessивов можно выделить дейктическую сферу. Так, *unbeschadet **dessen**, **dessen** ungeachtet / ungeachtet **dessen*** «невзирая на *это*», *abgesehen davon / von **etw.** abgesehen, dass* «отвлекаясь от *того*, что»; ***was** / **wer** auch immer* «*кто / что* бы ни», *trotz**dem*** «несмотря на *это*», *trotz **allem*** «вопреки *всему*», *während**dessen*** «в *то* время как», *wie **dem** auch sei* «как бы *то* ни было» содержат местоимения, часто указательные, которые формируют дейктическую структуру concessивов.

Полный реестр местоименных маркеров выглядят следующим образом: **-all, da-, -dem, dessen (des), die, ding, es, gleich(-), jeder, meinet-**,

nichts, selbst, so, was, wer. Они представлены в лексемах *allerdings, bei alledem, dabei, indes, jedenfalls, meinetwegen, nichtsdestotrotz, nichtsdestoweniger, nichtsdestominder, sei es, selbst wenn, sowieso, trotzdem, währenddessen, wie dem auch sei, zu der (zur) gleichen Zeit, zugleich, was / wer/ wie /wo auch.* Например:

Ausgenommen von **allem** ist die Gruppe der „Impersonalia“, der unpersönlichen Ereignisverben. (Erben, 144)

Allerdings ist Definitheit in vielen nachdem-Varianten bis auf die Faktizitätsforderung abgebaut [...] (Brücken, 208)

Учитывая анализ строевых элементов этих коннекторов в диахронии, можно увидеть, что среди них имеются «одиночки», семантика которых содержит дейктический компонент одновременно имплицитно (i) и эксплицитно (e):

desto = **des** (e) + **to** (i) < *des da*; *sowieso* = **so** (e) + **wie** (i) < **wer** + **so** (e); *wenngleich* = **wenn** (i) < **wer** + **gleich** (e); *selbst wenn* = **selbst** (e) + **wenn** (i) < **wer**.

Дейкτικότητα легко опознается в concessивах через предлоги *bei* «при» в *dabei* «при этом», *bei alledem* «при всём том» и *wobei* «хотя», *für* «за» в *dafür* «зато», а также *in* «в» в *indessen* «в то время как». Например:

[...] vor allem wenn der Sprecher sich gleichzeitig in mehreren Bezugswelten bewegt, **wobei** man nicht immer weiß, welcher [...] (ТК, 123)

Das Auto ist sehr teuer, **dafür** aber bequem. [ТК, 82]

Am Abend, vor dem Morgen, an dem er nach Amerika ging, zerbrach ihr Herz, **indessen** sie zum letzten Mal am Donauufer auf und nieder gingen.

[<http://mitglied.lycos.de/beschka/inhalt/kraeftner.htm> – 04.02.2005]

Как можно увидеть выше, дейкτικότητα как когнитивно-семантический признак concessивов реализуется эксплицитно и имплицитно. Из этого следует, что дейкτικότητα является метакомпонентом при выражении их функционального потенциала на

семиотическом уровне, да и любого языкового явления, включая иллюзию (см. [Голубева 2010; Никонова 2017]).

Одновременно многие concessives уже в поверхностной структуре указывают на содержащуюся в них временную семантику через компоненты: **gleich** «сейчас» в *zugleich, obgleich*; **schon** «уже» в *obschon*; **immer** «всегда» в *immerhin, wie auch immer* «все-таки / все же». Очень убедительно это представлено в структуре *zur gleichen Zeit / gleichzeitig* «в то же время», хотя для интерпретации concessивной семантики последнего коннектора требуется больший контекст. Например:

[...] *genuin konzessive Konnektoren sind dagegen „interpretatorische Sackgassen“.* **Gleichzeitig** macht die Möglichkeit solcher Uminterpretationsprozesse es wünschenswert, das Systematische in den Ableitungsbeziehungen zwischen den Relationen aufzudecken [...] [Brücken, 219]

Кроме того, временная семантика присутствует в них на диахроническом уровне, напр., *auch* – греч. *au* (**wieder, abermals**), ср., *auch wenn ... aber* «даже если, то», *auch nur* «хотя бы только» (более подробно см. [Голубева 2010: 414]). Например:

Immerhin trägt sie aber dazu bei, dass ... [...] (Brücken, 208)

Obgleich ich höre, was du sagst, verstehe ich nicht, was du meinst.

Наличие временной семантики можно проследить в concessивах, в которые структурно входят глаголы, выражающие деонтическую или эпистемическую модальность. Важность модального компонента с целой палитрой модальных значений (*оценка, желание, необходимость* и др.) при формировании уступительного смысла отмечена в [Берзина 2012(3)].

Заметную роль здесь играет глагол **sein** «быть», хотя в синхронии с поблекшим значением, в уступительных структурах *es sei denn* «разве что», *sei es, sei es / oder* «будь то, будь то / или», *weg es auch sei* «кто бы ни был». Concessive *zwar* «хотя» исторически обязан предложению *Es ist wahr*

«Это – правда», в котором также есть глагол *sein* «быть» [Blühdorn, Golubewa 2007: 102]. Например:

Man findet so viele Beispiele, in denen, *sei es* in bestem Wissen und mit gutem Gewissen, *sei es* aus Manipulationsabsucht [...] (Brücken, 379)

Zunächst werden Explizitheit (*sei es* durch Koordination *oder* Subjunktion) und Implizitheit [...] auf einen Nenner gebracht [...] (ТК, 6)

Здесь уместно сослаться на [Голубева 2018], чтобы показать модальный компонент других concessивных коннекторов. Так, *geschweige denn* (*geschweige denn, dass*) «разве что», производный от глагола *geschweigen* (устар. форма) – *умалчивать, скрывать* с вариантом *geschwiegen* «не говоря уж о том, что», а также *ganz zu schweigen* «я уж молчу». В них гипостазировались их первичные грамматические формы с соответствующим грамматическим значением. В *geschweige* и *geschwiegen* – слабое побуждение через *Konj. I* и *sei + Part II*, в *ganz zu schweigen* – долженствование через грамматическую структуру *sein + zu Inf.* На этом основании эти коннекторы являются грамматическими прецедентными единицами. Например:

Viele behandelte Probleme konnten hier nicht ausdiskutiert,
geschweige denn gelöst werden. (RL, 176]

Er hat bis jetzt gearbeitet, **geschwiegen**, ist dreimal zu spät gekommen
(Erben, 54)

Dies hat ernsthafte Auswirkungen auf die innenpolitische Lage
Lettlands und anderer EU-Mitgliedstaaten, **ganz zu schweigen** von der
Sprachgefährdung. (<http://context.reverso.net>; eingesehen 22.08.2018)

В семантике concessивов прослеживаются пространственные отношения, которые маркируются в поверхностной структуре наречием **da** «там / тут» в *dabei* «при этом», *dafür* «зато», *dahingegen* «зато».

На формирование композициональной уступительной семантики заметное влияние оказывает квантитативно-градуированный компонент

all- «всё / все» (*allerdings*), **jeder** «каждый» (*jedenfalls*), **so** «как ни» (*so sehr / viel auch*), **viel** «много» (*gleichviel*), наречие **wenig** «мало» (*wenigstens*), в компаративе *weniger / minder* в *nichtsdestoweniger, nichtsdestominder*), а также **wie** (*wiewohl*), сопровождающиеся также отрицательным компонентом *nichts-*.

Вклад количественного компонента в уступительную семантику опознается на интерпретативном метаязыковом уровне. Этот компонент указывает на *равноценность* антиусловия (противоречащего условия) и следствия, когда антиусловие не оказывает влияние на следствие. При этом следует заметить, что антиусловие признается не всеми лингвистами. Например:

Die Neuregelung betrifft die meisten Studenten gar nicht.
Nichtsdestoweniger löste sie starke Unruhe aus (HdK, 719)

Ähnlich verhält es sich mit dem Begriff *Kommunikation*, mit dem –
wenigstens in Frankreich – aufgrund einer vagen Analogie [...] (TK, 23)

Er muss jetzt verkaufen, **gleichviel**, ob die Kurse noch weiter steigen oder nicht. (HdK, 712)

Soviel sie *auch* redet, irgendwie ist sie glaubwürdig. (Engel, 727)

Wiewohl Frank stark erkältet war, nahm er an dem Sportfest teil. [Duden 1984: 380]

Отрицательный компонент выражается через местоимение *nichts* «ничто» в коннекторах прономинального типа *nichtsdestoweniger / nichtsdestominder* «тем не менее» и в историческом смысле шутилом *nichtsdestotrotz* «невзирая на это», а также приставку *un-* в девербальных предложениях *ungeachtet / unbeschadet / unerachtet* как конструктивных элементах concessivов *ungeachtet dessen; dessen unbeschadet; unabhängig davon, dass; abgesehen davon, dass*. В последнем коннекторе аффирмативность передается семантикой приставки *ab-*. Да и сами

компоненты -minder / -weniger интерпретируются как **nicht** so viel «не так много, как». Например:

Er schläft. *Dessen* **ungeachtet** macht sie Lärm. (ТК, 43)

Dessen **unerachtet** besteht ein wohl unmittelbar einsehbarer

Zusammenhang zwischen der Alternativrelation und der

Präzedenzrelation [...] [Kanngießer 2006: 9]

Die generelle Verleihung der Studierfähigkeit durch das Gymnasium darf nicht durch hochschuleigene Auswahlverfahren abgewertet werden. **Dessen unbeschadet** hat die Hochschule das Recht, weitere Studierende zuzulassen. [http://www.forum-bildungspolitik.de/positionen/pet_gymnasium_03_04.html – 10.02.2005]

Семантический вклад отрицания в уступительность можно объяснить двумя моментами. С одной стороны, оно указывает на то, что антиусловие или антипричина являются недостаточными (недействительными), с другой, что оценке следствия ничто не мешает. Отрицание выполняет функцию указания как на недействительность антиусловия / антипричины, так и на ненарушение следствия. Таким образом, отрицание сигнализирует, что фактитивность (во временных контекстах), действительность (в эпистемических контекстах), желательность (в деонтических контекстах) не влияют на следствие [König, Siemund 2000: 347].

Представленный фрагмент исследования позволил утвердиться в мысли о наличии **онтологически-общих (ядерных)** когнитивно-семантических признаков концессивов и постулировать наличие их **онтологически-периферийных** признаков, раскрывающихся на уровне их поверхностной и глубинной структур (см. Приложение, Рис. 2.).

2.3. Когнитивно-семантическое доминирование в концессивах

Реальное восприятие картин мира человеку обеспечивает доминирование более динамичных объектов над статичными. В нашем

сознании можно, однако, выделить доминирующую сущность и среди статичных ментальных объектов, применив механизм *когнитивной доминанты*. Этот когнитивный приём разработан в отечественной лингвистике в рамках концептуального анализа и когнитивного моделирования (Н.Н. Болдырев, В.С. Григорьева, Л.А. Фурс и др.). Суть этого механизма состоит в том, что Говорящий, исходя из задач коммуникации, должен и может передать многогранную информацию, выделив главные с его точки зрения смысловые узлы. Когнитивная доминанта высвечивает только тот фрагмент знания, который релевантен в данный момент [Фурс 2009; Болдырев, Григорьева 2020].

В зарубежном языкознании прием когнитивной доминанты, в частности применительно к concessivam, нашел свое отражение в термине *Gewichtigkeit* «важность» / «значимость». В соответствии с этим в разных группах concessivov доминирует определенный общий семантический компонент. Так, по К. Ди Меола, независимо от синтаксического класса concessivov (субъюнктор, конъюнктор и др.), могут «играть» такие семантические компоненты, как *кондициональный* (условие), *квантитативный*, *адверсативный*, *каузативный* и *темпоральный*. В этом смысле существуют исключения, когда семантическую доминанту выделить затруднительно, например, в *gleichwohl* «все же», а темпоральный компонент представлен только в одном коннекторе *dennoch* «однако».

Выделенные общие семантические доминанты во многом обусловлены семантикой входящих в уступительные коннекторы структурных компонентов [Di Meola 2004]. Так, кондициональность мотивируют структурные элементы с соответствующей семантикой *wenn*, *ob*, *falls*, *soweit*; адверсативность – *trotz*, *doch*; отрицание – *nichts*, *un* (косвенно через компоненты *weniger*, *minder*); квантитативность детерминируется элементами *wie*, *so*, *desto*, *all*, *minder*, *weniger*;

каузативность – *geachtet*; темпоральность – *denn, gleich, noch, schon*. В качестве т. н. «легких», «скользящих» менее значимых структурных элементов выступают предлоги и частицы *auch, bei, dem, dessen, gleich, schon, selbst, sogar, und, wohl, zwar*.

Обобщая мнение многих лингвистов [Haspelmath, König 1998; Kortmann 1998; Couper-Kuhlen, Kortmann 2000; Breindl 2004(1,2); Di Meola 1998, 2004; Stede 2004], мы понимаем *концессивное отношение* как *выражение контраста, предпосылаемого имплицатурой каузального, кондиционального и аффирмативного отношений* (см. Приложение, Рис. 3.).

Специфичность концессивного отношения в противоположность адверсативному (противительному) отношению легко проследить на следующих примерах:

(1) *Die Knospen sind schon gespritzt, aber es ist noch Ende Februar.* – Почки уже набухли, но еще конец февраля.

(2) *Die Knospen sind schon gespritzt, obwohl es noch Ende Februar ist.* – Почки уже набухли, хотя еще конец февраля.

(3) *Er redete weiter, aber ihm hörte keiner zu.* – Он продолжал говорить, но его никто не слушал.

(4) *Er redete weiter, obwohl ihm keiner zuhörte.* – Он продолжал говорить, хотя его никто не слушал.

В предложениях (1) и (3) выражается контраст между двумя реальными положениями дел и ничего не говорится о какой-либо видимой взаимосвязи между ними. В (2) и (4) предполагается все-таки, согласно нашему жизненному опыту (прецедентному мышлению), что конец февраля для центральной части России не является благоприятной погодной ситуацией для набухания почек, а оратор обычно прекращает говорить, если его не слушают. Таким образом, мы видим, что концессивное отношение *отрицает* каузальное и кондициональное

отношения, которые имеют место в последовательности причина – следствие, воспринимающихся как «норма». Однако отрицание этих семантических отношений, как полагает К. Ди Меола, вовсе не означает того, что concessивное отношение кодирует что-то аномальное, сверхестественное, «хаос на фоне (нарушенного) порядка» [Di Meola 2004: 289].

Ничто не происходит в этом мире без причины. Так, можно предположить, что февраль был в текущем году аномально теплым, а оратор продолжал говорить из-за желания проговорить малый объем оставшегося запланированного текста. Сказанное позволяет, вслед за К. Ди Меола, заявить о «скрытой» причине / условии, которые не упоминаются, но эксплицируются в следствии, выражаемом concessивным предложением. Суммируя сказанное, подчеркнем следующее.

Для concessивного отношения релевантными являются три фактора, влияющих на формирование семантической доминанты. Прежде всего, следует говорить об адверсативности в смысле общего значения противительности. В этом случае контраст обнаруживается на разных уровнях: 1) между эксплицированной причиной / условием (февраль, отсутствие внимания) и эксплицированным следствием (набухшие почки, продолжение речи); 2) между двумя причинами / следствиями – одной потенциальной, хотя эксплицированной (февраль, отсутствие внимания), и действенной, но оставшейся скрытой (аномально теплый февраль, желание договорить текст до конца); 3) между потенциальным следствием (ненабухание почек, прекращение говорения), оставшимся не упомянутым, и реальным (набухание, говорение), которое эксплицировано.

Относительно адверсативности необходимо сделать пояснения. Дело в том, что в лингвистике представлены разные мнения. Одни лингвисты полагают, что адверсативность является составляющей concessивного отношения, другие считают наоборот – concessивность выступает одной из

семантических сфер проявления адверсативности. Существует и третье, компромиссное, мнение, по которому, concessivность и адверсативность основываются на контрасте (Е. Брейндль, К. Ди Миола, Е. Ланг и др.).

Второй фактор обусловлен наличием каузативности / кондициональности, когда действенная причина или условие противостоит потенциальной причине, которой предписывается общепринятый нормативный характер.

Третий фактор заключается в отрицании потенциального каузативного / кондиционального отношения. Отрицание логично вытекает из адверсативности, так как отрицание одного положения дел в большинстве случаев имплицитно отрицание другого положения дел как противочлена первого.

Выше мы уже говорили о важной роли, в нашей терминологии, *concessивной пресуппозиции* при реализации concessивного отношения. На данном этапе мы прибегнем к анализу роли контекста в широком смысле, который активно участвует в формировании целостного когнитивного пространства, обуславливающего формирование concessивной семантики коннекторов. Как правило, это коннекторы либо с очень широкой, либо с очень бедной семантикой – относительные местоимения, например, конъюнктор *und* и др. [Голубева 2016]. Для примера возьмем два простых предложения:

- (1) Anna ist im Urlaub, *und* sie geht ins Büro. – Анна в отпуске, *a* идет в офис.
- (2) Anna, *die* im Urlaub ist, geht ins Büro. – Анна, *которая* в отпуске (!), идет в офис.
- (3) Sie ist erst 17, *und* hat zwei Kinder! – Ей всего 17, *a* у нее двое детей!

В данном случае concessивная версия коннективов *und* и *die* детерминирована нашим прецедентным мышлением – обыденным знанием о том, что, если люди находятся в отпуске, то они на работу не ходят, для девушки в 17 лет двое детей – нежелательное исключение. Удивление по этому поводу нередко индицируется просодически и отображается графически (!). На важность интонационного контура коннективов, который передается коннекторами, указывается в [Lang 2004]. Как мы видим, в предложениях (1)-(3) имплицитуются оба важных фактора – адверсативность и каузативность / кондициональность.

Посмотрим, однако, на случаи влияния конкретного контекста на формирование concessивной семантики. Например:

Anna ist klein, aber Rose ist groß.

В этом случае возможны два варианта интерпретации: 1. Чисто адверсативная, если две девочки (даже если они сестры) противопоставляются просто по росту, но разные по возрасту. 2. Concessивная, если при этом имплицитруется concessивная пресуппозиция (*они близнецы*).

На функцию коннекторов с concessивным отношением настраиваются контекстуально и другие коннекторы с первично не-concessивным отношением (модальным в широком смысле – темпоральным, каузативным): *doch, allerdings, während, wo, da, zumal*. Например:

Warum hast du das Geschirr nicht abgewaschen, wo ich dich doch darum gebeten habe? – Почему ты не помыл посуду, *ведь* я тебя об этом просила?

Während ich so viele Lehraufträge im Semester habe, habe ich nicht weniger außerdienstlich zu erledigen. – *В то время как* у меня в этом семестре большая учебная нагрузка, я еще не меньше должна заниматься и общественными поручениями.

Da du schon so klug bist, kannst du mal ein Referat für mich schreiben. – Раз уж ты такой умный, то сможешь написать реферат для меня.

Wenn auch Anna im Urlaub ist, geht sie ins Büro. – Даже когда Анна и в отпуске, она идет на работу.

Из приведенных примеров видно, что concessивная интерпретация возможна в тех случаях, когда из семантики обоих коррелируемых коннектов (предложений) очевиден контраст между двумя сущностями. Он подкрепляется настроенными на это лексическими и интонационными средствами, выражающими эмоционально-психическое состояние коммуникантов (упрек, удивление, неудовлетворенность ситуацией и др.). Другими словами, concessивная пресуппозиция как «превербальная» / «потенциальная» пропозиция, составляющая когнитивный контекст коннектора, должна четко указывать на возможность concessивного прочтения его семантики.

2.4. Морфосинтаксическая характеристика concessивов

Исследовательской задачей на данном этапе является рассмотрение синтаксической микросистемы коннекторов-concessивов. Научный интерес и новизну представляет анализ их типологической позиционной закреплённости в немецком предложении и описании нетрадиционной терминологии в рамках современной синтаксической концепции коннекторов.

Сущность лингвокогнитивной природы коннектора в целом связана со многими специфическими феноменами, в том числе синтаксическими, которые определяются при помощи синтаксического анализа. *Синтаксический анализ*, как это представлено в [Ulrich 2019], как когнитивный механизм служит для обработки синтаксической неоднозначности. Синтаксический анализ – это когнитивная обработка

предложений в человеческом мозге. Она начинается с восприятия и распознавания первых слов предложения в обычной комбинации звукового тела и значения в их соотнесенности с синтаксическими свойствами.

Предваряя синтаксический анализ concessivов, следует заметить, что большое значение имеет категориально-синтаксический статус связываемых коннектором структур – коннектов, выражаемых разными синтаксическими единицами (предложение, в т. ч. эллипсис, словосочетание). Например:

Nichts wie rein ins Vergnügen! – Нет ничего прекраснее, чем предаться удовольствию! *Denn sich zerstreuen ist doch immer sehr angenehm.* – **Потому** что развлечься – это всегда приятно.

Здесь соотносимые через коннектор *denn* коннекты имеют разные категориальные характеристики. Первый коннект представлен эллиптической структурой предложения, в котором реализуется модус предложения «побуждение», во втором – «утверждение», но и первый, и второй являются минимальными коммуникативными единицами. Дискуссионным остается в этом смысле также вопрос о статусе коннекторов в псевдопридаточных предложениях. Например:

Dass ihn doch der Teufel hole! – Черт бы его побрал!

Auf dass Sie erfolgreich seien! – Успехов Вам!

Не менее важным типологическим признаком коннекторов является их синтаксическая функция в предложении – «быть» / «не быть» членом предложения (для первого варианта – наречия, для второго – союзы и частицы), выражать вид синтаксической связи между коннектами (сочинение, подчинение), а также позиционная закреплённость в рамках коммуникативного поля предложения *Vorfeld* (предполье) – *Nachfeld* (заполье).

В терминах «синтаксиса коннекторов» [Pasch et al 2003] все коннекторы делятся на два класса: «не интегрируемые в коннект» (*nichtkonnektintegrierbare*), например, *obwohl* «хотя», *während* «в то время как» и «интегрируемые в коннект» (*konnektintegrierbare*), например, *allerdings* «во всяком случае», *zwar* «хотя», *nichtsdestoweniger* «тем не менее». Для более удобного операционального оборота обозначим это на метаязыковом уровне в первом случае как «НИКК», во втором – «ИКК».

В первый класс входят *четыре* подкласса, прежде всего, традиционные союзы с подчинительной связью – **субьюнкторы** (**Subjunktoren**: *ausgenommen, dass; dafür, dass; davon abgesehen, dass; gleichviel; gleichwohl; indessen, obschon, ohne dass; sosehr; trotzdem; währenddessen, wengleich, wenschon, wo*). Они регламентируют в своем *внутреннем* коннекте придаточное предложение с *конечной позицией спрягаемого глагола* (**Verbletztsatz**). Например³:

Er hofft, Arbeit zu finden, *obschon* wenig Aussicht besteht.

Du kannst mal mein Radio nicht reparieren, *wengleich* du so geschickt bist.

Warum rufst du ihn an, *wo* du ihn nicht leiden kannst?

Dafür, dass sie schon so alt ist, sieht sie noch sehr jugendlich aus. (HdK, 703)

Er muss jetzt verkaufen, *gleichviel*, ob die Kurse noch weiter steigen oder nicht.

Исключение составляют субьюнкторы в стадии грамматикализации, если они меняют свое категориальное значение, становясь конъюнкторами, как в случае с *weil, obwohl*. Например:

Ich nehme das Buch, *weil* – es ist so schön aufgemacht. Ich nehme das Buch, *obwohl* – ich habe gar keinen Platz mehr. (примеры – [Pasch 2004: 25]).

³ Примеры без ссылок на языковые источники заимствованы в [Blühdorn, Golubeva 2007].

(О грамматикализации субъюнкторов см. 2.5., а также в [Голубева 2010: 233]).

Второй подкласс формируется **конъюнкторами** с сочинительной связью (**Konjunkto**ren: aber; das heißt; entweder oder; denn; sowie; sprich; und; will sagen). Концессивом является в этом ряду только aber. Конъюнкторы координируют свои коннекты в определенном семантическом отношении, но не управляют ни одним из коннектов, то есть не требуют определенного расположения синтаксических элементов. Единственное условие, предопределяемое конъюнкторами для обоих коннектов – их семантическая идентичность. Например:

Ich frage mich, ob er zu mir kommt *oder* ich bei ihm am Wochenende vorbeikomme.

Brigitte ist klein, *aber* Tina ist groß.

Peter wollte ins Schwimmbad gehen, *allein* Marta hatte keine Lust.

Was an sich bedeutungslos ist, eignet sich entweder für alles oder gar nichts. *Will sagen*. Segmente bringen keine spezielle Qualifikation mit [...] (Prozesse, 174)

[...] möchte ich abschließend noch eine häufig vorkommende deontisch-konditionale (*sprich*: finale) Gebrauchsvariante erwähnen [...] (Brücken, 206)

Третий подкласс коннекторов составляют **функторы**, регламентирующие в предложении вторую позицию для спрягаемого глагола, назовем их **ФВПГ (Verbzweitsatz-Einbetter**: angenommen, für den Fall, gesetzt den Fall, unterstellt, vorausgesetzt). Эти коннекторы могут индцировать в определенных контекстах концессивную семантику. Например:

Wir nehmen an der Buchbesprechung teil, *vorausgesetzt* alle bleiben im Moment gesund.

Angenommen, die Regeln der Grammatik haben die Merkmalkombination [...] abgeleitet (Bechert, 166).

Unterstellt, er beherrscht sein Handwerk, sollte er für diese Arbeit eingesetzt werden. (HdK, 726)

1. *Gesetzt den Fall, es regnet doch nicht, machen wir einen Ausflug. (HdK, 710)*

В четвертый подкласс организуются *функторы, регламентирующие в предложении последнюю позицию для спрягаемого глагола*, назовем их *ФППГ (Postponierer: auf dass; bloß dass; nur dass; wobei; wogegen; wohingegen, zumal)*. В отличие от субъюнкторов, функторы этого подкласса детерминируют еще и постпозицию вводимого ими коннекта по отношению к впереди расположенному, коррелирующему с ним коннекту.

Все подклассы коннекторов, кроме конъюнкторов, управляют своим **внутренним** коннектом, другими словами, требуют для него определенной формы (порядка слов), которая прописана выше для каждого подкласса. Кроме того, субъюнкторы и ФВПГ вводят свой внутренний коннект во **внешний** коннект. При этом главным критерием является то, что вводимый этими функторами внутренний коннект должен находиться в предполье внешнего коннекта. Например:

Obschon es spät ist, bleiben wir noch im Büro.

Während sie schuftet, hockt er zu Hause.

ФППГ не соответствуют этому критерию по определению, так как всегда занимают постпозицию по отношению к внешнему коннекту. Одновременно эти функторы, как и конъюнкторы, не являются вводящими коннекторами, хотя и управляют порядком слов в предложении. На этом основании в классе коннекторов, «не интегрируемых в коннект», ФППГ являются пограничным случаем между субъюнкторами и ФВПГ. Например:

Jemand klopfte so laut an die Tür, sodass alle sich anstengten.

Er lacht nie, wobei er seine Zähne wirklich nicht verstecken muss. (HdK, 729)

Früher waren Bücher sehr teuer, *wohingegen* sie heute ein Massenprodukt sind.

Die Lehrerin ist mit meinem Test zufrieden, *nur dass* ich ihn noch einmal auf Fehler hin prüfen soll.

Arbeitet sorgfältig, *auf dass* ihr der Meister reichlich belohne!

В класс «интегрируемых в коннект» коннекторов (**ИКК**) входят местоименные наречия и лексические единицы, традиционно называемые «частицы». В большинстве грамматик приводится четкое разграничение между ними по топологическим критериям, которые указывают на то, что наречия могут занимать позицию предполя повествовательного предложения (со второй позицией спрягаемого глагола), чего частицы делать не могут. Кроме того, частицы не являются членами предложения.

Главным синтаксическим критерием для членов этого класса коннекторов является их интегрируемость во внутренний коннект и то, что их внешний коннект не находится в синтаксически детерминированном отношении к внутреннему коннекту в смысле управления (подчинения, сочинения и др.). При этом различаются следующие синтаксические, позиционально обусловленные классы.

Первый подкласс образуют **позиционально не ограниченные адвербиальные коннекторы (ПНАК)**: *allerdings, bloß, dafür, dagegen, dahingegen, freilich, hingegen, hinwiederum, immerhin, jedoch, mindestens, nichtsdestoweniger (nichtsdestominder, nichtsdestotrotz), nur, schließlich, schon, währenddessen, wenigstens, zumindest, zum Mindesten, zwar*. Они могут занимать следующие позиции в предложении: 1. Предполе (*Vorfeld*) – все, что находится до спрягаемого глагола в простом повествовательном предложении. 2. Середину (*Mittelfeld*) – все, что находится за спрягаемым глаголом в простом повествовательном предложении. 3. Позицию второго вслед за первым конституентом предполя простого повествовательного предложения (*Nacherstposition*). Например:

Sie hat ihren neuen Freund mitgebracht. Er ist sportlich, gesellig. Er wirkt *allerdings* ziemlich arrogant.

Der Roman ist spannend, der Stil *allerdings* lässt viel zu wünschen übrig.

Na gut, ich gehe mit. *Allerdings* hab ich keine große Lust.

Сравним далее:

Der Winter auf der Krim ist mild und warm. *Dagegen* ist auf dem Mittlerrussischen Landrücken anhaltendes Frostwetter.

Das stimmt *zwar*, *aber* zuerst möchte ich noch die andere Seite hören.

Zwar weiß ich viel, *doch* möchte ich alles wissen. (J.-W. Goethe; Faust)

Die Servierung war *zwar* nicht auf gebührendem Niveau, nicht dass wie es bei uns im Bahnhofsrestaurant ist, aber *dafür* eilte hier keiner, alle 33 Vergnügen in 30 Minuten zu bekommen.

Lass die Leute überreden, die im Winter ohne Wärme und Strom geblieben sind, dass „dafür“ sie jetzt in Meinung und politischer Wahl frei sind.

Er ist *freilich* nicht sachlich, *aber* ehrlich.

Im Fach Deutsch sind 2400 Studenten eingeschrieben. *Nichtsdestotrotz* muss das Ministerium jetzt gleich zwei Professuren streichen. (HdK, 719)

Второй подкласс отличается от первого тем, что адвербиальные коннекторы, оставаясь позиционно подвижными в предполье и середине, не могут занимать позицию второго, вслед за первым, конститuentом предполья простого повествовательного предложения (*Nichtnacherstposition*): abgesehen davon / davon abgesehen, dabei, dennoch, dessen unbeschadet / unerachtet / ungeachtet / des ungeachtet, gleichwohl, gleichzeitig, sowieso, unabhängig davon, trotzdem, zugleich. Например:

Hört sich ja schaurig an! *Trotzdem* ist das bestimmt kein Gespenst.

Gott weiß über dich alles. Er liebt dich *trotzdem*. [Banner]

Es war schlechtes Wetter. Wir sind *trotzdem* in den Park gegangen.

Но: * Wir *trotzdem* sind in den Park gegangen.

Сравним далее:

Dickhäuter können sich *dennoch* erstaunlich schnell bewegen.

Sie ist erst 15 Jahre alt, *dennoch* hat sie schon Abitur.

Machtlos ist das Gedicht gegen die Zeit, weil sie unaufhaltsam weiter geht, *dessen ungeachtet* ich nun es hier aufdecke oder wieder zum Vorschein bringe. [<http://www.philo-forum.de/philoforum/viewtopic.html?p=161881> – eingesehen am 31. 01.2005]

Er ist beruflich angesehen. *Dabei* ist er noch ziemlich jung.

Ob meine Eltern einverstanden sind oder nicht, ich fahre *sowieso* nach Berlin.

Третий подкласс образуют адвербиальные коннекторы, которые могут занимать позицию в пред-предполье или в заполье, но не в предполье: *aber*, *allein*, *lediglich*, *nämlich*, *zumal*. Например:

Sie sind Deutsche, *aber* in der Familie spricht man, wer weiß warum, Französisch.

Ich möchte nur eines wissen, *nämlich*, was hat dich dazu bewogen?

Следует заметить, что существуют и другие позиционно возможные, но не типологические, как в случае с пред-предпольем, употребления адвербиальных коннекторов – в заполье, нулевой позиции, за-заполье. Эти позиции понимаются как парцелляция или «синтаксически выделенная позиция» (второй термин принадлежит Х.-П. Ортнеру [Ortner 1983]). Например:

[...] *Trotzdem*, eine solche Respektlosigkeit hätte es früher nie gegeben.

[...] *Trotzdem*: es ist schon seltsam, wie schnell die Bundesregierung das Thema ad acta legte nach dem Motto: Nur eine tote Steuer ist eine gute Steuer. (пример – [Marillier 2001: 191])

[...] *Trotzdem*. Manchmal vom Regal der Wand hole ich meinen Schopenhauer, einen „Kerker voller Trauer“ hat er dieses Sein genannt. (www.unix-ag.uni-kl.de/~kasperek/Rilke/Trotzdem.html – 2k 05.03.2005).

[...] *Trotzdem!* Die Menschen sind unvernünftig, irrational und egoistisch. Liebe diese Menschen *trotzdem*, wenn du Gutes tust [...] (www.inessontag.de/pagelD_1391132.html – 29k 05.03.2005).

Сравним далее:

Das is' Sandstein – *wobei*: Diese Sandsteinkugeln sind ab dieser Größe erst schön, aber dann kannste se nich' mehr bezahl'n.

Das ist ja ganz schön, *wobei*: Gibt es nicht noch Besseres? (пример – [Pasch 2004: 40])

Möglich ist das durchaus. *Nur*: Das delikate Verhältnis [...] wird fast mehr durch das schlechte Image des Opfers als durch das historische Gewissen des Agressors von damals bestimmt. (пример – [Eroms 2001: 48])

Кроме того, в немецком языке есть немногочисленные concessives, которые из-за гетерогенности типологических синтаксических характеристик трудно поддаются классификации, хотя семантически легко определяемы. Это т. н. *Einzelgänger* «одиночки». К таковым относятся в основном фразеологизированные структуры: *ausgenommen* «за исключением», *es sei denn* «разве что», *geschweige (denn)* «не говоря (уж)», *ob* «ли», *sei es* «будь-то», *wie dem auch sei* «как бы там ни было» и др. Например:

Viele behandelte Probleme konnten hier nicht ausdiskutiert, *geschweige denn* gelöst werden. (RL, 176)

Dies hat ernsthafte Auswirkungen auf die innenpolitische Lage Lettlands und anderer EU-Mitgliedstaaten, *ganz zu schweigen* von der Sprachgefährdung. (<http://context.reverso.net>; eingesehen 22.08.2018)

Фразеологизация коннекторов представляет самостоятельную исследовательскую область [Waßner 2001(2)]. Среди УК к таковым можно отнести *Zum Bersten!* «Хоть лопни!», *Zum Heulen!* «Хоть вой!»; *wer weiß warum* «почему-то»; *hin oder her* «как-никак»; *schlecht und gut* «худобедно»; *sich auf alles verstehen* «годиться на все / хоть куда»; *es kommt auf*

das Wie «и так, да не совсем так»; *etw. auf Geratewohl machen* «делать что-то, как попало / кое-как», *wenn schon, denn schon* «делать, так делать».

Например:

Wirtschaftsflaute *hin oder her* – Videokonferenzsysteme sind ob ihres ressourcenschonenden Potentials gefragt denn je. Mehr noch, nie waren sie so real wie heute! [http://www.vitec-distribution.com/downloads/pdfs_presse/office-verlag_vkconf.pdf. – 04.04.2005]

Die Gruppe versucht, nun den Freiwilligen hochzuheben, abzusenken, zu schütteln, hin und her zu rollen, *hin oder her* zu schaukeln oder [...] [Duden, 352]

В рамках концепции «синтаксис коннекторов» (HdK) определенная часть фразеологизированных связующих слов не будет соответствовать термину «коннектор». Многие учёные рассматривают по причине обозначенной неоднородности состава коннекторов все языковые средства связи как союзные слова в широком смысле, которые для выражения семантического отношения могут соединять не только предложения друг с другом, но и словосочетания, и именуют их *коннективами*. Коннективы индицируют определённые семантические отношения, к ним относят союзы, местоимения, местоименные наречия, а также предложные группы существительных, частицы [Patzke 2006].

2.5. Грамматикализация concessivов как фактор прецедентности

Грамматикализация признана в лингвистике онтологическим фактором динамического развития языка. По однозначным выводам ученых, грамматикализация языковых единиц напрямую связана с их десемантизацией (делексикализацией) или их отдельных структурных элементов [Lehmann 1989; Diewald 1997; Hopper, Traugott 1993; Haspelmath 2002; Heine 2003; Leuschner 2005].

Попытаемся проследить *первый путь* процесса грамматикализации concessивных коннекторов, позаимствовав алгоритм анализа в [Голубева 2010]. Для этого сравним нижеследующие примеры:

- (1) *Sogar wenn (Auch wenn)* er reich wäre, würde sie ihn nicht heiraten. – *Даже если бы он был богатый, она бы не вышла за него замуж.*
- (2) *Sogar wenn (Auch wenn)* er damals reich war, sagte sie ihm ab. – *Хотя он тогда был богатый, она ему отказала.*
- (3) *Wenngleich (Wennschon)* er ganz gut das Abitur machte, würde er keine Medizin studieren. – *Даже если бы он очень хорошо закончил школу, он бы стал изучать медицину.*
- (4) *Wenngleich (Wennschon)* er ganz gut das Abitur gemacht hat, studierte er keine Medizin. – *Хотя он очень хорошо закончил школу, он не стал изучать медицину.*

При всей важности контекстуальной обусловленности формирования семантики синонимических пар коннекторов *sogar wenn / auch wenn, wenngleich / wenschon* мы видим, тем не менее, изменение их значения от кондиционального (1) и (3) к уступительному (2) и (4).

Посмотрим на коннекторы с квантитативным компонентом *wie / so ... auch, wiewohl*:

- (1) **Wie** gut er *auch* das Abitur gemacht hat, er studiert keine Medizin. – *Как бы хорошо он ни окончил школу, он не станет изучать медицину.*
- (2) **Wiewohl** er gut das Abitur gemacht hat, er studiert keine Medizin. – *Хотя он хорошо окончил школу, он не станет изучать медицину.*

В приведенных примерах мы видим, что оба коннектора выражают concessивность, но если в *wie ... auch* еще отчетливо прослеживается квантитативная семантика, то в *wiewohl* она погашена, то есть

квантитативный компонент в первом случае проявляет начальный этап десемантизации, а во втором случае ее конечный этап.

Позволим предположить, что *второй путь* грамматикализации concessivов обусловлен разрушением морфосинтаксических признаков их составляющих, что приводит к переосмыслению семантики concessива в целом. В [Голубева 2010: 74] отмечалось, что показателем высокой степени грамматикализации языковой единицы являются два морфологических аспекта – высокая интеграция ее составляющих и низкая продуктивность модели. Для concessивов это заметно по нахождению их конститuentов в двух противоположных направлениях – в дистантном или контактном расположении друг к другу.

При этом дистанцирование (разъединение элементов) может быть наблюдаемо в границах «главное предложение – придаточное предложение» (auch dann, wenn; selbst dann, wenn; auch, wenn; selbst, wenn, zwar, aber / doch / jedoch), а может осуществляться в пределах только лишь придаточного предложения (wenn ... auch; wenn ... schon, wie ... auch, so ... auch):

Wie man's *auch* immer nimmt, die Hauptsache ist, dass die Kasse stimmt!

Er hat **zwar** keine eigenen Kinder, *aber* er ist sehr kinderlieb.

Sie hat **zwar** nicht studiert, sie ist *jedoch* eine gute Kauffrau.

Следует также заметить, что немаловажную роль здесь играют усилительные элементы (auch, doch, gerade, schon, selbst, wie, so / so sehr / so wenig и др.):

So wenig Zuschauer *auch* immer im Stadion waren, beide Mannschaften spielten mit vollem Einsatz.

Auch wenn Brigitte mit dem ersparten Geld ein Auto kaufen wollte, hilft sie gern finanziell den Kranken.

Wo es *doch* dunkel ist, scheint der Mond hell.

Er schimpft ständig auf die Ehe, **obschon** er *gerade* erst geheiratet hat.

Контактное расположение конstituентов коннекторов является не менее распространенным способом выражения concessивной семантики: *wenn auch, wenn schon, auch wenn, selbst wenn, schon wenn, sogar wenn, und wenn*. На современном этапе контактное (смыкающееся) расположение строевых элементов concessивов зафиксировано в композитах: *wenngleich, obwohl, obgleich, obschon, obzwar, gleichwohl, wiewohl*.

При этом можно заметить в вышеприведенных примерах, что структурно-позиционная интегративность закреплена расположением усилительных компонентов (*gleich, wohl, schon* и др.) во второй части коннекторов со смещением ударения именно на них. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о низкой продуктивности этой семантико-морфологической модели, а, с другой, о высокой степени грамматикализации данных concessивов.

Если допустить образование интеграции concessивов с новыми усилительными компонентами в постпозиции, например, *wenn bereits, wenn selbst, wenn ebenfalls*, то вряд ли можно проиллюстрировать эти новообразования лингвистическими фактами, в то время как в препозиции их существование не вызывает удивления *selbst wenn, bereits wenn, ebenfalls wenn* и др. Сказанное позволяет заключить следующее. Морфологическая структура concessивов отражает десемантизацию их компонентов, другими словами, подтверждает гипотезу **о прецедентном (производном) характере concessивов в синхронии**.

Синтаксическая грамматикализация коннекторов начинается в принципе с изменения их принадлежности к синтаксическому классу. Показательным в этом смысле можно считать коннекторы *aber auch, und wenn, und zwar, wenn aber, wenn überhaupt* и др. Их четкая принадлежность к представленным выше синтаксическим классам затруднительна, так как их конstituенты маркируют разные виды синтаксической связи

(сочинение и подчинение) одновременно, а, следовательно, их интеграция есть результат завершившейся грамматикализации.

Мы задержимся более подробно на других факторах синтаксической грамматикализации в сложноподчиненном предложении, а именно, утрате спрягаемого глагола, интерпозиции придаточного предложения и первой позиции глагола в главном предложении, находящемся в постпозиции по отношению к придаточному. Начнем с первого фактора, редукации глагола:

In der Klasse war sie die begabteste, **obwohl** unbeliebt.

Wenngleich nicht reich, fährt er einen Mercedes.

Er hat vorher unheimlich gebüffelt, **wenn auch** nicht das ganze Semester.

Ср. в дискурсе:

Obgleich gewarnt, ging Luther nach Worms. (Jung, 72)

Und **obwohl** wissend, daß man mit Worten nichts auszurichten vermag, warf ich ein. (Erben, 174)

Вторым фактором грамматикализации является интегрируемость редуцированного concessивного придаточного предложения в структуру главного предложения, то есть «разрыхление последнего. Например:

In der Klasse war sie, **obwohl** unbeliebt, die begabteste.

Ich mag ihn gern, **ausgenommen**, wenn er schlechter Laune ist. (Duden, 420)

Ein Sprecher, der p, aber q, äussert, geht davon aus, dass – **aus welchen**

Gründen auch immer – nicht q zur Debatte stand [...] (Brücken, 238)

Из предпринятого детального описания синтаксической грамматикализации concessивов [Di Meola 2004] становится ясно, что concessивы с высокой степенью морфосемантической грамматикализации (*obzwar, wenn auch*) чаще интегрируются в структуру главного предложения по сравнению с concessивами с низкой степенью грамматикализации (*schon wenn, und wenn*).

Третий фактор синтаксической грамматикализации касается второй позиции спрягаемого глагола в главном предложении, которое стоит после придаточного. Грамматика R&P (Принципов и Параметров) предписывает в этом случае первую позицию спрягаемого глагола. Однако однозначным индикатором concessивной семантики придаточного предложения является вторая позиция спрягаемого глагола в главном предложении. Например:

*Auch wenn sie müde ist, sie **geht** nach der Arbeit zu ihrer Mutter.*

*Wo er *auch* studiere, er **bekommt** nie das Stipendium.*

Лингвисты говорят в этом случае о «дезинтегрирующем эффекте» «ненормального» порядка слов в сложноподчиненном предложении [König, van der Auwera 1988]. И в этом случае высокая степень грамматикализации concessивов (*wenngleich*, *obwohl*) позволяет им значительно быстрее интегрироваться в главное предложение, чем менее грамматикализованные (*und wenn*, *auch (dann) wenn*) [Di Meola 2004].

Означает ли это, что concessивные предложения всегда предполагают вторую позицию в постпозитвном главном? Анализ лингвистических фактов указывает на то, что оба варианта порядка слов равноправны, если отвлечься от меньшей степени грамматикализации «нормального» порядка слов в главном предложении.

Диахронический анализ concessивов может привести к важным лингвистическим наблюдениям. Так, среди них мы находим только два в историческом аспекте простых коннектора *bloß* «просто» и *trotz* «вопреки». В синхронии к простым коннекторам причисляются *aber* «но», *doch* «тем не менее / все же» и *nur* «только» [Golubeva, Blühdorn 2007: 100], которые восходят все же к словоформам. Так, *aber* как потемневшая форма компаратива восходит к *ab* [Paul 2002: 35], *doch* как потемневшая форма словосложения из герм. *þau* (*doch*) и got. *-uh* (*und*) [Kluge 1975: 136], *nur* пришло из древневерхненемецкого *niwāri* (*nicht wäre*) [Kluge 1975: 516].

В некоторых concessивах в синхронии индицируется исторический след через входящие в них предлоги. Он присутствует в предлоге *bei* «при» в *dabei* «при этом», *bei alledem* «при всём том» и *wobei* «хотя», в предлоге *für* «за» в *dafür* «зато», а также в предлоге *in* «в» в *indessen* «в то время как». Эти предлоги, отмечается в [Breindl 2004(1): 22-23], изначально пришли в мир как маркеры пространственных и временных отношений и развились конвенционально в импликатуры уступительных отношений. Грамматикализация конstituентов уступительных коннекторов в диахронии представлена в [Зуева 2018].

Выводы по Главе II

В ходе предпринятого анализа определены общие и дифференциальные метасемантические признаки метаконцепта «уступка» коммуникативного и психологического свойства, которые обусловлены когнитивным диссонансом в представлении хода событий. В разных семантических интерпретациях это понимается как *утверждение вопреки другому ожиданию, возражение против нормального ожидания* и др.

Релевантными терминами для описания метаконцепта «уступка» являются *концессивная импликация, концессивная пресуппозиция, концессивное отношение, концессивная ситуация, концессивная стратегия, концессивная конструкция, коннектор* и др., которые являются операциональными метаязыковыми величинами выражения уступки. Исследование показало, что метаязыковой характер уступки объясняется ее семантическим синкретизмом.

Когнитивно-функциональный анализ УК выявил, что содержательная палитра уступки гораздо шире семантики ее прототипического прочтения. Так, указательному компоненту отводится анафорическая функция – отсылать к зависимости между соотносимыми сущностями и одновременно указывать в этой зависимости на временные, пространственные и др. отношения. Квантитативный и отрицательный компоненты сигнализируют ту или иную степень (до ее обнуления) недейственности условия / причины, обуславливающую *неосуществление* ожидаемого.

Композициональность концессивной семантики коннекторов раскрывается имплицативным и эксплицативным способом – на уровне их поверхностной и глубинной структур. Концессивное отношение как когнитивная основа УК раскрывается выражением *контраста*, который имплицитно подразумевает каузативное, кондициональное и аффирмативное отношения. Они образуют парадигму *общих (ядерных)* когнитивно-семантических

признаков. Прототипическое прочтение метазначения уступки проявляется в метасемантических признаках системно-языкового, дискурсивного и когнитивно-психологического характера, которые подлежат разделению на *базовые* и *производно-дифференциальные*.

Дискурсивно-производные concessивные значения для некоторых коннекторов с изначально неконcessивной семантикой определены как *прецедентные*. Наряду с концептуально ядерными семантическими признаками concessивов выявлены их *онтологически-периферийные* признаки (местоименный, временной, пространственный квантитативный, модальный), которые являются *прецедентными*, а также стилистическая окраска некоторых УК (*ob, geschwiegen* и др.).

Когнитивная, коммуникативная и интерпретирующая функции УК осуществляются когнитивными механизмами *отсылка, высвечивание, когнитивная доминанта, метафоризация, синтаксический анализ, сравнение*, а также языковыми механизмами *конверсия, трансформация, дейксис, экспрессия*.

Анализ позиционной закреплённости УК в немецком предложении выявил их системные грамматические особенности. Синтаксическими типологическими признаками УК являются: их синтаксическое значение члена – *нечлена* предложения, характер синтаксической связи между коннектами (сочинительная, подчинительная, бессоюзная) и позиционная закреплённость в рамках коммуникативного поля предложения, которые обусловлены системно-языковыми (морфосинтаксическими) и коммуникативно-прагматическими факторами.

Определение когнитивно-дискурсивных условий функционирования УК как прецедентных единиц показало, что они в немецком языке подвержены процессу грамматикализации в синхронии и диахронии (частеречная трансформация, редукция глагола, интеграция, порядок слов, словосложение), который свидетельствует об их прецедентном характере.

Заключение

В выполненном исследовании представлен анализ специфического кластера лексико-грамматической системы немецкого языка – уступительных коннекторов (УК) как отдельной области языковых прецедентных явлений. Он показал, что в свете логики существования прецедентных явлений в целом УК реализуют прецедентное мышление, которое строится на мыслительном «образце» – прецеденте, и остаются, несмотря на длительную филологическую традицию исследований эвристичным разрядом слов и герменевтически релевантными в передаче лингвистического знания.

Предпринятый когнитивно-функциональный анализ УК (концессивов) в немецком языке выявил ряд языковых особенностей уступительности, предопределивших в лингвистике наличие нескольких исследовательских векторов.

Предмет исследования позволил ввести новые идентификационные термины и наполнить новым лингвистическим содержанием уже имеющие хождение в специальной литературе термины (прецедент, прецедентное отношение, протопрецедентность, прецедентная модель и др.). Модифицировано понимание прецедентного отношения и протопрецедентности как семантического признака хронологически обусловленной прецедентности. Стало ясно, что эти когнитивно-семантические признаки УК реализуются при помощи разных языковых моделей, в том числе конкретной *прецедентной словообразовательной модели*, ср., *ob + schon* (*ob + gleich*, *ob + wohl*), которая в рамках теории прецедентности трактуется как прецедентный феномен.

Понимание лингвофилософской сущности пропозиции, значения, концепта экстраполировано на содержание терминов метапропозиция, метазначение, метаконцепт, выведенных на семиотический уровень, и раскрыто метакогнитивное прочтение для каждого из них.

Предпринятый анализ показал, что сложность уступительного значения заключена в калейдоскопической форме его реализации, которая обусловлена его антропоцентрической, интеракциональной и дискурсивной природой. УК являются связующими языковыми единицами с особым пропозициональным статусом и морфосемантической композициональностью и шире — семантическим синкретизмом. Это позволяет им репрезентировать разные когнитивно-семантические сферы в нескольких форматах знания. Для настоящего исследования таковыми определены метапропозиция, метазначение и метаконцепт, которые с позиции философии языка являются вторичными, то есть *прецедентными*.

В ходе исследования обнаружилась специфика лексической и синтаксической семантики УК, которая кроется в их особом пропозициональном статусе. Метазначение «ожидаемое не наступило» является прототипическим прочтением метапропозиции и соответственно концептообразующим при выражении уступки.

Предпринятый когнитивно-семантический анализ УК позволил определить общие и дифференциальные метасемантические признаки уступки, которые вызваны когнитивным диссонансом в представлении хода событий. Разработана логико-содержательная структура метаконцепта «уступка» с выделением таких когнитивных метакомпонентов, как *концессивная импликация, концессивная пресуппозиция, концессивная ситуация, концессивное отношение, концессивная конструкция, концессивная стратегия*.

Исследование позволяет заключить, что слово «мета» является идентификационным термином уступительной семантики на семиотическом уровне, а ядерный компонент всех значений уступки пресуппонируется логической связкой «вопреки».

Можно констатировать, что концессивное отношение производно от адверсативного, каузативного, кондиционального и аффирмативного

отношений, то есть concessивное отношение по своей семантике *прецедентно*. Выявленные в ходе исследования дискурса производные concessивные значения для ряда коннекторов с изначально неконcessивной семантикой являются также *прецедентными*.

В ходе предпринятого анализа стало очевидным, что наряду с концептуально ядерными семантическими признаками concessивов возможно выделение их *онтологически-периферийных* признаков (местоименный, временной, пространственный, квантитативный, модальный), которые являются также производными, следовательно, *прецедентными*.

Общей целью когнитивно-функционального анализа УК стали их когнитивная, коммуникативная и интерпретирующая функции. Эти функции осуществляются когнитивными механизмами *концептуальная интеграция, отсылка, высвечивание, когнитивная доминанта, метафоризация, синтаксический анализ, сравнение* и реализуются языковыми механизмами *конверсия, трансформация, дейксис, экспрессия, словообразовательное моделирование*.

При этом концептуальная интеграция положена в основу методологического вектора настоящего исследования (концепт «прецедент» + концепт «уступка»). Вместе с тем выявление определенных констант в семантике УК возможно также на уровне понимания «концепта имплицитного», как в случае с квантитативным компонентом.

Предпринятое исследование выявило синтаксические типологические признаки УК: их функцию в предложении – «быть» / «не быть» членом предложения, выражать вид синтаксической связи между коннектами, а также позиционную закрепленность в рамках коммуникативного поля предложения (Vor)Vorfeld (пред)предполе – (Nach)Nachfeld (за)заполе), обусловленные в первую очередь «строгим» синтаксисом немецкого предложения, а также прагматическими факторами.

Системный когнитивно-функциональный анализ позиционного синтаксиса УК подтвердил специфичность этого разряда языковых средств немецкого языка, являющихся одновременно единицами лексического и грамматического фонда со сложной структурой и семантикой, на основании чего лингвисты рассматривают их и как «коннекторы», и как «не-коннекторы».

Анализ немецких УК в синхронии и диахронии выявил пути и факторы их грамматикализации и подтвердил, таким образом, постулаты универсальной теории грамматикализации в языке. Это в свою очередь доказывает исследовательскую гипотезу о реализации ими грамматического и лексического видов прецедентности и их прецедентном характере в целом.

Таким образом, к авторским результатам исследования можно отнести:

- обоснование лингвистического статуса уступительных коннекторов как маркёров лексического и грамматического вида прецедентности,
- выявление и описание прецедентного и протопрецедентного отношения между языковыми единицами в ходе становления их уступительной семантики в диахронии и синхронии,
- теоретическую разработку, обоснование и описание метаконцепта «уступка» и наполнение метаконцептуальных параметров новым лингвистическим содержанием,
- внесение теоретически значимых уточнений в когнитивную и морфосинтаксическую трактовку коннектора,
- обоснование синкретичности языкового знака с уступительной семантикой с выделением прецедентных производно-дифференциальных метасемантических признаков и прецедентных онтологически-периферийных когнитивно-семантических признаков УК,
- описание релевантных когнитивных и языковых механизмов при

функционировании УК,

- системный анализ типологической позиционной закреплённости УК в немецком предложении.

Рассмотрение семантики уступки в оппозициях – диахрония / синхрония, импликация / экспликация, их комбинаторности в рамках общей композициональности подтвердили универсальность специфики этой семантики.

На примере важного разряда связующих слов немецкого языка показан эволюционный характер прецедентного знака, что призвано повысить доказательность теории языковой прецедентности, с одной стороны, и снять имеющееся в лингвистике ощущение некоторого научного забвения по отношению к УК, языковой статус которых интерпретируется не всегда однозначно. Исследование должно также высветить релевантность дидактического аспекта разработки и описания синтаксиса concessivов в немецком языке с интерпретацией терминологии в рамках современной когнитивно-синтаксической концепции.

Перспективой исследования могут стать лингвокогнитивный анализ по выявлению других дифференциальных метасемантических признаков уступки и метаязыкового способа обозначения concessивных коннекторов, анализ закономерности соотношения метасемантических и семантических (дейктических) компонентов concessивов и возможность обоснования универсального характера этой закономерности на материале разных языков. Кроме того, теоретически значимым может стать дальнейшее уточнение лингвистического статуса связующих слов с concessивной семантикой с нечеткими типологическими критериями коннектора.

Библиографические источники

1. Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / Владимир Григорьевич Адмони. М.: Высшая школа, 1973. 170 с.
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / Владимир Григорьевич Адмони. Л.: Наука, 1988. 238 с.
3. Андрамонова Н.А. Уступительная семантика в аспекте дискурсивно-каузальной интерпретации (на материале произведений Л.Н. Толстого) // Филология и культура. 2015. № 4. С. 19-23.
4. Апресян В.Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. №5. С. 24-44.
5. Апресян В.Ю. Уступительность: языковые связи // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 255-266.
6. Апресян В.Ю. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 85-109.
7. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Валентина Юрьевна Апресян. Москва: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2015. 42 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I: Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Юрий Дереникович Апресян. М.: Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»; РАН. 1995(1). 365 с.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Юрий Дереникович Апресян М.: Школа «Языки русской культуры, 1995(2). 767 с.
10. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1973. Т. 32. №1. С. 84–89.

11. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1976. С. 92-146.
12. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 304-357.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Нина Давидовна Арутюнова. М.: Наука, 1988. 341с.
14. Архипов И.К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. державина, 2008. С. 158-168.
15. Бабина Л.И. Наименования оттенков цвета как результат вторичной интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание. С. 106-112.
16. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / 10.02.19 / Людмила Владимировна Бабина. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 341 с.
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Анатолий Павлович Бабушкин. Воронеж, ВГУ, 1997. 330 с.
18. Бабушкин А.П. Категоризация «калейдоскопических» концептов // Когнитивные исследования языка. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. 2019. С. 131-135.
19. Барашева Д.Е. Дискурс как когнитивный формат знания: репрезентация в научной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV: Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире. 2018. С. 464-468.

20. Безземельная О.А. Когнитивная конструкция концессивности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № (12-1). С. 63-65.
21. Белявцева И.В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 130-138.
22. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Елена Георгиевна Беляевская. М.: Институт языкознания РАН, 1992. 41 с.
23. Берестова А.И. Семантические и грамматические особенности отношения противительности (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алла Иосифовна Берестова. Ленинград: ЛГУ, 1987. 195 с.
24. Берзина Г.П. Функционально-семантическое поле в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Галина Петровна Берзина. Новосибирск, 2002(1). 189 с.
25. Берзина Г.П. Категория концессивности в языке и речи: монография / Галина Петровна Берзина. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012(2). 282 с.
26. Берзина Г.П. Уступительный концепт как интегративный комплекс // Когнитивные исследования языка. 2012(3). Вып. XI. С. 359-362.
27. Берзина Г.П. Связь уступительности когнитивной с языковой категорией концессивности // Когнитивные исследования языка. 2012(4). Вып. XII. С. 501-510.
28. Берзина Г.П. Моделирование интерпретирующего потенциала когнитивной области „Normverletzung“ категории уступительности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX: Когнитивная

- лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. 2017. С. 213-216.
29. Бехтерев В.М. Мозг: структура, функция, патология, психика: избр. тр. в 2-х т. / под ред. А. Г. Чучалина; сост. В.С. Воробьев. М.: Поматур, 1994. Т. 1. 750 с.
30. Богуславский И.М. Некоторые типы неявно выраженных смыслов (Нулевые сферы действия) // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы рабочего совещания. М.: Наука, 1987. С. 8-12.
31. Болдина О.П. Экспериментально-теоретическое исследование семантического расстояния деривационно связанных слов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Павловна Болдина. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2006. 215 с.
32. Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. М: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009(1). С. 91–103.
33. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: Концептуализация мира в языке. М: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009(2). Вып. IV. С. 25-77.
34. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография / Николай Николаевич Болдырев. 2-е издание. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.
35. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Монография / Николай Николаевич Болдырев, Валентина Сергеевна Григорьева; научное редактирование В.З. Демьянкова. Тамбов: «Принт-Сервис», 2020. 328 с.

36. Бондаренко Е.В. Дискурс как объект лингвоконцептологии // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII: Проблемы языкового сознания. 2011. С. 453-456.
37. Бондарко А.В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20–32.
38. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Александр Владимирович Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
39. Борисова Д.А. Экспрессия как языковой механизм репрезентации грамматического вида прецедентности (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дарья Александровна Борисова. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. 162 с.
40. Бочкарев А.Е. Эпистемологические основания теории значения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Андрей Евгеньевич Бочкарев. Москва, МГЛУ, 2009. 374 с.
41. Булах Н.В. Уступительные сложноподчиненные предложения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталья Владимировна Булах. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 192 с.
42. Булдаков В.А. Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контенсивно-менталингвистический подход): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Владимир Александрович Булдаков. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2011. 352 с.
43. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка / Ольга

- Ильинична Быкова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 277 с.
44. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Маркс Вартофовский: пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1988. 507 с.
45. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
46. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов / Виктор Владимирович Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
47. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М.: Наука, 2003. С. 5-12.
48. Вьюнова Е.К. Концессивная обусловленность в английских переводных текстах: инвариантность и вариативность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Екатерина Кирилловна Вьюнова. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т, 2004. 145 с.
49. Голубева Н.А. Когнитивный аспект уступительных союзов-слов // Когнитивные процессы и изучение иностранных языков: Межвуз. сб. науч. стат. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 218-230.
50. Голубева Н.А. Грамматические рефлексы концессивов в немецком и русском языках // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2007. Т. III. М.: Языки славянской культуры. С. 395-403.
51. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография / Надежда Александровна Голубева. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009(1). 401с.

52. Голубева Н.А. Отсылочность – когнитивная компонента прецедентных единиц: Монография / Надежда Александровна Голубева. Нижний Новгород: ООО «Типография «Поволжье», 2009(2). 278 с.
53. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: монография / Надежда Александровна Голубева. Нижний Новгород: ООО «Типография «Поволжье», 2010. 318 с.
54. Голубева Н.А. Функциональная этимология в свете когнитивной грамматики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 48-54.
55. Голубева Н.А. Прецедентное отношение как когнитивная проекция // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 47-52.
56. Голубева Н.А. Функции коннектора *und* в когнитивном аспекте // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. С. 73-78.
57. Голубева Н.А. Немецкие коннекторы как маркеры концептов скрытого смысла // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. 2017. С. 423-426.
58. Голубева Н.А. Прологомены к лингвистике молчания для обеспечения лингвистической безопасности // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного образовательного форума 25-26 сентября 2018 г. / Ответственный за выпуск М.А. Викулина. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. С. 43-48.
59. Голубева Н.А. Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 3 (51). Н. Новгород: НГЛУ, 2020(1). С. 26-48.

ом понятии // Субъект познания и коммуникация: языковые и межкультурные аспекты = Subject of Cognition and Communication: linguistic and cross-cultural perspectives: сб. науч. тр. / [отв. ред

. Л.В. Цурикова, Л.Ю. Щипицина]. Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2014. С. 429-439.

67. Дуби 60. Голубева Н.А. О развитии направлений прецедентной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020(2). № 3. С. 92-103.

61. Голукович А.Е. Репрезентация концепта «концессивность» в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алла Евгеньевна Голукович. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2007. 220 с.

62. Голутвина А.В., Бабина Л.В. Использование прецедентных феноменов в произведениях современных французских писателей Гийома Мюссо, Амели Нотомб и Бернара Вербера // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2019. Т. 12. № 1. С. 74-79.

63. Гречина Е.В. Коннекторы как функциональные элементы стратегии защиты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Васильевна Гречина. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2005. 186 с.

64. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Теория межкультурной коммуникации: Проблемы, подходы, анализ: монография / Людмила Ивановна Гришаева, Любовь Васильевна Цурикова. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 505 с.

65. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Дмитрий Борисович Гудков. М.: МГУ, 1999. 42 с.

66. Донец П.Н. Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурн нин С.И. Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка

позднего средневековья: дис. ... д-ра филол. наук: 10...02.04 / Сергей Иванович Дубинин. М.: МГУ, 2002. 276 с.

68. Дубинин С.И., Тетеревёнков А.Е. Лексика нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном языке / Сергей Иванович Дубинин, Андрей Евгеньевич Тетеревёнков. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. 224 с.

69. Дымарский М.Я. Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 51-62.

70. Евстафиади О.В. Актуализаторы имплицитных условных отношений в художественном тексте на английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12 (3-1). Самара: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2010. С. 157-162.

71. Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы / Ольга Михайловна Егорова; под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Н.А. Голубевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с.

72. Загуменнов А.В. Прецедентные тексты и церковный раскол второй половины XVII века // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: Материалы IV Всероссийской научной конференции / Под редакцией Е.А. Федоровой. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2020. С. 98-102.

73. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Александр Васильевич Зеленщиков. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1997. 43 с.

74. Золинова Е.В. Функционально-семантические особенности сложноподчиненных предложений уступительного типа в публицистическом стиле русского и английского языков: дис. ... канд.

филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Вадимовна Золинова. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2009. 250 с.

75. Зуева Е.В. Феномен прецедентности в языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 35. Нижний Новгород: НГЛУ, 2016. С. 32-40.

76. Зуева Е.В. К понятию коннектора в лингвистике / Н.А. Голубева, Е.В. Зуева // Язык и культура. Научный журнал. Томск. №40. 2017. С. 36-48.

77. Зуева Е.В. Прецедентный характер уступительных коннекторов в немецком языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 43. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С. 48-55.

78. Зуева Е.В. Когнитивно-семантическая структура уступительных коннекторов в немецком языке / Н.А. Голубева, Е.В. Зуева // Когнитивные исследования языка. Вып. № 3(42): Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Тамбов, 9 октября 2020. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 698—703.

79. Зуева Е.В. Позиционный синтаксис concessivов в современном немецком языке / Н.А. Голубева, Е.В. Зуева // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2020 года). Выпуск 4. Н. Новгород: Мининский университет, 2020. С. 26-33.

80. Зуева Е.В. Метаязык анализа concessivов / Надежда Александровна Голубева, Евгения Викторовна Зуева // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature). Вып. 2: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Москва: ФЛИНТА, 2020. С. 5-22.

81. Ильина Н.В. Пресуппозиция и уступительные конструкции с союзом «хотя» и «но» // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. тр. Смоленск, 2002. С. 267-271.
82. Имя собственное в медиапространстве: монография / Л.И. Гришаева, О.О. Борискина, Н.А. Фененко, В.Н. Абабий, В.Г. Шимко. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 191 с.
83. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Ольга Юрьевна Манзотти. Москва, МГУ, 2001. 453 с.
84. Иомдин Б.Л. Лексика иррационального понимания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / Борис Леонидович Иомдин. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2002. 203 с.
85. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ольга Камалудиновна Ирисханова. М.: МГЛУ, 2005. 332 с.
86. Кабанова И.Н., Филонова Е.А. Прецедентные единицы как средство самопрезентации американских политических деятелей // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): по результатам научной конференции 12 ноября 2019 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 55-62.
87. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Валентина Ивановна Казарина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. 227 с.
88. Канашина С.В. Интернет-МЕМ и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 122-127.

89. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

90. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. М.: Гнозис, 2004. 344 с.

91. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263с.

92. Кару К. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках: дис. ... д-ра философ. наук по русскому языку / Катрин Кару. Тарту: Тартуский ун-т, 2006. 250 с.

93. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Соломон Давидович Кацнельсон. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.

94. Клепикова Т.А. Лингвистические метарепрезентации / Татьяна Альбертовна Клепикова. СПб.: Астерион, 2008. 249 с.

95. Клепикова Т.А. «Разделяемое языковое сознание»: метакогнитивные процессы в языке и речи // Когнитивные исследования языка. Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. 2010. С. 270-273.

96. Ковалев Г.Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 273-289.

97. Козинец С.Б. Реализация метафорического потенциала языка в словообразовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. 2008. С. 246–251.

98. Корди Е.Е. Уступительные конструкции в современном французском языке // Типология уступительных конструкций. СПб.: Изд-во «Наука», 2004. С. 181-207.

99. Крюкова Н.Ф.
Понятие «концепт» в парадигме филологической герменевтики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. Т. 12. № 7. С. 40-47.

100. Крюкова Н.Ф.
Диалектика смысла и значения в контексте герменевтической интерпретации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2009. Т. 29. № 4. С. 74-76.

101. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Елена Самойловна Кубрякова. М.: Наука, 1986. 159 с.

102. Кубрякова Е.С. Инференция // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 197 с.

103. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред. и др. М., 2000. С. 5-13.

104. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №1. С. 5–12.

105. Кузьмина С.Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Светлана Евгеньевна Кузьмина. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2015. 499 с.

106. Лаврова О.А. Функционально-семантическое поле уступительности в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Аркадьевна Лаврова. Санкт-Петербург, Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1997. 233 с.

107. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс 1988. С. 12-52.

108. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Джордж Лакофф; перевод с английского И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

109. Латышева А.Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1982. №5. С. 51-60.

110. Левицкий Ю.А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов. Пермь: ПГУ, 1982. С. 113-122.

111. Лукин В.А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства // Вопросы языкознания. № 4. 2003. С. 91-109.

112. Лукьянченко Е.А. К вопросу понимания ментальной репрезентации // Вестник МГИМО-Университета. 2013. (2(29)) С. 167-169.

113. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / Алексей Федорович Лосев. М.: МГУ. 1982. 480 с.

114. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С.12–150.

115. Лошаков А.Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверхтекста // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2008. №1-2. С. 14-18.

116. Мазур А.В. О сигналах уступительных отношений в конструкциях с обособленными приложениями // Актуал. пробл. социально-гуманит. наук: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1997. Вып. 12. С. 86-88.

117. Мардиева Л.А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 62-68.

118. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / Валентина Авраамовна Маслова. 3-е изд. Минск: Тетра Системс, 2008. 272 с.

119. Меньшикова С.И. Метаконцепт «нравственность» и его репрезентация в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. 2010. С. 276-278.

120. Михайлова З.Ф. Уступительная связь в сложном синтаксисе современного немецкого языка // Вестник Новгородского государственного университета. № 87 (4-1). 2015. С. 183-186.

121. Мишина Е.Н. Сложноподчиненные и сложносочиненные предложения с уступительным значением в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Николаевна Мишина. Тамбов, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. 2002. 155 с.

122. Мишанкина Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. №1(22). 2010. С. 37-46.

123. Можнова Ж.И. Концептуальное значение слова в художественной прозе и публицистике: На материале творчества Е. Замятина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Жанна Игоревна Можнова. Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 1999. 130 с.

124. Москальская О.И. Грамматический идиоматизм и синтагматика // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 1. 1962. С. 3–10.

125. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса / Ольга Ивановна Москальская. М.: Высшая школа, 1974. 175 с.

126. Москальская О.И. Грамматика текста / Ольга Ивановна Москальская. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.

127. Москвин В.П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Проблема интертекстуальности. Волгоград: Известия ВГПУ, 2013. С. 54-60.

128. Мурзин Л.Н. О динамической природе языка [Текст] / Л.Н. Мурзин // Спорные вопросы русского языкознания: теория и практика. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 61-68.

129. Мусатова Г.А. Семантика уступки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Галина Александровна Мусатова. Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2008. 22 с.

130. Мягкова Е.Ю. Единицы внутреннего метаязыка с точки зрения их моделирования // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. 2010. С. 279-281.

131. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Ульрик Найссер; пер. с англ. В.В. Лучкова; вступ. ст. и общ. ред. Б.М. Величковского. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. 230 с.

132. Незнаева О.С. Прецедентные феномены в студенческом общении: механизмы появления и актуализация в различных речевых ситуациях: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Сергеевна Незнаева. Саратов. Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. 2019. 188 с.

133. Никонова Ж.В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: монография / Жанна Викторовна Никонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. (Серия «Филологические исследования»). 144с.

134. Никонова Ж.В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): Монография / Жанна Викторовна Никонова. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, 2007. 309 с.

135. Никонова Ж.В. Когнитивные основы иллокутивного дейксиса (на примере современного немецкого языка): 10.02.19; 10.02.04 / Жанна Викторовна Никонова. Тамбов: Тамбов гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2017. 451 с.

136. Нуждина А.В. Метафорическая номинация как прецедентная единица // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11-12 апреля 2013 года. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 992-995.

137. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / Михаил Васильевич Никитин. М.: Наука, 1988. 165 с.

138. Николаева Т.М., И. Фужерон. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 17-36.

139. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Елена Анатольевна Огнева. М.: Эдитус, 2013. 282 с.

140. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Логико-функциональный анализ языка / Роландас Ионович Павиленис. М.: Мысль, 1983. 286 с.

141. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Елена Викторовна Падучева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с. (Studia philologica).

142. Паршин П.Б. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы «хоть») // Референция и проблемы текстообразования: сборник научных трудов. М.: Наука, 1988. С. 146–168.

143. Пауль Г. Принципы истории языка / Герман Пауль ; Под ред. А. А. Холодовича; вступ. статья С. Д. Кацнельсона. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.

144. Пермякова Т.Н., Буракова А.А. Анализ семантических трансформаций прецедентных имен-антропонимов в японском песенном дискурсе // Современное педагогическое образование. 2020. № 7. С. 130-136.

145. Печёнкина Т.Г. Синтаксическая категория уступительности и формы её выражения в русском языке 2-ой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Таисия Григорьевна Печёнкина. Ленинград: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1976. 20 с.

146. Плисов Е.В. Диалектная лексика немецкого языка: учебное пособие / Евгений Владимирович Плисов. Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2020. 86 с.

147. Плотникова Е.В. Аспектуально-темпоральная семантика высказываний обобщенно-уступительного типа в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Валериевна Плотникова. Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2012. 24 с.

148. Подлеская В.И. Об одной условно-уступительной конструкции в русском языке // Типология уступительных конструкций. СПб.: Изд-во «Наука», 2004. С. 545-555.

149. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / Зинаида Даниловна Попова, Иосиф Абрамович Стернин. Воронеж: ВГУ, 2001. 191 с.

150. Постникова С.В. Сравнение сходства: динамика развития (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012 № 1(2). С. 405-407.

151. Постникова С.В. Прилагательные в немецком языке. Семантика и прагматика: монография / Светлана Васильевна Постникова. Нижний

Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. 220 с.

152. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / Александр Афанасьевич Потебня; ред. В.И. Борковский. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958. 534 с.

153. Рец Н.И. Концессивность как конституент концепта аргументативности // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 317-319.

154. Рубцова С.Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ // Научный диалог. 2020. № 7. С. 210-224.

155. Рябцева Н.К. Знание языка и знания о языке: метаязык речевого общения // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. державина, 2008. С. 45-55.

156. Савёлова Л.А. Концептуальная значимость наречий, образованных от антропонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №3 (16). С. 95-99.

157. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис / Владимир Зиновьевич Санников; отв. ред. А.П. Ершов. М.: Наука, 1989. 266 с.

158. Сафонова Н.В. Национальная концептосфера и прецедентность // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 135-142.

159. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке / Борис Александрович Серебренников, Елена Самойловна Кубрякова и др. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.

160. Скребцова Т.Г. Конференция «История когнитивной лингвистики» // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 153-155.

161. Слободенюк Е.А., Плисов Е.В. Вербальная репрезентация образа политика в медиадискурсе: концептуальный анализ: монография / Елена Александровна Слободенюк, Евгений Владимирович Плисов. Нижний Новгород: Мининский университет, 2020. 184 с.

162. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Геннадий Геннадьевич Слышкин. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004. 323 с.

163. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллект. монография / под общ. ред. Е.В. Плисова. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.

164. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Юрий Сергеевич Степанов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 248 с.

165. Степанова А.В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Васильевна Степанова. Самара: Сам. гос. пед. ун-т, 2006. 212 с.

166. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. 2006. №1 С. 40-47.

167. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129-222.

168. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1988. С. 173-203.

169. Теремова Р.М. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке / Римма Михайловна Теремова. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.

170. Тимирханов В.Р. Языковая прецедентность в оценках русского лингвистического реализма / Филология и культура. Philology and culture. №2(28). 2012. С. 121-124.

171. Тулина Е.В. Прецедентность в аспекте лингвистики повседневности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2020. С. 421.

172. Урысон Е.В. Союз «хотя» сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. 2002. №6. С. 35-53.

173. Урысон Е.В. Союзы, коннекторы и теория валентностей / Елена Владимировна Урысон. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. 20 с.

174. Устова М.А. Семантика высказываний с *though* и *although* и их дистрибуция: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мадина Александровна Устова. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2001. 16 с.

175. Ушкова Н.В. Преодоление концептуальной лакунарности на пересечении немецкой и русской лингвокультур // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. 2010. С. 519-521.

176. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 5-80.

177. Феномен прецедентности и прецедентные феномены. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология. 1998. Вып. 4. 128 с.

178. Феномен прецедентности и преемственность культур / Под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, И.Т. Титова. Вып. 8. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 362 с.

179. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. №1. С. 3–24.

180. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Людмила Алексеевна Фурс. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 192 с.

181. Фурс Л.А. Роль когнитивной доминанты в моделировании синтаксически репрезентируемого концепта // Когнитивные исследования языка. Вып. 1: Концептуальный анализ языка. 2009. С. 160-166.

182. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Мартин Хайдеггер. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.

183. Харитонов И.Е. Уступительно-противительные отношения и средства их выражения в современном английском языке (в сопоставлении с современным украинским языком): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.02 / Иван Кириллович Харитонов. Киев: Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1984. 216 с.

184. Хвесько Т.В. Дихотомия апеллятив/онома в языке и речи (на материале русского и английского языков): автореф. дис. докт-ра филол. наук: 10.02.20 / Тамара Владимировна Хвесько. Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2009. 351с.

185. Хлебда В. Метаоператоры в тексте и их основные функции // Слово во времени и пространстве. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. С. 415-429.

186. Хорохордина М.В. Скриптотимы как способ репрезентации знаний немецкоязычного культурного пространства (на примере номинаций в сфере ритуализованной коммуникации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Марина Владимировна Хорохордина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2018. 166 с.

187. Храковский В.С. Уступительные предложения в системе имплицативных конструкций // Общее языкознание и теория грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб: «Наука», 1998. С. 79-89.

188. Храковский В.С. Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103-122.

189. Храковский В.С. Анкета для описания уступительных конструкций // Типология уступительных конструкций. СПб.: Изд-во «Наука», 2004. С. 559-590.

190. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

191. Чумакина М.Э. Когнитивная и формальная структура конструкций обусловленности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Марина Эдуардовна Чумакина. Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. 149 с.

192. Шикалова Е.А. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных предложений уступительного типа в языке русской художественной прозы с 20-30-х годов XIX века по 90-е годы XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Александровна Шикалова. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2001. 179 с.

193. Abramow B.A. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Vergleichende Typologie der russischen und deutschen Sprachen. M.: Wlados, 2004. 286 S.

194. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. 4., überarb. u. erw. Aufl. München: Max Hueber, 1982. 265 S.

195. Barth-Weingarten D. Prozess und Resultat von Argumentationen: Die Habitate unterschiedlicher konzessiver Konstruktionen // Deppermann, A., Hartung M. (Hrsg.): Argumentieren in Gesprächen. Gesprächsanalytische Studien. Tübingen: Stauffenburg, 2003. S. 145-162.

196. Baschewa E. Der Konzessivsatz im Neuhochdeutschen – synchronische und diachronische Untersuchungen zu seiner Syntax, Semantik und Stilistik. Diss. Leipzig, 1980.

197. Behaghel O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Bd. IV. Heidelberg: Winter, 1932. 740 S.

198. Besch W., Reichman O., Sonderegger S.(Hrsg.): Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2 B-de. Berlin, New York, 1984.

199. Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // Untersuchungen zur Semantik / R. Růžicka, W. Motsch (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verl., 1983. S. 61-99.

200. Blühdorn H. Kausale Satzverknüpfungen im Deutschen // Pandaemonium germanicum. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. 2006. 10. S. 253-282.

201. Blühdorn H. Syntax und Semantik der Konnektoren – ein Überblick. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2008. 67 S.

202. Blühdorn H., Golubeva Nadežda A. Konzessivkonnektoren und ihre morphologischen Bestandteile im Deutschen und Russischen // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland. Bonn, 2007. S. 77-100.

203. Boguslawskaja I.W. Geschichte der deutschen Sprache. SPb.: KARO, 2006. 320 S.

204. Boretzky N., Dressler W.U. Natürlichkeitstheorie und Sprachwandel. Bochum: Brockmeyer, 1995 (= Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung, Band 22). 214S.

205. Braun P. Tendenzen in der Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. 3. Aufl. Stuttgart, Berlin, Köln: W. Kohlhammer, 1993 (Urbantaschenbücher 297). 265 S.

206. Braune W. Althochdeutsches Lesebuch: Zusammengestellt und mit Wörterbuch versehen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. 261 S.

207. Brauße U. Bedeutung und Funktion einiger Konjunktionen und Konjunkionaladverbien: *aber, nur, immerhin, allerdings, dafür, dagegen, jedoch* // E. Lang (Hrsg.): Untersuchungen zu Funktionswörtern (Adverbien, Konjunktionen, Partikeln). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1983. (Linguistische Studien des ZISW 104). S. 1-40.

208. Brauße U. Was ist Adversativität?: *aber* oder *und*? // Deutsche Sprache 26/2. 1998. S. 138-159.

209. Brauße U. Die kontextuellen Varianten des Konnektors *doch*. Ein Ausdruck von Relationen zwischen Widerspruch und Begründung // K. Piroška, A. Molnár (Hrsg.): Wort und (Kon)text. (Metalinguistika 7). Frankfurt a. Main u.a.: Peter Lang, 2001. S. 151-171.

210. Brauße U. Die Partikel *allein*. Klassifizierungs- und Bedeutungsprobleme // Linguistik online 6/2, 2000. http://www.linguistik-online.com/2_00/brausse.html

211. Breindl E. Das Rätsel um das paradoxe *allerdings*: (K)ein Fall für die Textgrammatik der deutschen Sprache? // M. Thurmair, E. Willkop (Hrsg.): Am Anfang war der Text – 10 Jahre „Textgrammatik der deutschen Sprache“. München: iudicium, 2003. S. 73-94.

212. Breindl E. Konzessivität und konzessive Konnektoren im Deutschen // Deutsche Sprache. 32. 2004(1). S. 2-31.

213. Breindl E. Relationsbedeutung und Konnektorbedeutung: Additivität, Adversativität und Konzessivität // Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn et al. (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004(2). S. 225–253.

214. Buscha Jo., Freudenberg-Findeisen R. et al. Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene. 1. Aufl. Ismaning: Verlag für Deutsch, 1998. 336 S.

215. Charitonowa I.J. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Syntax. Kiew: Hochschule, 1976. 179 S.

216. Clément D., Thümmel W. *Während* als Konjunktion des Deutschen // Harras G., Bierwisch M. (Hrsg.): Wenn die Semantik arbeitet. Klaus Baumgärtner zum 65. Geburtstag. Tübingen: Niemeyer, 1996. S. 257-276.

217. Couper-Kuhlen E., Kortmann B. (Hrsg): Cause, condition, concession, contrast. Cognitive and discourse perspectives. Berlin / New York: Mouton De Gruyter, 2000. 481 p.

218. Couper-Kuhlen E., Thompson S.A. A linguistic practice for retracting overstatements: 'Concessive repair'. In: Hakulinen, Auli/Selting, Margret (Hg.): Syntax and Lexis in Conversation. Studies on the use of linguistic resources in talk-in-interaction. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005. (=Studies in Discourse and Grammar17). S. 257–288.

219. Deane P. D. Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992. 355 p.

220. Di Meola C. Grammatikalisierungsprozesse am Beispiel subordinativer Konzessivkonnektive // Papiere zur Linguistik 57. 1997(1). S. 183-203.

221. Di Meola C. *Auch wenn – auch (dann) wenn – wenn auch – wenn ... auch*: Zur Syntax und Semantik einiger Konzessivkonnektive // Convivium. Germanistisches Jahrbuch Polen, 1997(2). S. 389-410.

222. Di Meola C. Zur Definition einer logisch-semantischen Kategorie: Konzessivität als „versteckte Kausalität“ // Linguistische Berichte 175, 1998. S. 329-352.

223. Di Meola C. Ikonische Beziehungen zwischen Konzessivrelation und Konzessivkonnektoren // Blühdorn H., Breindl E., Waßner U.-H. (Hrsg.): Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik. Berlin/New York: de Gruyter, 2004. (=Linguistik: Impulse & Tendenzen5). S. 287-307.

224. Diewald G.-M. Grammatikalisierung. Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen. Tübingen: Niemeyer, 1997 (Germanistische Arbeitshefte 36). 133 S.

225. Dreier H., Schmitt R. Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik. Neubearbeitung. Ismaning: Max Hueber Verlag, 2001. 364 S.

226. Duden. Die Grammatik. 4., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995. 866 S.

227. Dufter A. Konzessivität als markierte Konkurrenz // Blank A., Koch P. (Hrsg.): Kognitive romanische Semasiologie und Onomasiologie. Tübingen: Niemeyer, 2003. (Linguistische Arbeiten 467). S. 57-76.

228. Eggs E. Zum Verhältnis von Grammatik und Wirklichkeitskenntnis in Konzessivsätzen (am Beispiel des Französischen) // Papiere zur Linguistik 12, 1977. S. 116-158.

229. Eggs E. Argumentative Konnektoren und Textkonstitution. Am Beispiel von deduktiven und adversativen Strukturen // Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogrammatik 16). S. 61-90.

230. Eggs F. „Weiß sowieso jeder“ — Eine funktional-grammatische Analyse der Ausdrücke *sowieso*, *eh*, *ohnedies* und *ohnehin* // Hoffmann L. (Hg.): Funktionale Syntax. Die pragmatische Perspektive. Berlin/New York: De Gruyter, 2003. S. 270-306.

231. Ehlich K. Funktionale Etymologie // G.G. Brüner, G. Graefen (Hrsg.): Funktionale Etymologie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 67-82.

232. Engel U. Kommunikative Grammatik Deutsch als Fremdsprache: die Regeln der deutschen Gebrauchssprache in 30 gemeinverständlichen Kapiteln; mit Texten und Aufgaben / U. Engel; R.-K. Tertel. München: Iudicium-Verl., 1993. 290 S.

233. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Winter, 2004 (= 1998). 416 S.

234. Engel U. Partikeln im Kontrast. In: Engel, Ulrich/Jurasz, Alina/Katny, Andrzej/Tomiczek, Eugeniusz (Hg.): *Gaudium in scientia linguarum*. Ausgewählte Schriften. Wrocław/Dresden: Neisse, 2006. S. 203-218.

235. Eroms H.-W. Zur Syntax der Konnektoren und Konnektivpartikeln // Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogermanistik 16). S. 47-60.

236. Fabricius-Hansen C. Subjuncto // L. Hoffmann (Hrsg.): *Deutsche Wortarten*. 2007. S. 759-790.

237. Fahrländer S. Zur Syntax und Semantik der konzessiven Satzkonnektoren *obwohl* und *trotzdem* // *Pandaemonium germanicum* 10. 2006. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. 2009. S. 253-282.

238. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1976. 361 S.

239. Forrester J. Thinking in case // *History of the human sciences*. L. Etc., 1996. Vol. 9. №3. P. 1-25.

240. Forstreuter E. Feldgrenzen — Grenzfelder: Zum Problem der didaktischen Erfassung konzessiver Sprachmittel // *Freudenberg-Findeisen, Renate* (Hg.): *Ausdrucksgrammatik versus Inhaltsgrammatik*. Linguistische und didaktische Aspekte der Grammatik. München: iudicium, 1999. S. 247-253.

241. Fourquet J. Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau // *Besch, Werner et al.* (Hrsg.): *Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters*. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag. Berlin: E. Schmidt, 1974. S. 314-323.

242. Frege G. Über Sinn und Bedeutung / G. Frege // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 100. 1962 (=1892). S. 25–50.

243. Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien // G. Patzig (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962 (= 1918) (= Vandenhoeck-Reihe 1144). 243 S.
244. Fritz G. Historische Semantik. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1998. 198 S.
245. Gallmann P. Wortbegriff und Nomen-Verb-Verbindungen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1999. № 2 (18). S. 269-304.
246. Glück H., Sauer W.W. Gegenwartsdeutsch. 2. überarb. u. erw. Aufl. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 1997. 343 S.
247. Große R. Konzessivsätze unter soziologischen und historischen Aspekten // H. Popp (Hrsg.): Deutsch als Fremdsprache. An der Quelle eines Faches. Festschrift für Gerhard Helbig zum 65. Geburtstag. München: iudicium, 1995. S. 139-145.
248. Günthner S. From concessive connector to discourse marker: the use of *obwohl* in everyday German interaction // Couper-Kuhlen E., Kortmann B. (Hgg.): Cause, Condition, Contrast, Concession: Cognitive and Discourse Perspectives. Berlin, New York: de Gruyter, 2000(a). S. 439-468.
249. Günthner S. „Wobei es hat alles immer zwei Seiten.“ Zur Verwendung von *wobei* im gesprochenen Deutsch // Deutsche Sprache 28/4. 2000(b). S. 312-341.
250. Günthner S. Zum kausalen und konzessiven Gebrauch des Konnektors *wo* im gegenwärtigen Deutsch // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2002. 30. S. 310-341.
251. Haspelmath M. Grammatikalisierung: von der Performanz zur Kompetenz ohne angeborene Grammatik // Gibt es eine Sprache hinter dem Sprechen? / S. Krämer, E. König (Hrsg.). Frankfurt: Suhrkamp, 2002. S. 262-286.
252. Haspelmath M., König E. Concessive conditionals in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe (Eurotyp, 20-

30) / Van der Auvera J. (ed.). Berlin, New York: 1998. Walter de Gruyter. P. 46-78.

253. Heine B. Grammaticalization // The Handbook of historical linguistics / B. Joseph, R. Janda (ed.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 575-601.

254. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 400 p.

255. Hunnius K. Der Konzessivsatz aus kognitiver Sicht: Überlegungen zur französischen Modalsyntax // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur 109. 1999. S. 241-255.

256. Jegorowa A.S. Semantisch-grammatische Charakteristik der Bedeutungskomponenten der Konzessivmetawörter in kontrastiver Sicht // Иностранные языки в условиях глобализации: образование, экономика, культура: сборник статей Международной научной конференции. 2013. С. 112-117.

257. Johnson M. The body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1987. 341p.

258. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. 5., durchges. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1973. 518 S.

259. Kanngießer S. Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz. Osnabrück: V&R unipress in Göttingen, 2006. 368 S.

260. Kleiber G. Prototypensemantik. Eine Einführung. 2. Auflage. Tübingen: Narr, 1998. (Studienbücher) 151 S.

261. Klein W., Stutterheim Ch. von. Textstruktur und referentielle Bewegung // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1992. 86. S. 67-92.

262. Kluge F. Abriß der deutschen Wortbildungslehre. Halle: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1925. 264 S.

263. König E. Concessive connectives and concessive sentences: Cross-linguistic regularities and pragmatic principles // Hawkins J.A. (Hrsg.): Explaining language universals. Oxford: Blackwell, 1988. P. 145-166.

264. König E. Konzessive Konjunktionen // Stechow A. von / Wunderlich D. (Hrsg.): Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin / New York: de Gruyter, 1991. S. 631-639.

265. König E. Konzessive Konditionalsätze im Deutschen und anderen germanischen Sprachen // Nordlyd. 22. 1994. S. 85-101.

266. König E., van Auwera J. Clause Integration in German and Dutch conditionals, concessive, conditionals, and concessives // Haiman J., Thompson S.A. (Hrsg.): Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 101-133.

267. König E., Siemund P. Intensifikatoren und Topikalisierung: Kontrastive Beobachtungen zum Deutschen, Englischen und anderen germanischen Sprachen // Wegener, Heide (Hg.): Deutsch kontrastiv. Typologisch vergleichende Untersuchungen zur deutschen Grammatik. Tübingen: Niemeyer, 1999. S. 87-110.

268. König E., Siemund P. Causal and concessive clauses: Formal and semantic relations // Couper-Kuhlen, Elizabeth / Kortmann, Bernd (Hrsg.): Cause, condition, concession, contrast. Cognitive and discourse perspectives. Berlin / New York: de Gruyter, 2000. P. 341-360.

269. Kortmann B. Adverbial Subordinators in the languages of Europe // Adverbial Constructions in the languages of Europe / J. van der Auwera (eds.). Berlin, New York: de Gruyter, 1998 (= Empirical approaches to language typology 20). P. 457–561.

270. Krause M. Textverknüpfung mittels DA + Präposition // Cambourian, Alain (Hrsg.): Textkonnectoren und andere textstrukturierende Einheiten. (Eurogermanistik; Bd. 16). Tübingen: Narr, 2001. S.136-143.

271. Kühnhold I. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Dritter Hauptteil: Das Adjektiv / I. Kühnhold, O. Putzer, H. Wellmann. Düsseldorf: Schwann, 1978. 268 S.

272. Kwon M.-J. Modalpartikeln und Satzmodus. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik der deutschen Modalpartikeln: Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. München: Ludwig Maximilians Universität, 2005. 260 S.

273. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 39-74.

274. Lang E. Schnittstellen bei der Konnektoren-Beschreibung // Brücken schlagen. Grundfragen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn et al (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 45-92.

275. Lang E., Umbach C. Kontrast in der Grammatik: spezifische Realisierungen und übergreifender Konnex. Leipzig: Institut für Linguistik, Universität Leipzig, 2002. (Linguistische Arbeitsberichte 79).

276. Lehmann Ch. Grammatikalisierung und Lexikalisierung // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 42. 1989. S. 11-19.

277. Leuschner T. Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin: de Gruyter, 2005. 549 S.

278. Leuschner T. *Ob blond, ob braun, ich liebe alle Frau'n*. Irrelevanzkonditionalen als grammatikalisierte Diskurs // Leuschner T., Mortelmans T., de Groot S. (Hg.): Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin/New York: de Gruyter, 2005. (=Linguistik, Impulse & Tendenzen 9). S. 279-307.

279. Linke A., Nussbaumer M. Konzepte des Impliziten: Präsuppositionen und Implikaturen // Brinker K., Antos G., Heinemann W., Sager S. F. (Hrsg.) Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch

zeitgenössischer Forschung. Halbband 1. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. S. 435-448.

280. Löbner S. Semantik. Eine Einführung. Berlin, New York: de Gruyter, 2003. 391 S.

281. Lühr R. Konzessive Relationen // Askedal J.O. (Hg.): Historische germanische und deutsche Syntax. Akten des internationalen Symposiums anlässlich des 100. Geburtstags von Ingerid Dal (Oslo, 27.9.-1.10. 1995). Frankfurt a. M.: Lang, 1998. S. 165-192.

282. Marillier J.-F. Der Syntaktische Status der parataktischen adversativen Junktoren // Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2001 (Eurogermanistik 16). S. 185–200.

283. Marschall M. Textstrukturierung und Konnectoren / Cambourian, Alain (Hrsg.): Textkonnectoren und andere textstrukturierende Einheiten. (Eurogermanistik; Bd. 16). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogrammatik 16). S. 92-97.

284. Matzel K. Konzessive Konjunktionen – gestern und heute // Geist und Zeit. Festschrift für Roswitha Wisniewski zu ihrem 65. Geburtstag. Frankfurt a. Main: Lang, 1991. S. 337-353.

285. Métrich R. Konnectoren definieren – aber wie? In: Cambourian, Alain (Hrsg.): Textkonnectoren und andere textstrukturierende Einheiten. (Eurogermanistik; Bd. 16). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogrammatik 16). S. 19-31.

286. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. (Москальская О.И. История немецкого языка): Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 288 с.

287. Matzel K. Konzessive Konjunktionen – gestern und heute // Askedal, John Ole (Hg.): Geist und Zeit. Wirkungen des Mittelalters in Literatur und

Sprache. Festschrift für Roswitha Wisniewski zu ihrem 65. Geburtstag. Frankfurt a. M.: Lang, 1991. S. 337-353.

288. Max I. Assertion und Präsupposition. Zur Semantik und Pragmatik von Konnektoren // Brücken schlagen. Grundfragen der Konnektorenssemantik / H. Blühdorn et al (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 225-255.

289. Ortner H.-P. Syntaktisch hervorgehobene Konnektoren im Deutschen // Deutsche Sprache. 1983. 11. S. 97-121.

290. Pasch R. Illokutionsstrukturtypen // Satz, Text, sprachliche Handlung / W. Motsch (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1987 (= studia grammatica 25). S. 119-161.

291. Pasch R. Konzessivität von *Wenn*-Konstruktionen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1994. 147 S.

292. Pasch R. WEIL mit Hauptsatz – Kuckucksei im DENN-Nest // Deutsche Sprache. 3. 1997. S. 252-271.

293. Pasch R. Der subordinierende Konnektor *wo*: kausal und konzessiv? // R. Freudenberg-Findeisen (Hrsg.): Ausdrucksgrammatik versus Inhaltsgrammatik. Linguistische und didaktische Aspekte der Grammatik. München: iudicium, 1999. S. 139-154.

294. Pasch R. Vorschlag für die Neuordnung der „subordinierenden“ Konjunktionen des Deutschen // M. Lefèvre (Hrsg.): Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik. (Eurogermanistik. Europäische Studien zur deutschen Sprache 15). Tübingen: Stauffenburg, 2000. S. 23-32.

295. Pasch R. Zur Bedeutung von deutsch *geschweige (denn)* // Linguistik online 6/2, 2000. URL: http://www.linguistik-online.com/2_00/pasch.html

296. Pasch R. Das „Handbuch der deutschen Konnektoren“ // Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorenssemantik / H. Blühdorn et al. (Hrsg.). Berlin, N. Y.: de Gruyter, 2004. S. 11-45.

297. Pasch R., Brausse U. et al. Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin, New York: de Gruyter, 2003 (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache; Bd. 9). 733 S.

298. Patzke U. Konzessivität und naives Weltbild // Aspekte der Kausalität im Slavischen. Mainzer Studien zur Kausalität / W. Girke (Hrsg.). München: Fink, 1999. S. 140-160.

299. Patzke U. Konzessive Konnektive im Russischen // Wiener Slavistisches Jahrbuch 51. 2006. S. 179-195.

300. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle a. Saale: VEB Max Niemeyer, 1958 (1920). Bd. 5. Teil 4: Wortbildungslehre. 342 S.

301. Posch G. Zur Semantik der kontrafaktischen Konditionale. Tübingen: Narr, 1980. (Ergebnisse und Methoden moderner Sprachwissenschaft 9).

302. Prozesse sprachlicher Verstärkung. Typen formaler Resegmentierung und semantischer Remotivierung. Linguistik – Impulse & Tendenzen / R. Harnisch (Hrsg.): Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. 383 S.

303. Rosch E. Principles of categorization // E. Rosch, B. B. Lloyd (eds.). Cognition and Categorization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 27-48.

304. Rudolph E. Contrast. Adversative and concessive relations and their expressions in English, German, Spanish, Portuguese on sentence and text level. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1996. 564 p.

305. Sandig B. Kontextualisierungshinweise: Verwendungen von *so* im Prozeß sprachlichen Handelns // Rosengren, Inger (Hg.): Sprache und Pragmatik; Lunder Symposium 1986. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1987 (=Lunder Germanistische Forschungen 55). S. 327-333.

306. Saxer R. Grammatik Deutsch – die Grundlagen. Österreich, Klagenfurt am Wörthersee: Alpen-Adria Universität, 2014. 202 S.

307. Schanen F. Textkonnectoren: der begriffliche Hintergrund // Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogrammatik 16). S. 1-17.

308. Schramm W. Syntaktische Synonyme zur Bezeichnung der unzureichenden Bedingung für die Änderung eines Geschehens. Diss. Greifswald, 1977.

309. Schwarz M., Chur J. Semantik. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr, 2001. 224 S.

310. Silverstein M. Case marking and the nature of language // Australian Journal of Linguistics 1. 1981. P. 227-244.

311. Starke G. Untersuchungen zum Problem der konzessiven Beziehung und zu ihrem sprachlichen Ausdruck im Deutschen // Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache 2, 1982. S. 130-144.

312. Stede M. Kontrast im Diskurs // Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik / H. Blühdorn et al. (Hrsg.). Berlin, New York: de Gruyter, 2004. S. 255-285.

313. Stedje A. Deutsche Sprache gestern und heute. Einführung in die Sprachgeschichte und Sprachkunde. München: Wilhelm Fink Verlag, 1996. 223 S.

314. Strecker B. *Ich mein' ja nur*. Exemplarische Betrachtungen zu Syntax und Semantik von Partikeln im Deutschen // Breindl E., Gunkel L., Strecker B. (Hg.): Grammatische Untersuchungen. Analysen und Reflexionen. Gisela Zifonun zum 60. Geburtstag. Tübingen: Narr, 2006. (=Studien zur deutschen Sprache 36). S. 431-450.

315. Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge u. a.: Cambridge University Press, 1990. 174 p.

316. Textkonnektoren und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). (Eurogermanistik; Bd. 16). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogrammatik 16). 222 S.

317. Ulrich W. Ambiguitätsverarbeitung beim Parsing. Zum Erkennen und Interpretieren struktureller Mehrdeutigkeit im Satz // Der Sprachdienst. 1(63). 2019. S. 20-29.

318. Umbach C. Restriktion der Alternativen. Leipzig: Institut für Linguistik, Universität Leipzig, 2001. (Linguistische Arbeitsberichte 77).

319. Umbach C., Stede M. Kohärenzrelationen: Ein Vergleich von Kontrast und Konzession // KIT Report 148 (FB Informatik, TU Berlin), 1999. <http://flp.cs.tu-berlin.de/publikationen/kit/r148/Kohaerenzrelationen.pdf>

320. Van Auwera J., Schalley E., De Vogelaer G. Analogie und die Verbreitung der verbalen Kongruenz bei Imperativen, Konjunktionen und Antwortpartikeln // Rüdiger Harnisch (Hrsg.): Prozesse sprachlicher Verstärkung. Typen formaler Resegmentierung und semantischer Remotivierung. Linguistik – Impulse & Tendenzen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. S. 269-305.

321. Vater H. Referenz-Linguistik / München: W. Fink Verlag, 2005. 206 S.

322. Waßner U.-H. Konnektoren und Anaphorika – zwei grundlegende sprachliche Mittel zur Herstellung von Zusammenhang zwischen Textteilen // Cambourian, Alain (Hrsg.): Textkonnektoren und andere textstrukturierende Einheiten. (Eurogermanistik; Bd. 16). Tübingen: Stauffenburg, 2001(1). (Eurogrammatik 16). S. 33-44.

323. Waßner U.-H. „Halb zog sie ihn, halb sank er hin“ – Anmerkungen zu einem phraseologischen Konnektor des Deutschen // U.-H. Waßner (Hrsg.): Lingua et Linguae. Festschrift für Clemens-Peter Herbermann. Aachen: Shaker, 2001(2). S. 447-469.

324. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. 1111 S.

325. Weydt H. *Nachts schlafen die Ratten doch — Os ratos dormem de noite*. Partikeln in der literarischen Übersetzung // Blühdorn H., Schmidt-Radefeldt Jü. (Hg.): Die kleineren Wortarten im Sprachvergleich Deutsch-Portugiesisch. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2003. (=Rostocker Romanistische Arbeiten7). S. 243-257.

326. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. 2. Abteilung: Wortbildung. Straßburg: Appelt, 1899. 584 S.

327. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. 3 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 1997 (= Schriften des Instituts für Deutsche Sprache). 518 S.

Словари и справочная литература

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2007. 72 с.

2. Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

3. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.

4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

5. Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. М: Русский язык медиа, 2005. 736 с.

6. Добровольский Д.О., Шарандин А.В. и др. Новый большой немецко-русский словарь в 3-х томах. М.: Астрель, М.: АСТ, 2009-2010. 3568 с.

7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. 720 с.

8. Лейн. К., Мальцева Д.Г. и др. Большой немецко-русский словарь. М.: Русский язык – Медия, 2001. 1038 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь: электронная версия. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с.
10. Немецко-Русский Словарь: 20000 слов / сост. Н.В. Глен-Шестакова, В.Б. Линдер, А.О. Орлова, И.В. Рахманов. М.: Рус. яз. 528 с.
11. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во коммерч. ун-та, 1993. 431с.
12. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка в 3-х томах. Том 2. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. 419 с.
13. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в 10т.: Том I / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1998. 526 с.
15. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Л.С. Шаумяна; гл. ред. Ф.Н. Петров. Изд-е шестое, переработанное и дополненное. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
16. Словарь русского языка: В4-х т. Том III / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. 752 с.
17. Философский словарь / под ред. Фролова И.Т. М.: Республика, 2001. 720 с.
18. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Neu bearb. Aufl., herausg. von der Dudenredaktion. **Duden** Band 7. Redaktionelle Bearbeitung Prof. Dr. Jörg Riecke Projektleitung Dr. Christine Tauchmann, Dr. Werner Scholze-Stubenrecht. Berlin: Dudenverlag, 2014. 1052S.
19. Kempter G. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000. 1332 S.

20. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Straßburg: K.F. Trübner, 1899. 534 S.

21. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. Neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. Erster Band A–L. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1938. 287 S.

22. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 3 Bde. Berlin: Akademie-Verlag, 1993.

23. Russisches etymologisches Wörterbuch / von Max Vasmer Erster. Band A – K. Heidelberg: Carl Winters Universitätsverlag, 1953. 712 S.

Интернет-источники

1. Михновец Н.Г. Явление прецедентности: лингвистический и литературоведческие подходы.
URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/mikhnovets_7_21_2_41_50.pdf/
2. URL: <http://enc-dic.com/efremova>
3. URL:
<http://ozhegov.slovaronline.com/%D0%9F/%D0%9F%D0%9E/25691-POCHERK>
4. Vorozhtova O.A. Precedent phenomena in the United States presidential debates of 2004/ International Journal of Advanced Studies (ISSN 2227-930X Online) VOL.2, № 2, 2012.
URL: <http://www.library.ru>
5. Brauße U. Die Partikel *allein*. Klassifizierungs- und Bedeutungsprobleme // Linguistik online 6/2, 2000.
URL: http://www.linguistik-online.com/2_00/brausse.html
6. URL: [http:// sites.google.com>site/rusarchive...gilel...ks](http://sites.google.com/site/rusarchive...gilel...ks)

Список источников иллюстративного материала

1. Библия. КНИГИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТА. М.: Российское библейское общество, 2004. 1338 с.
2. Богуславская И.В. История немецкого языка. Хрестоматия: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб.: КАРО, 2006. 320 с.
3. Григорьевский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. М.: Издательство «Локид-пресс», 2007. 288 с.
4. Bechert J. Einführung in die generative Transformationsgrammatik: Ein Lehrbuch. Linguistische Reihe. 3. Aufl. München: Max Hueber, 1973. 238 S.
5. Borchert W. Das Brot // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 109-114.
6. Brücken = Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensesemantik / H. Blühdorn et al (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. 434 S.
7. Duden = Die Grammatik / G. Drosdowski (Hrsg.). 4., völlig neu erarb. u. erweit. Aufl. Mannheim / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1984. 800 S.
8. Engel = Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Winter, 2004 (= 1998). 416 S.
9. Erben = Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 9., unveränd. Aufl. Berlin: Akademie-Verl., 1966. 316 S.
10. HdK = Pasch R., Brausse U. et al. Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin, New York: de Gruyter, 2003 (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache; Bd. 9). 733 S.
11. Jung = Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. 5., durchges. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1973 (= 1966). 518 S.
12. Mann = Mann H. Das Wunderbare // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 311-358.

13. Mann = Mann Th. Tonio Kröger // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 105-108.

14. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für alle und keinen. Leipzig: Alfred Kroner Verlag, 1922. 502 S.

15. Prozesse = Prozesse sprachlicher Verstärkung. Typen formaler Resegmentierung und semantischer Remotivierung. Linguistik – Impulse & Tendenzen / R. Harnisch (Hrsg.): Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. 383 S.

16. RL = Vater H. Referenz-Linguistik. München: Fink, 2005. 198 S.

17. Roth = Roth J. Der Leviathan // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 115-170.

18. TK = Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten / A. Cambourian (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg, 2001 (Eurogermanistik 16). 222 S.

19. Tucholsky K. Eine schöne Dänin // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 303-310.

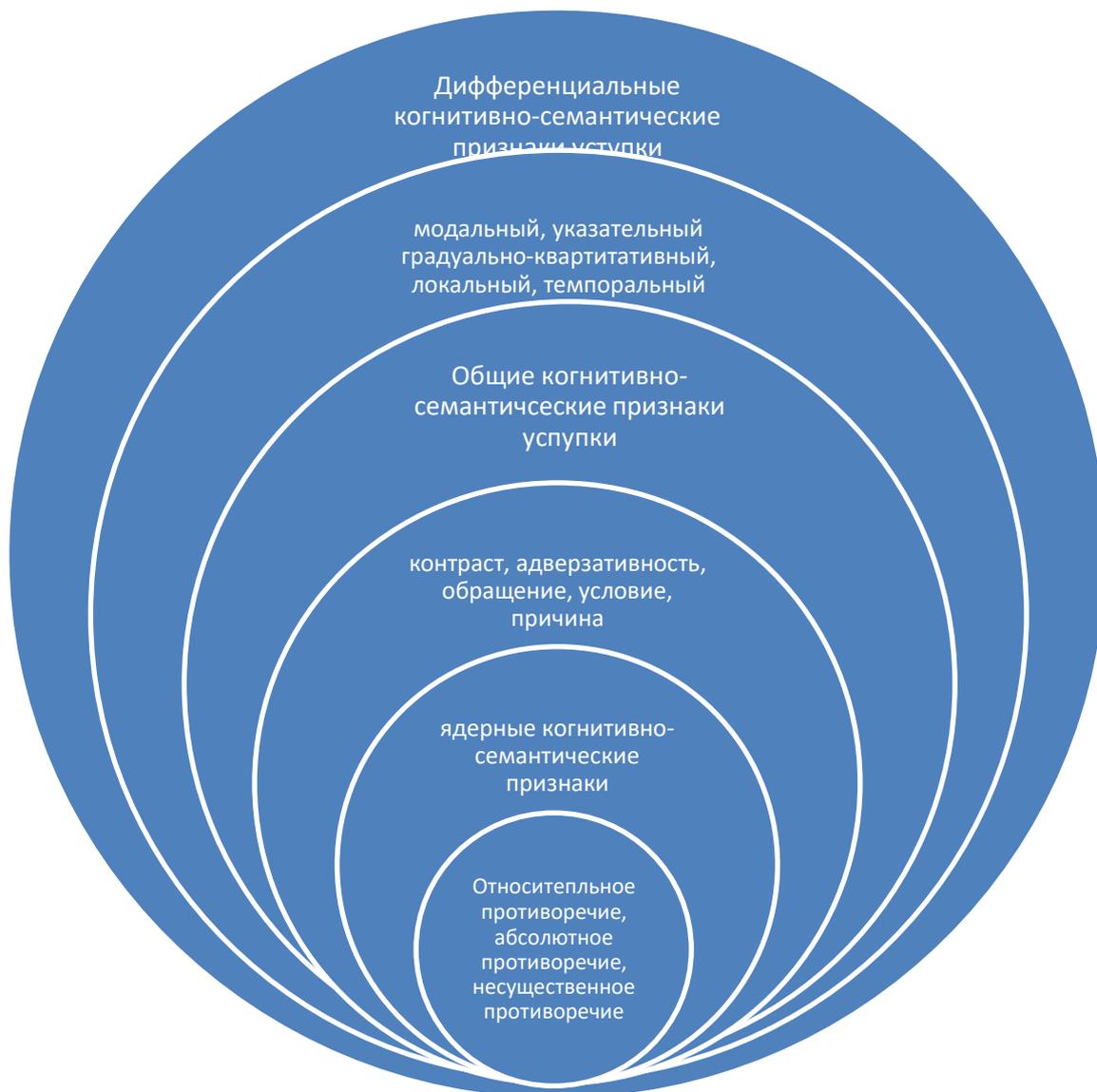
20. Zweig S. Novellen. Leipzig: Insel-Verlag, 1976. 156 S.

Рис. 1. Метаконцепт уступка (внутриконцептуальные связи)

Рис. 2. Логико-семантические признаки concessивов

**Рис. 3. Когнитивно-семантические признаки
концессивов**